Вестник Московского университета Лингвистика и межкультурная коммуникация

Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal

Linguistics
and Intercultural Communication

Linguistique
et communication interculturelle

Linguistik
und interkulturelle Kommunikation

Lingüística
y Comunicación Intercultural

Linguistica
e comunicazione interculturale

Лингвистика
и међукултурна комуникација

Lingvistika
a mezikulturní komunikace

Lingwistyka
i Komunikacja Międzykulturowa

Лингвистика
и междукултурна комуникация

Вестник
Московского
университета

Научный журнал
Основан в 1946 году

Издательство
Московского
университета

Серия
19

Лингвистика и межкультурная коммуникация

№ 2 • 2025

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; факультет иностранных языков и регионоведения МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Молчанова Г.Г. (главный редактор), и.о. декана факультета иностранных языков и регионоведения, д.ф.н., проф., зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Загрязкина Т.Ю. (отв. секретарь)**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой французского языка и культуры

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Богданова Л.И., д.ф.н., проф. кафедры сопоставительного изучения языков; **Бубнова Г.И.,** д.ф.н., проф., зав. кафедрой французского языка для факультета иностранных языков и регионоведения; **Джек Ричардс (Jack Richards)**, Сиднейский ун-т (Австралия), Оклендский ун-т (Новая Зеландия); **Запольская Н.Н.**, д.ф.н., доц., зав. кафедрой славянских языков и культур; **Калуцков В.Н.**, д.г.н., проф. кафедры региональных исследований; **Карташева Н.В.**, к.культ., доцент, зав. кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур; **Ксенженко О.А.**, к.ф.н., доц. кафедры теории преподавания иностранных языков; **Левицкий А.Э.**, д.ф.н., проф. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Павловская А.В.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой региональных исследований; **Полубиченко Л.В.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языка для естеств. ф-тов; **Прошина З.Г.**, д.ф.н., проф. кафедры теории преподавания иностранных языков; **Раевская М.М.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой испанского языка; **Ренате Ратмайр (Renate Rathmayr)**, Ин-т славянских языков Венского ун-та экономики и бизнеса (Австрия); **Роберт Геккель (Robert Goeckel)**, Ун-т штата Нью-Йорк, Колледж в Дженесео (США); **Роберт Илсон (Robert Ilson)**, Ун-т колледжа Лондона (Великобритания); **Робустова В.В.**, к.ф.н., доц. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Роланд Сассекс (Roland (Roly) Sussex)**, Ун-т Квинсленда (Австралия); **Сафонова В.В.**, д.п.н., проф. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Титова С.В.**, д.п.н., проф., зав. кафедрой теории преподавания иностранных языков; **Устинова Т.В.**, д.ф.н., доц. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Чжэн Тиу (Zheng Tiwu)**, Ин-т мировой литературы Шанхайского ун-та иностранных языков (КНР); **Шевлякова Д.А.**, д.культ., доц., зав. кафедрой итальянского языка; **Ян Кэ (Yang Ke)**, Ин-т европейских языков и культур Гуандунского ун-та иностранных языков и международной торговли (КНР)

Редактор А.Э. Бекмухамедова

Адрес редакции:
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13/14, корп. В, каб. 238.
Тел.: 8-495-734-03-10. Факс: 8-495-932-88-67. E-mail: vestnik19@yandex.ru

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации №016651 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 17.06.2025. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,125. Уч.-изд. л. 11,12. Тираж 85 экз. Изд. № 13089. Заказ №

Издательство Московского университета. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com. Отд. реализации: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: http://msupress.com

Отпечатано в типографии ООО «Паблит». 127214, г. Москва, Полярная ул., д. 31В, стр. 1,
Э/ПОМ/К 3/1/1. Тел.: (495) 859-48-62

© Издательство Московского университета. «Вестник Московского университета», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Перевод и переводоведческие исследования

Устинова Т.В. Постредактирование машинного перевода: прикладные и теоретические направления исследования 9

Вопросы лексикологии и лексикографии

Прошина З.Г. Опосредованные заимствования в русском языке: заимствования сокращения 25

Лингвистика и уровни языка

Бубнова Г.И. Просодия в речевом взаимодействии устной и письменной форм языка 39

Бунтман Н.В., Егорова А.Ю. Проблемы описания категории безличности во французском языке 59

Язык и межкультурная коммуникация

Загрязкина Т.Ю. Французский язык в странах Африки: принципы изучения (на материале франкофонных исследований второй половины XX-начала XXI века 73

Едличко А.И. Языковые нормы в цифровую эпоху 91

Антюхова Е.А., Караулова Ю.А. Коммуникативно-прагматические функции средств речевого хеджирования. 105

Современные направления лингвистики и текстологии

Добросклонская Т.Г. Актуализация категории идеологической модальности в англоязычном дискурсе прессы. 119

Соловьева Ю.О. Коммуникативная политональность современного российского популярно-юридического дискурса 134

История, традиции и современные тенденции культуры

Калуцков В.Н. Полимасштабный образ России в стихотворении Лермонтова «Деревня»: от образа-картины к образу-карте 145

Анастасьева И.Л. Культурно-символическая и коллективная память в художественном тексте 156

Теория и практика обучения иностранным языкам и РКИ

Коренев А.А., Давыдова О.Л. Трансформация формата и конструкта государственной итоговой аттестации студентов лингвистических направлений подготовки 171

Сахнина Е.Л. Лингводидактические основы развития идиоматической компетенции у студентов магистратуры языковых специальностей 184

CONTENTS

Translation and Translation Studies

Ustinova T.V. Post-editing of machine translation: applied and theoretical research perspectives 9

Issues of Lexicology and Lexicography

Proshina Z.G. Indirect loanwords in Russian: shortened borrowings 25

Linguistics and Language Levels

Bubnova G.I. Prosody in the oral and written language forms interaction 39

Buntman N.V., Egorova A.Yu. The problems of describing the category of impersonality in the French language 59

Language and Intercultural Communication

Zagryazkina T.Yu. French in Africa: principles of study (based on francophone studies from the late 20th to the early 21st century) 73

Edlichko A.I. Language norms in the digital age 91

Antyukhova E.A., Karaulova Yu.A. Communicative and pragmatic functions of hedging 105

Modern Trends in Linguistics and Textology

Dobrosklonskaya T.G. The category of ideological modality in the English press discourse 119

Solovyeva Yu.O. Communicative politonality of contemporary Russian popular legal discourse 134

History, Traditions and Modern Trends in Culture

Kalutskov V.N. A multi-scale image of Russia in Lermontov's poem "The Village": from picture-image to map-image. 145

Anastasyeva I.L. Cultural, symbolic and collective memory in a literary text 156

Theory and Practice of Foreign Language Teaching and Russian as a Foreign Language

Korenev A.A., Davydova O.L. Transformation of the format and construct of the state final assessment for students majoring in Linguistics 171

Sakhnina E.L. Linguodidactic fundamentals of developing idiomatic competence of master's degree students majoring in Linguisctics 184

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т.В. Устинова

ПОСТРЕДАКТИРОВАНИЕ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА: ПРИКЛАДНЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; utanja@mail.ru

Аннотация. В статье с опорой на справочно-информационные документы, нормативные документы и переводоведческие исследования рассматриваются прикладные и теоретико-методологические аспекты изучения постредактирования машинного перевода. Анализируются требования профессиональных стандартов к готовности специалиста к данному виду деятельности, обозначаются ключевые компетенции переводчика-постредактора. Особое внимание уделяется классификации видов постредактирования и их функциональным особенностям. В статье обозначается проблемная ситуация в научном осмыслении переводческого постредактирования. Отмечается, что, несмотря на большой массив данных, накопленных прикладным переводоведением, наблюдается явный недостаток в теоретико-методологическом обосновании универсальных принципов постредактирования машинного перевода и отсутствие общетеоретических моделей его качества. Автор обосновывает необходимость рассмотрения процесса и результата постредактирования с позиции дескриптивно-нормативного подхода и предлагает к обсуждению концептуальную схему полного постредактирования машинного перевода, в которой сущность четырех взаимосвязанных сторон деятельности переводчика-постредактора раскрывается в отношении реализуемых норм перевода и действий по обеспечению соответствующего качества редактируемого текста. В заключение обозначены перспективы исследования, включая применение когнитивных методов в переводоведческом анализе постредактирования машинного перевода.

Устинова Татьяна Викторовна — доктор филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; utanja@mail.ru

© Устинова Т.В., 2025

Ключевые слова: технологически опосредованный перевод, оценка качества перевода, нормы перевода, переводчик-постредактор

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-1

Для цитирования: Устинова Т.В. Постредактирование машинного перевода: прикладные и теоретические направления исследования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 9–24. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-1

Учитывая сегодняшнюю технологическую специфику переводческого дела, проблемы автоматизированного перевода и постредактирования машинного перевода (далее — ПРМП) привлекают большое внимание переводоведов. Современные переводоведческие исследования ПРМП исходят из запроса переводческой практики, в которой разные варианты технологически опосредованного перевода используются компаниями для сокращения затрат и времени выполнения переводческих заказов.

В справочной литературе и стандартах, регламентирующих профессиональную переводческую деятельность, постредактирование машинного перевода (Post-editing of Machine Translation, PEMT)[1] определяется как процесс проверки и исправления текста необработанного машинного перевода (raw machine-translated output) переводчиком-человеком, который руководствуется критериями качества перевода и требованиями полученного переводческого задания [Nitzke, Hansen-Schirra, 2021: 2].

Профессиональный стандарт «Специалист в области перевода», утвержденный Министерством труда и социальной защиты РФ, рассматривает ПРМП как трудовое действие в рамках выполнения переводчиком письменного перевода с использованием специализированных инструментальных средств[2]. Переводчики, работающие с языками, исторически, географически и культурно связанными с Европой, принимают во внимание международный стандарт ISO 18587, регулирующий деятельность специалистов по переводу и по-

[1] Здесь и далее ключевая русскоязычная терминология, имеющая отношение к предмету исследования, приводится в соответствие с англоязычной терминологией, используемой в международных стандартах и справочниках по переводческому делу, а также в переводоведческих исследованиях. Это необходимо для выработки общего метаязыка описания изучаемого предмета и соблюдения точности в определении понятий даже в случае переключения языковых кодов.

[2] Профессиональный стандарт «Специалист в области перевода» (утв. приказом Минтруда России от 18.03.2021 № 143н). С. 8–9.

стредактированию — стандарт 2017 года «Переводческие услуги. Постредактирование машинного перевода. Требования»[3].

В руководствах для переводчиков и профессиональных стандартах подробно излагается технологическая специфика машинного перевода и ПРМП, объясняется важность постредактирования для современной переводческой индустрии. В документах такого типа подчеркивается, что постредактирование требует разносторонней профессиональной подготовленности переводчика, большое внимание уделяется описанию компетенций переводчика-постредактора. Так, например, в международном стандарте ISO 18587 в качестве обязательных определены следующие компетенции в составе профессиональной компетентности переводчика, занимающегося ПРМП[4]: 1) переводческая компетенция; 2) лингвистическая и текстовая компетенция в исходном языке (ИЯ) и переводном (ПЯ); 3) исследовательская компетенция (способность и готовность к эффективной обработке информации, информационному поиску, приобретению дополнительных лингвистических и специальных знаний для решения профессиональных задач); 4) культурная компетенция (знания и опыт деятельности в исходной и принимающей культурах, межкультурная осознанность); 5) техническая компетенция (эффективное использование всего многообразия технических ресурсов и программных продуктов, обеспечивающих процесс перевода); 6) компетенция в предметной области (готовность к овладению знаниями и обмену информацией на ИЯ и ПЯ в определенной предметной области).

Нормативные документы по ПРМП и практико-ориентированные исследования противопоставляют разные виды технологически опосредованного перевода в зависимости от доли участия в нем человека и раскрывают специфику двух основных видов постредактирования. Чтобы определить объем и содержание ключевых для нашего исследования понятий — машинного/автоматического перевода, ПРМП и автоматизированного перевода — требуется уточнить вклад человека в итоговый продукт перевода и описать уровень контроля качества перевода со стороны переводчика:

1. В случае автоматического (машинного) перевода имеет место полное отсутствие контроля качества со стороны переводчика. Потребитель продукта перевода полностью полагается на выпол-

[3] ISO 18587:2017. Translation services — Post-editing of machine translation output — Requirements.

[4] ISO 18587:2017. Translation services — Post-editing of machine translation output — Requirements. P. 7.

ненное машиной межъязыковое перевыражение исходного текста (ИТ) без редактуры и корректировки.

2. Для минимального ПРМП («облегченного варианта» ПРМП, light PEMT) в зависимости от выполняемого переводческого задания характерен низкий или средний уровень контроля качества со стороны переводчика. Такое постредактирование выполняется на уровне смысловой достаточности сообщения и приемлемости способа его выражения в принимающей культуре. Текст машинного перевода проверяется на предмет грубых смысловых и фактических отступлений от ИТ, немотивированных опущений и добавлений, искажающих смысловой инвариант оригинала. Редактор в основном исправляет те языковые и речевые ошибки, которые препятствуют смысловому восприятию переводного текста (ПТ). При этом в итоговом ПТ допускаются отклонения от конвенций синтаксической организации речи в ПЯ, а также жанрово-стилистической нормы перевода вообще и стилистической нормы ПЯ в частности.

3. Для полного ПРМП (full PEMT) характерен высокий уровень контроля качества со стороны переводчика. Полное ПРМП предполагает обеспечение максимально возможного уровня семантической и прагматической эквивалентности ИТ и ПТ. Именно полное ПРМП, взятое в его процессуальной и операциональной сущностях, является предметом нашего теоретико-методологического исследования. В основной части данной статьи мы предлагаем дескриптивно-нормативное описание полного ПРМП с учетом конститутивных признаков данного вида переводческой деятельности и требований к качеству отредактированного текста машинного перевода.

4. Для автоматизированного перевода (Computer Assisted Translation) характерен полный контроль качества со стороны переводчика, поскольку перевод осуществляется человеком с использованием специализированных компьютерных программ и технологических инструментов (CAT tools), которые включают базы памяти переводов, терминологические базы, программы — текстовые редакторы, инструменты для командной переводческой работы и др. Сегодня на рынке представлено множество систем автоматизированного перевода от разных производителей: Trados, MemoQ, Smartcat, Wordfast и др.

Важно также отметить, что в современной переводческой практике помимо программ полностью машинного перевода и инструментов автоматизированного перевода активно используются специальные компьютерные технологии оценки качества перевода. Так, автоматические метрики оценки качества перевода (BLEU,

TER, COMET и др.) используются 1) перед постредактированием для определения качества исходного машинного перевода и оценки потенциальных трудозатрат переводчика-постредактора; 2) после постредактирования для оценки качества итогового продукта перевода. Некоторые программы оценки качества перевода сочетают в себе автоматические метрики и экспертную оценку переводчиком, например: MQM (Multidimensional Quality Metrics), LQA (Linguistic Quality Assurance).

Как мы указали выше, в рамках данной статьи мы ограничиваемся анализом полного ПРМП. В задачи нашего исследования входит описание полного ПРМП как особого вида переводческо-редакторской деятельности с высоким уровнем контроля качества перевода и специфическими когнитивными, коммуникативными, технологическими и профессионально-компетентностными особенностями. Данный вид межъязыковой деятельности является сложным предметом исследования, поскольку носит гибридный характер, совмещая в себе черты 1) межъязыкового перевода; 2) межъязыкового и внутриязыкового редактирования текста; 3) управления качеством перевода.

В своем анализе ПРМП мы исходим из наличия в переводоведении следующей проблемной ситуации. В прикладных, практико-ориентированных исследованиях ПРМП накоплен и интерпретирован большой массив эмпирических данных, достигнуты значимые результаты для переводческой практики и практики профессиональной подготовки специалистов в области перевода: определена деятельностная специфика разных видов постредактирования, установлены требования к трудовым действиям переводчика-постредактора, описано содержание компетенций специалиста, осуществляющего ПРМП, проведены кейсовые исследования стратегий ПРМП на материале разных переводных пар и текстов разных жанров и т.п. Однако, несмотря на значительные успехи прикладного изучения ПРМП, наблюдается явный недостаток в его фундаментальном теоретико-методологическом описании. В отдельных переводоведческих работах представлены оригинальные авторские концепции, раскрывающие ПРМП в новом методологическом ракурсе [Кушнина, Кавардакова, 2014; del Mar Sánchez Ramos, 2025], однако требуется больше исследований ПРМП как абстрактного моделируемого объекта. Более того, очевидна необходимость междисциплинарного изучения ПРМП с привлечением методологических инструментов переводоведения, информатики и кибернетики, когнитивных наук, философии и социологии.

В целом, для теории перевода актуальной задачей остается научная концептуализация отношений «переводчик — программное обеспечение для перевода (ИИ-переводчик)» как интерактивной (человеко-машинной) функциональной системы, то есть такой интегративной единицы, для которой характерна экономность в распределении функций и наличие «системного приспособительного эффекта»[5], достигаемого за счет сложного преобразования обратных связей при создании продукта перевода [Устинова, 2021]. С такой точки зрения все виды взаимодействия переводчика и машины должны описываться в аспектах целеориентированности и адаптивности функциональной системы, а также распределения функций внутри ассистирующей системы (случай автоматизированного перевода с использованием инструментов CAT) или гибридной системы (случай ПРМП). Насущным представляется раскрытие человеческого фактора в таких системах — анализ роли переводчика-человека с точки зрения его интенциональности и субъектности (на фоне агентности ИИ), а также компетентности и креативности в переводческих и редакторских решениях и в контроле качества перевода.

В части научного осмысления процесса и результата ПРМП требуется переход от решений отдельных практических задач (по типологизации ошибок, характерных для разных программ машинного перевода, анализу приемов постредактирования как конкретных переводческих операций исправления ошибок и др.) к описанию сущностных характеристик и универсальных закономерностей ПРМП, а также к разработке общетеоретических моделей качества машинного перевода и ПРМП.

По нашему мнению, одним из направлений теоретического анализа ПРМП может стать разработка дескриптивно-нормативных моделей переводческого постредактирования, которые объединили бы элементы описательного и предписывающего подходов. В качестве основания дескриптивно-нормативного моделирования полного ПРМП мы предлагаем использовать следующую концептуальную схему, раскрывающую архитектуру четырех макропроцессов ПРМП во взаимосвязи с нормами перевода как требованиями качества, которым должен отвечать итоговый продукт отредактированного перевода.

1. Постредактирование содержания текста (Content Editing) осуществляется с целью приведения текста машинного перевода

[5] Здесь мы опираемся на фундаментальные постулаты отечественной теории функциональных систем П.К. Анохина [Анохин, 1998].

в соответствие (а) норме эквивалентности перевода и (б) прагматической норме перевода.

1а. *ПРМП в аспекте нормы эквивалентности перевода*

Как известно, норма эквивалентности перевода [Комиссаров, 1990] предписывает обеспечить смысловую точность передачи исходного сообщения, достигая при этом как можно большей общности содержания оригинала и перевода[6]. Полное ПРМП предполагает достижение максимально возможной коммуникативной и семантико-синтаксической близости ИТ и ПТ, что требует от редактора обеспечить их эквивалентность на уровнях цели коммуникации, способа описания ситуации, значения синтаксических структур и словесных знаков.

Переводчик-постредактор устраняет все виды искажений ИТ в машинном переводе, добиваясь смысловой точности и полноты передачи всех видов информации ИТ. Прежде всего, устраняются немотивированные опущения или добавления, влияющие на полноту передачи исходного сообщения. Переводчик-редактор должен устранить в ПТ фактические отклонения от ИТ, выявить причины этих отклонений (например, ошибки в выборе машиной формы перевыражения, буквализмы разных видов и т.п. могут приводить к фактическим искажениям), при необходимости провести самостоятельное исследование авторитетных источников для проверки фактического материала.

Кроме того, редактор устраняет все виды речевой неоднозначности (амбигуэнтности) в редактируемом тексте — лексической, морфологической, синтаксической. Исправляет логико-смысловые и логико-языковые ошибки в содержании ПТ, препятствующие смысловой точности перевода.

Эквивалентность ИТ и ПТ зависит также от корректного выбора средств номинации в ПЯ и точности межъязыковой передачи всех видов лексических значений. Особое внимание следует уделить анализу того, как машина справилась со сложными случаями словоупотребления и обеспечила перевыражение трудных для перевода классов лексики (полисемантов, омонимов, имен собственных, терминов и др.) и/или разных компонентов семантической структуры слова (коннотативных, оценочных, контекстуальных и др.). Машинные переводчики хорошо обучены подбору межъязы-

---

[6] Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / Отд. языкознания; Отв. редактор М.Б. Раренко. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 108.

ковых лексических соответствий, в том числе терминологических. Тем не менее унификация терминологии и итоговое осуществление терминологического контроля перевода — задача переводчика-постредактора.

1б. *ПРМП в аспекте прагматической нормы перевода*

Прагматическая норма перевода требует обеспечения прагматической ценности перевода: «Поскольку перевод всегда прагматически ориентирован, т.е. имеет сверхзадачу, выполняется для кого-то (конкретного заказчика перевода или определенной аудитории), то остальные аспекты переводческой нормы подчиняются выполнению конкретной прагматической задачи, которая и определяет действия переводчика»[7]. Прагматические задачи перевода заключаются в передаче доминантной коммуникативной функции ИТ и в обеспечении условий для того, чтобы ПТ оказал тот же или сопоставимый перлокутивный эффект, который предполагался автором ИТ. В идеале адресат должен иметь ту же реакцию на ПТ, какую он имел бы, воспринимая текст в оригинале. В зависимости от типа текста, видов информации, составляющей его содержание, и типа речевого акта, в рамках которого этот текст выступает в качестве сообщения, реакции адресата могут заключаться в приобретении нового онтологического знания и расширении когнитивной базы, получении эстетического или эмоционального переживания, выполнении определенных речевых или неречевых действий и др.

Последние исследования показывают, что даже при современном высочайшем уровне развития нейросетевого машинного перевода, учет лингвопрагматических условий межъязыковой коммуникации остается слабым местом машинных переводчиков [AlGhamedi, 2024]. Несмотря на очевидный прогресс в обучении сетей распознаванию подразумеваемых смыслов, пока только переводчик-человек может определить, соответствует ли выполненный машиной перевод определенным коммуникативным условиям, сохранены ли в переводе функциональные доминанты ИТ и насколько точно переданы в переводе прагматические компоненты смысла исходных высказываний, соотносящиеся с коммуникативной целью ИТ. Именно переводчик-постредактор, обладающий высоким уровнем профессионализма, может правильно интерпретировать и перевыразить прагматические аспекты содержания ИТ, которые, как указывает З.Г. Прошина, охватывают сферы «подтекста, фоновых

[7] Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / Отд. языкознания; Отв. редактор М.Б. Раренко. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 144–145.

знаний, представлений о значимости сказанного» [Прошина, 2023: 113]. Соответственно, постредактор дает функционально-прагматическую оценку машинному переводу, добивается адекватности итогового продукта перевода коммуникативным ожиданиям заказчика и/или адресата перевода, устраняет искажения в прагматических значениях на всех уровнях передачи сообщения — в прагматических значениях отдельного слова, словосочетания, высказывания, сверхфразового единства и всего текста как единого смыслового целого.

Отдельно следует остановиться на социокультурном аспекте постредактирования, который по большому счету должен быть «вписан» в более широкую рамку соблюдения прагматической нормы перевода. Даже для минимального ПРМП (light PEMT) существует строгое требование обеспечить культурную приемлемость отредактированного текста [Nitzke, Hansen-Schirra, 2021: 31]. В случае полного ПРМП от постредактора требуется глубокое понимание исходной и принимающей культур, особенно в плане культурно-специфичных для ИЯ и ПЯ способов выражения подразумеваемого функционально-ситуативного содержания. Соответственно, переводчик-постредактор оценивает (и при необходимости корректирует) лингвокультурную приемлемость машинного перевода, обращая внимание на соблюдение коммуникативных норм, ценностей и социальных контекстов принимающей лингвокультуры — анализирует учет в ПТ культурных конвенций общения и/или указания на определенную коммуникативную ситуацию, учет особенностей форм вежливости и маркеров социального статуса, вербализацию культурных концептов, передачу значений культурно маркированной лексики, культурную адекватность передачи эмоционально-оценочных реакций и т.п.

Таким образом, план содержания отредактированного машинного перевода должен удовлетворять критериям смысловой точности (accuracy), функционально-коммуникативной адекватности (adequacy) и культурной приемлемости (cultural acceptableness). Переводчик-постредактор исправляет смысловые и лингвопрагматические искажения в тексте машинного перевода, четко осознавая сложные диалектические отношения между планами содержания и выражения в вербальной коммуникации вообще и межъязыковой коммуникации в частности.

2. Постредактирование плана выражения текста (Target Language Editing) осуществляется с целью приведения текста машин-

ного перевода в соответствие норме переводческой речи, которая представляет собой требование соблюдать нормы и узус ПЯ с учетом узуальных особенностей переводных текстов на этом языке [Комиссаров, 1990] и не допускать переводческой интерференции, т.е. влияния языка текста оригинала на язык текста перевода[8]. Итоговый отредактированный текст перевода должен удовлетворять критериям идиоматичности средств формулирования смысла на ПЯ (idiomaticity) и узуальной естественности речи на ПЯ (fluency).

Идиоматичность перевода является отдельным предметом переводоведческих исследований [Рябцева, 2018; Устинова, 2024]. Ранее, раскрывая специфику работы переводчика с планом выражения, мы указывали на необходимость строгого учета в переводе «лингвоспецифичности, устойчивости и избирательности единиц ПЯ в образовании комплексных значений, а также всего спектра ограничений на сочетаемость единиц ПЯ в речи — как системно обусловленных (лексико-семантических, лексико-фразеологических, лексико-грамматических, синтаксических, стилистических ограничений), так и тех, которые обусловлены контекстом и конкретной коммуникативной ситуацией» [Устинова, 2024: 119].

Сущность ПРМП состоит в том, что переводчик имеет в своем распоряжении три текста — ИТ, текст машинного перевода и производимый в результате редактирования итоговый ПТ. Соответственно, работая с планом выражения ПТ, постредактор продолжает учитывать план содержания ИТ в его смысловом и коммуникативно-функциональном аспектах, поскольку не может допустить, чтобы норма переводческой речи вступила в противоречие с нормой эквивалентности перевода и прагматической нормой перевода. Идиоматичность речи на ПЯ в широком смысле понятия связана с нормативным, естественным и уникально присущим только данному языку способом синтагматического развертывания речевой цепи. Такая идиоматичность речи обеспечивается сложным взаимодействием конвенций формирования комплексных значений при комбинировании знаков в речи, конвенций употребления и сочетаемости («так принято говорить») и ограничений на употребление или сочетание знаков в речи под влиянием системно-языковых и коммуникативных условий («так не принято говорить»). Соответственно, постредактор внимательно следит за тем, чтобы в итоговом ПТ был соблюден баланс между точностью передачи

[8] Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / Отд. языкознания; Отв. редактор М.Б. Раренко. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 107.

оригинального смысла и речеязыковой идиоматичностью формы выражения этого смысла.

Постредактор должен профессионально владеть ПЯ и быть потенциально готовым исправлять широкий спектр лексических, семантических, грамматических, стилистических ошибок в машинном переводе, чтобы добиваться идиоматичности речи на ПЯ. Кроме того, он должен знать типичные слабости конкретных машинных переводчиков и в своей работе исходить из наличия у той или иной программы типичных ошибок в подборе средств ревербализации. При этом исследовательская и технологическая компетентность переводчика-постредактора чрезвычайно важны. Профессионал не полагается на свое индивидуальное знание ПЯ и «чувство языка», но активно пользуется справочными инструментами и программными продуктами для подбора не просто нормативных, но наиболее частотных, понятных для адресата и идиоматичных средств выражения в ПЯ. Для итоговой внутриязыковой правки редактируемого текста могут использоваться языковые корпусы, а также одноязычные программы-редакторы разной специализации: орфографической, лексической, грамматической, стилистической для конкретного языка перевода.

3. Стилистическое редактирование (Stylistic Editing) осуществляется с целью приведения текста машинного перевода в соответствие норме переводческой речи (ее стилистическому аспекту) и жанрово-стилистической норме перевода.

Безусловно, при полном ПРМП стилистические нормы ПЯ должны учитываться в процессе редактирования плана выражения переведенного машиной текста. В таком случае речь идет о достижении в редактируемом переводе стилистической идиоматичности речи на ПЯ. Кроме того, при полном ПРМП учитывается транслатологический тип ИТ и его жанрово-стилистическая специфика.

Если рассматривать жанрово-стилистическую норму перевода как требования, которым должен отвечать перевод в зависимости от принадлежности ИТ к определенному функциональному стилю и жанру речи[9], то полное ПРМП должно учитывать доминантную стилистическую функцию ИТ и гарантировать ее сохранение в ПТ. При этом предполагается, что переводчик-постредактор ориентируется на стилистические нормы и конвенции ПЯ и принимающей

[9] Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / Отд. языкознания; Отв. редактор М.Б. Раренко. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 42–43.

речевой культуры, учитывает исторически сложившиеся в ПЯ системы речевых средств, используемых в различных социально значимых сферах общественной жизни. Важным также является умение переводчика находить в редактируемом ПТ и корректировать «стилистические буквализмы», то есть случаи, когда машина не учитывает стилистической специфичности ПЯ и переносит в ПТ характерные для ИЯ способы использования коммуникативных регистров, лексики определенных стилистических пластов, изобразительно-выразительных средств и т.п.

4. Структурирование и итоговое оформление отредактированного текста (Structural Editing) осуществляется переводчиком с целью привидения внутренней организации текста в соответствие требованиям внешнего вида текста определенного стиля и жанра с учетом условий переводческо-редакторского задания. В зависимости от полученного задания возможно восстановление форматирования ПТ в соответствии с форматированием ИТ или перевод текста в другой формат. Итоговый продукт ПРМП должен быть структурирован как сложная многоуровневая иерархическая система смыслов, с одной стороны, изоморфная иерархической организации смысла в ИТ, а с другой стороны, учитывающая конвенции структурирования и оформления письменного текста определенного стиля и жанра в принимающей коммуникативной культуре.

Подводя итог представленному дескриптивно-нормативному описанию ПРМП, отметим, что в своем анализе ПРМП мы учитываем, что постредактирование является процессуально сложной деятельностью, которая представляет собой совокупность как наблюдаемых извне (операциональных), так и недоступных внешнему наблюдению (речемыслительных) процессов, протекающих нелинейно и взаимосвязанно. При этом часть операций и мыследействий, составляющих эти процессы, могут быть доведены у разных переводчиков до уровня автоматизмов, не требующих систематического и сознательного контроля, а другая часть действий обязательно требует осознанности и контроля со стороны переводчика. Безусловно, в реальной речевой действительности процессы перевода вообще и постредактирования в частности носят недискретный характер, они характеризуются гибридным сочетанием периодов последовательного обращения к ИТ и производства ПТ или параллельного восприятия-производства в зависимости от индивидуального переводческого стиля и профессионализма

переводчика [Dragsted, 2010]. Тем не менее «рассечение» процесса ПРМП на отдельные составляющие необходимо для аналитического представления и более наглядной схематизации предмета исследования. Выделяя отдельные стороны ПРМП и актуализируя их подчиненность нормам перевода, мы создаем основу для понимания когнитивно-коммуникативной и деятельностной специфичности ПРМП. Предложенный нами подход может служить универсальной основой для описания, объяснения и оценки общих стратегий постредактирования и конкретных действий переводчика, а также для формулирования гипотез и прогнозирования факторов, влияющих на протекание процесса ПРМП и определяющих его результат.

В заключение в качестве перспективы научного исследования ПРМП отметим необходимость описания процессов оценки качества машинного перевода и его редактирования с опорой на методы когнитивно-ориентированных лингвистических наук — нейролингвистики, когнитивной лингвистики, когнитивного переводоведения, психолингвистики. Так, научный интерес представляет изучение особенностей распределения внимания переводчика и смены когнитивно-коммуникативных ролей во взаимосвязанных процессах переводческого осмысления оригинала, сопоставительного чтения-для-редактирования и производства итогового текста отредактированного перевода. Отдельного изучения требуют когнитивные искажения в процессе постредактирования («эффект когнитивного якоря», «слепота к машинным ошибкам», «иллюзия контроля» и др.), которые негативно влияют на качество переводческой работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анохин П.К.* Избранные труды: Кибернетика функциональных систем / Под ред. К.В. Судакова. Сост. В.А. Макаров. М.: Медицина, 1998.

2. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.

3. *Кушнина Л.В., Кавардакова Е.Л.* Переводческое редактирование/постредактирование в новой исследовательской парадигме // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6(36): в 2-х ч. Ч. I. С. 96–99.

4. *Прошина З.Г.* Межвариантный перевод и его интеграция в программу подготовки переводчиков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 3. С. 108–120.

5. *Рябцева Н.К.* Прикладные проблемы переводоведения: Лингвистический аспект. М.: Флинта: Наука, 2018.

6. *Устинова Т.В.* Коммуникативная деятельность и профессиональная компетентность переводчика в век машинного перевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2021. № 2. С. 12–20.

7. *Устинова Т.В.* Идиоматичный перевод: общие принципы и переводческие решения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 4. С. 115–126.

8. *AlGhamedi N.A.* Constraints to neural machine translation quality, human and automated evaluation, and quality improvement across language pairs: A systematic literature review // Journal of Research in Language & Translation, Special Issue. December, 2024. Pp. 38–79.

9. *Dragsted B.* Coordination of reading and writing processes in translation: An eye on uncharted territory // Translation and Cognition. Edited by G.M. Shreve, E. Angelone. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010. Pp. 41–62.

10. *del Mar Sánchez Ramos M.* Machine translation post-editing through emotional narratives: A methodological approach // Translation and Translanguaging in Multilingual Contexts. 2025. 11:1. Pp. 31–47.

11. *Nitzke J., Hansen-Schirra S.* A Short Guide to Post-editing (Translation and Multilingual Natural Language Processing 16). Berlin: Language Science Press, 2021.

TRANSLATION AND TRANSLATION STUDIES

Tatiana V. Ustinova

POST-EDITING OF MACHINE TRANSLATION: APPLIED AND THEORETICAL RESEARCH PERSPECTIVES

Lomonosov Moscow State University, utanja@mail.ru

Abstract. The article, based on reference documentation, professional standards, and translation studies research, examines the applied and theoretical-methodological aspects of studying post-editing in machine translation. The requirements of professional standards for a specialist's readiness for this type of activity are analyzed, and the key competences of a translator-post-editor are identified. Particular attention is given to the types of post-editing and their functional characteristics. The article highlights the problematic situation in the scholarly research of machine translation post-editing. It states that despite the large array of data accumulated by applied translation studies, there is a clear lack of theoretical and methodological substantiation of the universal principles of machine translation post-editing, as well as an absence of general theoretical models of its quality. The author discusses the need to consider the process and outcome of post-editing from a descriptive-normative perspective in translation studies and proposes a descriptive-normative framework for conceptualizing a full post-editing of machine translation. This framework reveals the essence of four interrelated aspects of a post-editor's activity in relation to the translation norms implemented and the actions taken to ensure the appropriate quality of the edited

text. In conclusion, prospects for further research are outlined, including the use of cognitive methods in translation analysis of post-editing of machine translation.

Keywords: technology-mediated translation, translation quality assessment, translation norms, translator-post-editor

For citation: Ustinova T.V. (2025). Post-Editing of Machine Translation: Applied and Theoretical Research Perspectives. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal,* no. 2(28), pp. 9–24. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-1 (In Russ.)

About the author: Tatiana V. Ustinova — Dr. Habil. in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; utanja@mail.ru

REFERENCES

1. Anokhin P.K. Izbrannye trudy: Kibernetika funkcional'nyh sistem [Selected works: Cybernetics of functional systems]. Moscow: Medicina, 1998.

2. Komissarov V.N. Teorija perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Theory of translation (linguistic aspects)]. Moscow: Vysshaja shkola, 1990.

3. Kushnina, L.V., Kavardakova, E.L. 2014. Perevodcheskoe redaktirovanie / postredaktirovanie v novoj issledovatel'skoj paradigme [Translation editing / post-editing in a new research paradigm]. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice,* no. 6(36), part 1, pp. 96–99. (In Russ.)

4. Proshina, Z.G. 2023. Mezhvariantnyj perevod i ego integracija v programmu podgotovki perevodchikov [Intervarietal translation and its integration into translating curricula]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 108–120. (In Russ.)

5. Rjabtseva N.K. 2018. Prikladnye problemy perevodovedenija: Lingvisticheskij aspect [Applied problems of translation studies: Linguistic aspect]. Moscow. (In Russ.)

6. Ustinova, T.V. 2021. Kommunikativnaya deyatel'nost' i professional'naya kompetentnost' perevodchika v vek mashinnogo perevoda [Communicative activity and professional competence of a translator in the age of machine translation]. *Moscow State University Bulletin. Series 22: Theory of Translation*, no. 2, pp. 12–20. (In Russ.)

7. Ustinova, T.V. 2024. Idiomatichnyj perevod: obshchie printsipy i perevodcheskie resheniya [Idiomatic translation: General principles and translation solutions]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 115–126. (In Russ.)

8. AlGhamedi, N.A. 2024. Constraints to neural machine translation quality, human and automated evaluation, and quality improvement across language pairs: A systematic literature review. *Journal of Research in Language & Translation, Special Issue,* pp. 38–79.

9. Dragsted, B. 2010. Coordination of reading and writing processes in translation: An eye on uncharted territory. In G.M. Shreve, E. Angelone (eds.)

Translation and Cognition. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, pp. 41–62.

10. del Mar Sánchez Ramos, M. 2025. Machine translation post-editing through emotional narratives: A methodological approach. *Translation and Translanguaging in Multilingual Contexts*, no. 11:1, pp. 31–47.

11. Nitzke, J., Hansen-Schirra, S. 2021. A Short Guide to Post-editing (Translation and Multilingual Natural Language Processing 16). Berlin: Language Science Press.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025;
одобрена после рецензирования 16.03.2025;
принята к публикации 22.03.2025.

The article was submitted 10.02.2025;
approved after reviewing 16.03.2025;
accepted for publication 22.03.2025.

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

З.Г. Прошина

ОПОСРЕДОВАННЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЗАИМСТВОВАНИЯ-СОКРАЩЕНИЯ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; proshinazoya@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о выделении опосредованных заимствований, которые отличаются от прямых заимствований тем, что отмечаются не в двух языках, как при обычном языковом контакте, а охватывают как минимум три языка. Сложный языковой фильтр, который проходят опосредованные заимствования, нередко меняет их форму, поскольку происходит адаптация к новой языковой системе, и значение, часто в сторону его сужения. Нередко опосредованные заимствования происходят с участием английского языка как языка глобального общения. В статье анализируются опосредованные заимствования восточноазиатского происхождения, попавшие в русский язык через участие английского. В фокусе внимания — появившиеся сравнительно недавно новые слова, созданные с помощью словообразовательного приема сокращения (аббревиации, контаминации, усечения), используемые как наименования технологических явлений, явлений субкультур, часто встречаемые в молодежной среде. Выявлено также, что инициальные аббревиатуры в текстах формального стиля относятся не к опосредованным, а к прямым (калькированным) заимствованиям.

Ключевые слова: заимствование, опосредованное заимствование, английский как лингва франка, сокращение, аббревиатура

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-2

Зоя Григорьевна Прошина — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; proshinazoya@yandex.ru

© Прошина З.Г., 2025

Для цитирования: Прошина З.Г. Опосредованные заимствования в русском языке: заимствования-сокращения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 25–38. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-2

Введение

Заимствования в языке — тема не новая, но тем не менее остающаяся непреходящей. Ее исследуют с самых разных сторон и точек зрения, ей посвящено немало теоретических работ [Крысин, 1968; Суперанская, 1968; Демьянов, 2001; Маринова, 2008; 2013; Globally Speaking, 2008; Дьяков, 2012; Огиенко, 2012; Габдреева и др., 2013; Казкенова, 2013; Durkin, 2014; Кузина, 2022; Багана, Тарасова, 2024; Зацепина, 2024]. Как правило, исследователи изучают прямые заимствования, возникающие при непосредственном контакте двух языков, один из которых служит донором, а другой — реципиентом, получающим новое слово непосредственно из языка-донора. Многие из перечисленных выше авторов как раз и описали прямой процесс заимствования в русский язык, особенно из английского как языка глобального распространения. Интерес к новым языкам и новым культурам для России был характерен всегда [Павловская, 2023], и этот интерес очень четко проявлялся в заимствованиях.

Опосредованные заимствования

Будучи основным языком-посредником, или лингва франка, английский язык принимает в свой вокабуляр слова из разных языков и культур и затем, однако, отдает их другим языкам, либо наоборот, английское слово, заимствованное другим языком, переходит в третий язык. В этом случае приходится говорить о двойном заимствовании, или заимствовании опосредованном. Такие слова могут менять свою форму или значение, так как каждый из языков, участвующих в их передаче, подстраивает их под себя. Примером может быть слово *вокмэн* ‘небольшой переносной кассетный магнитофон-плеер и радио с наушниками’, созданное японцами из английского языкового материала: *Walkman* — как успешно распространившееся в англоязычном мире, так и начавшее функционировать в других языках, в том числе и русском, где использована не переводческая транскрипция *(уокмэн)* для его передачи, а менее частотный в настоящее время прием — транслитерация, что вероятно связано с японским происхождением этого слова, поскольку во всех заимствованиях из японского обычно наблюдается корреляция букв *W ~ B (Waseda — Васэда)*.

Другим примером опосредованного перевода является слово *гяру*, тоже заимствованное из японского, куда оно попало из английского: *girl* ‘девушка’ > *gal* > *gyaru*, означающее популярную среди девушек японскую субкультуру, пик которой пришелся на 1990-е годы, а также соответствующий экстравагантный, гламурный стиль, имитирующий западный образ жизни. Девушки-гяру выделяются легкомысленным поведением, позитивным мышлением, любовью к яркой модной одежде, особыми представлениями об идеалах красоты. Слово зафиксировано в Национальном корпусе русского языка, где датировано 2010–2011 гг.: *Большинство тех же **гяру** — блондинистые куклы с силиконом везде, где только можно.* Встречается оно и в русскоязычной «Википедии» (статья «Гяру»), в энциклопедии «Рувики»[1] и в онлайновой публицистике и блогах: *Девушка **гяру** всем своим видом напоминает красивую куколку с большими выразительными глазами, длинными накладными ресницами, розовыми губами и светлыми волосами цвета карамели или блонд, уложенными в очень красивую прическу* (Brunet-ka, 2012); *В девяностые набирает популярность певица Намиэ Амуро, именно ее стиль положил начало большинству популярных элементов **гяру**-моды: в частности, мини-юбка, сапоги, проволочные аксессуары и загар* (LiveJournal, 2018)[2]. Адаптация английского заимствованного слова к фонетическому строю японского языка выражена через замену согласной /l > r/, поскольку в японском языке отсутствует фонема /l/; гласной /ɜ:/, передаваемой в английском слове графом *-ir-*, в японском языке тоже нет, она заменена более открытым гласным звуком; конец слова в японском языке не может заканчиваться на согласную, кроме назального сонанта, поэтому к последнему (в английском языке) согласному добавляется гласный — *gyaru*. Японское заимствование сужает свою семантику, по сравнению со словом языка-донора, и именно в таком узком значении попадает в русский язык.

Изменение значения в сторону конкретизации отмечается и в слове *хостэс/хостес*, заимствованном японцами также из английского языка, где оно имеет значение ‘хозяйка’. В Японии это слово стало означать псевдогейшу, девушку (чаще всего европейку), работающую в баре, обязанность которой — за определенную плату составлять мужчине приятную компанию, танцевать с ним, напол-

[1] Гяру // Рувики. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/%D0%93%D1%8F%D1%80%D1%83 (дата обращения: 21.01.2025)

[2] Японские субкультуры: история формирования образа гяру // LiveJournal. URL: https://picturehistory.livejournal.com/4062102.html (дата обращения: 21.01.2025)

нять его бокал, смеяться над его шутками. Именно в этом значении мы встречаем это слово в русском языке для передачи японского контекста: в романе «Мемуары русской гейши» — *Мы в квартале Кабуки-тё. И здесь самые дешевые клубы с* ***хостес****, пип-шоу, стрип-клубы и клубы знакомств* (О. Лазарева, 2006, с. 63); в центральной газете — *Но самая поразительная метаморфоза произошла в зонах порока вокруг американских военных баз. В роли* ***хостэс*** *там теперь нередко выступают жены американских военнослужащих, находящихся на боевом дежурстве. Когда длинноногие блондинки прислуживают японцам, это льстит их самолюбию, избавляет их от комплекса представителей побежденной страны* (Российская газета, 15 июня 2007, с. 22).

Пути опосредованных заимствований

Многие из опосредованных заимствований по ходу своего продвижения из языка в язык подвергаются определенным словообразовательным процессам: деривации *(Hong Kong****ese*** > *гонконг****ск****ий)*; словосложению (*salaryman* ‘служащий с постоянным окладом’ > *sararіman* > *сарариман/саларимен*); гибридизации *(*яп. *kara* ‘пустой’ + *oke(sutora)* < англ. *orchestra* ‘оркестр’ > *karaoke* > *караоке* ‘пение под музыку’); контаминации (*camcorder* < ***cam****era* + *re****corder*** > *камкордер*[3] ‘переносная видеокамера’); сокращениям — усечению, аббревиации. На последние как раз направлен фокус изучения, изложенного в данной статье.

Одним из слов, образованных способом усечения и заимствованных русским языком, стало слово *анимэ/аниме.* Первоначально заимствованное из английского языка в японский слово *animation* ‘мультипликация’ изменило свою форму, подстроившись под требования японского языка: стало короче, со слоговой структурой ‘согласный + гласный’, типичной для японского слова — *anime* — и в таком виде было «возвращено» английскому языку уже в более узком значении ‘японский мультфильм, обладающий особенной стилистикой рисунка’, в то время как в самом японском языке слово по-прежнему относится к любой мультипликации, не только японской. В своем узком значении «японский мультипликационный фильм» слово *anime* стало интернациональным, будучи заимствованным во многие языки, вероятно не без посредства английского как глобального языка. Нужно отметить, что в русском языке слово *аниме* настолько прижилось, что стало обрастать значениями: пре-

[3] Слово зафиксировано в Национальном корпусе русского языка (2007 и 2012).

вратившись в полисемантичное слово со следующими семантемами: 1) японская мультипликация: *Пик популярности* ***аниме*** *в России был лет эдак 10 назад. …* ***аниме*** *(признанное сокращение от англ. "animation") начало свой путь по Японии в 1917 году и сразу же заручилось поддержкой японского правительства, которое использовало мультипликационные ролики в агитационных целях* (газета *Владивосток,* 12.11.2004, с. 27); 2) японский мультипликационный фильм: *А наши дети, как зомби, «воткнуты» в игры, не могут оторваться от боевиков и* ***аниме*** *просто потому, что другого ничего нет*[4] (Православие и мир, 2015); 3) стиль мультипликации, отличающийся характерной манерой отрисовки персонажей и фонов, экспрессивностью и особой детализацией глаз по отношению ко всему остальному лицу персонажа: *Вот в храм входит влюбленная парочка — прямо из* ***аниме****: оба с растрепанными прическами и округленными от восторга глазами*[5] (Русский репортер, 2012).

Восточные заимствованные сокращения в русском языке

В качестве источника материала для данного исследования послужил русско-английский словарь восточных реалий «На восточной волне» [Прошина, 2024], откуда были выбраны усеченные слова и аббревиатура, попавшие в русский язык.

Одним из первых (в алфавитном порядке) стало слово *аибо/айбо*, заимствование из японского, где оно оказалось созвучным другому японскому слову со значением 'привязанность'. Образовано, однако, японское слово *aibo/Aibo* от английского сочетания ***A****rtificial* ***I****ntelligence Ro****BO****t*, т.е. является опосредованным заимствованием в русском языке и обозначает робота-собаку, обладающую искусственным интеллектом, созданную компанией Sony. Интересно, что сначала в российских текстах это заимствование появилось в написании кириллицей: *Поэтому в последнее время популярными стали «электронные пэтто» — от примитивных цыпленков-тамаготи они быстро эволюционировали до компьютер-собаки «****айбо****» (это не кличка, а типичное японское словотворчество: английский термин-сокращение "I" — интеллект + японское слово «бо» — дружок)* (И. Леванидов. 209 дней из жизни Японии, 2001, с. 74). ***Айбо*** *можно запрограммировать так, чтобы она начала существование в «режиме щенка», постепенно развилась во «взрослую собаку» и при-*

[4] Евангелие в мире волшебства: Гарри Поттер // Правмир. URL: https://www.pravmir.ru/evangelie-v-mire-volshebstva/ (дата обращения: 21.01.2025)

[5] См. https://pravoslavie.ru/52563.html (дата обращения: 31.01.2025)

обрела уникальные черты личности, основанные на «жизненном» опыте[6] (Моя собака, 2013). Первоначальное собственное имя деонимизировалось и превратилось в нарицательное название специфического робота. В Национальном корпусе русского языка также есть три примера фиксации этого слова в кириллице с гласной *и* (2009 и 2013, эти примеры из разных выпусков журнала «Знание — сила» статей одного и того же автора — А. Волкова).

Материалы последних лет, однако, показывают изменения формы наименования: все чаще используется латиница, таким образом, можно говорить о трансплантации англоязычного японского заимствования, передающего информацию о форме искусственного интеллекта, в русский текст: *Трехлетний план AI Cloud позволяет **Aibo** собирать и получать доступ к своему повседневному жизненному опыту, что позволяет роботу развивать уникальную личность. Каждый **Aibo** запоминает лица хозяев и сопоставляет их выражения с действиями. Исходя из опыта **Aibo** учится делать вещи, которые заставляют людей улыбаться*[7] (Газета.ru, 18 февр. 2024). *Японская компания Sony выпустила новую версию робота-собаки **Aibo**, которая получила название Espresso. Предназначенное для домашнего использования устройство получило несколько необычных особенностей*[8] (РБК Life, 15 апр. 2024).

Корейское слово, образованное из первых букв английского сочетания *broadcast jockey, BJ,* заимствовано в русский язык в форме *биджей*, т.е. как инициализм, превращенный в цельнооформленное слово. *Биджей* — это ведущий видеоблога, называемого мокпан, представляющий процесс поедания большого количества пищи в реальном времени перед камерой. Вот примеры использования этого слова: ***Биджей** должен не просто съесть все, что оказалось в кадре, но и показать, с каким удовольствием он это делает. Блогеры урчат, чавкают, хрустят корочками, берут еду руками и даже облизывают пальцы*[9] (Cosmopolitan, 30.03.2022). *Свинина в кисло-сладком соусе, суп из акульих плавников, вареный кальмар и плошка рисовой лапши — есть на камеру, особенно, учитывая принятые порции, это недешевое удовольствие, поэтому **биджеи** научились*

[6] См. https://infopedia.su/19x476f.html (дата обращения: 31.01.2025)

[7] Компания Sony представила нового робощенка для детей // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2024/02/18/22365967.shtml (дата обращения: 31.01.2025)

[8] Sony выпустила домашнюю робособаку с искусственным интеллектом. Стоимость новинки составила $2900 // РБК Life. URL: https://www.rbc.ru/life/news/65d304f79a7947420f262261 (дата обращения: 31.01.2025)

[9] См. https://dzen.ru/a/YqSQyWB8CTURaq8E (дата обращения: 31.01.2025)

*монетизировать свои трансляции. Суперзвезда мокпана — **биджей** Дива, за маской которой скрывается тридцатипятилетняя Пак Со-Ен, — каждый месяц зарабатывает порядка $10000*[10] (Screenlifer Media, 13 авг. 2019). Как видно из последнего примера, данное заимствование легко ассимилировалось в грамматическом отношении и стало склоняться по типу существительных мужского рода 2 склонения.

Японское заимствование *косплей* (< *kosupura*) образовано от английского словосочетания *costumed play*, букв. 'костюмированная игра'. Это форма представления, возникшая в Японии, в котором участники надевают костюмы и соответствующие аксессуары, отображая специфического героя или уникальную идею, часто связанную с аниме- и манга-культурой (основными прототипами костюмированной игры являются персонажи мультфильмов, аниме, видеоигр, фильмов, комиксов, легенд и мифов, поп-музыки). В русском языке данное заимствование стало склоняться по типу существительных мужского рода второго склонения: ***Косплей** пришел в Россию в 1999 году, тогда же в журнале «Великий Дракон» была опубликована первая статья, посвященная новому увлечению. Через два года, в сентябре 2001 г., открылся первый русскоязычный сайт; изначально на нем были представлены фотографии зарубежного **косплея**, а чуть позже стали появляться первые творения российских отаку* (Википедия: Косплей, 2025). Зафиксировано это слово и в Национальном корпусе русского языка (2014).

Все три проанализированных слова относятся к сфере употребления в молодежной субкультуре, для речи которой характерен принцип экономии, неожиданного эффекта от вербальной игры, выразительности [Вишнякова, Вишнякова, 2014]. Возможно, именно поэтому эти слова, вместе с субкультурой, которую они представляют, легко передвигаются из одного языка в другой.

Еще одно усеченно-сложное слово пришло в русский язык из японского — *маглев/Маглев*, которое, в свою очередь, образовано из английских слов *magnetic levitation*, что легко калькируется в русском (*магнитная левитация*) и может быть принято за русское словообразование. Так называют ультраскоростной поезд, двигающийся со скоростью 450 км/час. *Поезд на магнитной подушке, магнитоплан, или **маглев** — это поезд, удерживаемый над полотном дороги, движимый и управляемый силой электромагнитного поля.* (Википедия: Маглев, 2014). Слово также грамматически ас-

[10] См. https://dzen.ru/a/XVLMjeTznwCxkK5n (дата обращения: 31.01.2025)

симилировано — изменяется по второму склонению: *Специалисты называют вагончик «**Маглева**» символом третьей технической революции на железнодорожном транспорте Японии* (Япония сегодня, 2002, № 8, с. 27). В Национальном корпусе русского языка зафиксировано 4 текста с шестью примерами этого слова — 2001, 2014, 2015, 2016 гг.

Еще одно корейское заимствование могло бы вызвать сомнение относительно того, является ли оно усечением — это слово *кеша.* Оно было принято в русский язык из корейского, где появилось как сокращенная форма от английского словосочетания *(Korean/ Chinese) cash coin,* т.е. опущению подверглось главное слово словосочетания, а осталось определение. Значение этого заимствования — ‘старинная монета’, но оно переносится и в современный контекст для обозначения медных денег. Ср. ***кеша** — медная монета, величиной между двумя и тремя копейками, с дырочкой посредине, через которую и нанизываются эти деньги на веревочку.* (*Н. Гарин-Михайловский. Из дневников кругосветного путешествия*, 1952, с. 89). И современный пример: *Корейская монета, которая имеет повсеместное в стране обращение, — это кеши или чохи = 1/5 коп., если нужно взять в дорогу, допустим, 100 руб., то получится на чохи 50 000 медных монет, а при современном курсе корейских денег 75000 кеш; такое количество медяков поместить даже в традиционный поповский карман невозможно. В Сеуле и вокруг Сеула верст на 200 употребляются кроме кеш еще никелевые пятачки, эти все же несколько удобнее; другой монеты в Корее нет* (Православие.Ru: От Сеула до Владивостока, 2012)[11]. Получив русское окончание *-а,* заимствованное из корейского языка слово стало склоняться по первому склонению русских имен существительных, в отличие от прямого заимствования из английского языка *кэш*, имеющего значение ‘наличные (деньги)’ и склоняющегося по второму склонению русского существительного.

Сфера бизнес-лексики тоже включает заимствования [Литягина, 2015] и имеет свою аббревиатуру. В японском менеджменте есть понятие *gonin-gumi*, заимствованное американцами и выражаемое термином *Quality Circle (QC)* или *Creativity Circle (CC)* — это группа работников, создаваемая для улучшения качества продукта или создания нового продукта [Прошина, 2004: 142]. В русских текстах тоже появились варианты термина: *кружок контроля качества, кружок качества,* или аббревиатура *ККК,* что означает объединение

[11] От Сеула до Владивостока. Приготовление к путешествию // Православие.ru. URL: https://pravoslavie.ru/53903.html (дата обращения: 31.01.2025)

рабочих и служащих, цель которого — повышение качества продукции, ее бездефектность, снижение уровня производственного травматизма и т.д. Объясняя суть концепта, японовед и журналист-международник В. Цветов еще в 1990 г. писал: «*Менеджеры обратили внимание на идею, вероятно потому, что "**кружки контроля качества**" легко вписываются в японское понятие общинных отношений, в которых главное — это групповое мышление, стимулирующее групповые действия*» (В. Цветов. Пятнадцатый камень сада Рёандзи, 1990, с. 166), а вслед за полным наименованием стала появляться аббревиатура *ККК*, созданная по первым буквам русского словосочетания: ***ККК** являются разновидностью т.н. малых групп участия работников в управлении, к которым относятся также группы «зет ди» (от англ. zero defect — нулевой брак, бездефектная работа), группы «Джей кей» (от япон. jishu kanri — самоуправление) и др.* (журнал *Япония,* 1992, с. 391). Как видно из вышеприведенного примера, в русском тексте также использованы и более редкие опосредованно заимствованные аббревиатуры: *зет ди* (по первым буквам английского словосочетания) и *джей кей* (по первым буквам латинизированного японского слова). В настоящее время последние аббревиатуры практически не используются[12]. Редко встречается и аббревиатура *ККК,* обычно только когда речь идет о Японии, а когда этот опыт рассматривается в применении других стран в качестве философии, направленной на постоянное совершенствование и вовлечение сотрудников, обычно находим полное наименование *кружок (контроля) качества.*

Инициальные аббревиатуры особенно характерны для формальных текстов политической тематики. Среди них — уже давно устоявшиеся названия партий, организаций, движений: *КПК* — Коммунистическая партия Китая; *ВСНП* — Всекитайское собрание народных представителей; *НПКСК* — Народный политический консультативный совет Китая; *ЦВС* — Центральный Военный Совет (КНР), *НОАК* — Народно-освободительная армия Китая; *ГМД* — Гоминьдан (Националистическая партия на Тайване); *ЛДП(Я)* — Либерально-демократическая партия (Японии), *ПДС* — Партия демократического социализма (Японии), *СДС* — Социал-демократический союз (в Японии), *СПЯ* — Социалистическая партия Японии.

В отличие от предыдущих сокращений, данные инициальные аббревиатуры не являются опосредованными заимствованиями.

[12] В 2002–2007 гг. в Санкт-Петербурге была зарегистрирована фирма «Зет ди интерпрайс»; а в Москве в 2016 г. появилось ООО «ДЖЕЙ КЕЙ ГРУППА КОМПАНИЙ», занимающееся торговой деятельностью.

В русском языке они образовались как кальки с восточного языка, а потом подверглись аббревиации. При переводе на английский язык в некоторых из них меняется порядок слов и, следовательно, нет прямой корреляции букв аббревиатуры: например, *ПДС* (Партия демократического социализма) — *DSP* (Democratic Socialist Party), *КНР* (Китайская Народная Республика) — *PRC* (People's Republic of China).

Такого же рода аббревиатуры историко-экономического характера, обозначающие участки железной дороги в Китае: *КВЖД* — Китайско-Восточная железная дорога; *КЧЖД* — Китайская Чанчуньская железная дорога; *ЮМЖД* — Южно-Маньчжурская железная дорога. Эти аббревиатуры созданы через калькированный перевод с китайского языка названий и не являются новыми и опосредованными, результатом чего оказывается достаточно большое количество их упоминаний в Национальном корпусе русского языка.

Заключение

В результате проведенного нами исследования можно сделать следующие выводы:

1. В современном русском языке есть прямые и опосредованные заимствования из восточных языков и культур. Прямые заимствования образуются в результате непосредственного контакта между двумя языками (например, между китайским и русским). Опосредованные заимствования затрагивают три языка, переходя из одного в другой.

2. Восточные опосредованные заимствования чаще всего связаны с английским языком, который, выполняя роль лингва франка или служа строительным материалом для новых номинаций в восточных странах, помогает распространять концепты иных культур через двойное заимствование.

3. Среди восточных опосредованных заимствований в русском языке есть слова, образованные путем разных сокращений. Меняя свою форму, они становятся не похожими ни на исконное восточное слово, ни на английское. Такие слова находят распространение особенно в молодежной культуре.

Данные выводы можно считать предварительными. Исследование можно продолжить на других языках с тем, чтобы найти общие закономерности в использовании опосредованных заимствований, в том числе тех, что построены на основе сокращения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Багана Ж., Тарасова М.В.* Английские заимствования в русском и немецком языках в условиях глобализации: монография. М.: ИНФРА-М., 2024. URL: https://znanium.ru/read?id=434332 (дата обращения: 29.01.2025).

2. *Вишнякова Е.А., Вишнякова О.Д.* Явление аббревиации в национальных вариантах английского языка (на материале новозеландского английского) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. С. 9–18.

3. *Габдреева Н.В., Агеева А.В., Тимиргалеева А.Р.* Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода М.: Флинта: Наука, 2013.

4. *Демьянов В.Г.* Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII веков: Проблемы морфологической адаптации. М.: Наука, 2001.

5. *Дьяков А.И.* Англицизмы и их русские производные: монография. Новосибирск: Новосибирский гос. тех. ун-т, 2012.

6. *Зацепина Е.А.* Англицизмы в современном русском языке рубежа XX–XXI столетий: этимологическая справка и функциональный спектр: монография. М.: Юрайт, 2024.

7. *Казкенова А.К.* Онтология заимствованного слова: монография. М.: Флинта: Наука, 2013.

8. *Крысин Л.П.* Иноязычное слово в современном русском языке. М.: Наука, 1968.

9. *Кузина М.А.* Заимствования в современном английском языке в эпоху глобализации. М.: МПГУ, 2022.

10. *Литягина Е.А.* К вопросу о словообразовательных моделях бизнес-терминологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 183–191.

11. *Маринова Е.В.* Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: ЭЛПИС, 2008.

12. *Маринова Е.В.* Теория заимствования в основных понятиях и терминах: Словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2013.

13. Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/

14. *Огиенко И.И.* Иноземные элементы в русском языке: История проникновения заимствованных слов в русский язык. 3-е изд. М.: URSS, 2012.

15. *Павловская А.В.* Место и роль иностранных языков в русской культуре // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26, № 2. С. 79–91.

16. *Прошина З.Г.* На восточной волне. Русско-английский словарь восточных реалий. М.: Флинта, 2024.

17. *Прошина З.Г.* Перекресток: Англо-русский контактологический словарь восточноазиатской культуры. / Под ред. Л.П. Бондаренко и Дун Чжэнминя. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004.

18. *Суперанская А.В.* Ударение в заимствованных словах в современном русском языке. М.: Наука, 1968.

19. *Durkin P.* Borrowed Words: A History of Loanwords in English. Oxford: Oxford University Press, 2014.

20. Globally Speaking: Motives for Adopting English Vocabulary in Other Languages / Ed. by J. Rosenhouse and R. Kowner. Clevedon, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters. 2008.

Zoya G. Proshina

INDIRECT LOANWORDS IN RUSSIAN: SHORTENED BORROWINGS

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
proshinazoya@yandex.ru

Abstract. The article discusses indirect loanwords that differ from direct loans in the fact that they exist not in two languages, which is characteristic of usual language contacts, but they go through at least three languages. It is not infrequent that a complex language filter that indirect loanwords pass through changes their forms, as the words have to adapt to a new language system, and their meanings, that most frequently become narrower. Very often indirect loanwords reveal the participation of English as a global language in the process of borrowing. The article analyzes indirect loanwords of East Asian origin which are borrowed into Russian via English. Attention is focused on comparatively new words, coined recently through shortening (abbreviation, blending, cutting). They are often used as names for technological phenomena and are frequently found to name subcultural phenomena in the young people's discourse. Unlike the indirect loans, initial abbreviations used in formal texts for quite a long time are direct loanwords translated as structural calques.

Keywords: borrowing, indirect loanword, English as a lingua franca, shortening, abbreviation

For citation: Proshina Z.G. (2025) Indirect loanwords in Russian: shortened borrowings. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal,* no. 2(28), pp. 25–38. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-2 (In Russ.)

About the author: Zoya G. Proshina — Dr. Habil. in Philology, Professor, Full professor, Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; proshinazoya@yandex.ru

REFERENCES

1. Baghana J., Tarasova M.V. 2024. *Angliyskiye zaimstvovaniya v russkom i nemetskom yazykakh v uslobiyakh globalizatsii* [*English loanwords in Russian and German in the global settings*]. Moscow: INFRA-M. URL: https://znanium.ru/read?id=434332 (accessed: 29.01.2025). (In Russ.)

2. Vishnyakova E.A., Vishnyakova O.D. 2014. Yavleniye abbreviatsii v natsionalnykh variantakh angliyskogo yazyka (na materiale novozelandskogo angliyskogo) [The phenomenon of abbreviation in national varieties of English (based

on New Zealand English)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 9–18. (In Russ.)

3. Gabdreyeva N.V., Ageyeva A.V., Timirgaleyeva A.R. 2013. *Inoyazychnaya leksika v russkom yazyke noveishego perioda* [*Foreign language vocabulary in the Russian language of the modern period*]. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)

4. Demyanov V.G. 2001. *Inoyazychnaya leksika v istorii russkogo yazyka 11–17 vekov: Problemy morfologicheskoy adaptatsii* [*Foreign language vocabulary in the history of the Russian language in the 11–17th centuries: Morphological adaptation*]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

5. Dyakov A.I. 2012. *Anglitsizmy i ikh russkiye proizvodnyie* [*English loans and their Russian derivatives*]. Novosibirsk: Novosib. State Technological University. (In Russ.)

6. Zatsepina E.A. 2024. *Anglitsizmy v sovremennom russkom yazyke rubezha 20–21 stoletiy: etimologicheskaya spravka i funktsionalnyi spektr* [English loans in modern Russian at the turn of the 20th–21st centuries: etymological reference and functional range]. Moscow: Urait. (In Russ.)

7. Kazkenova A.K. 2013. *Ontologiya zaimstvovannogo slova* [The ontology of a loanword]. Moscow: Flinta: Nauka.

8. Krysin L.P. 1968. *Inoyazychnoye slovo v sovremennom russkom yazyke.* [Foreign language word in modern Russian]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

9. Kuzina M.A. 2022. *Zaimstvovaniya v sovremennom angliyskom yazyke v epokhu globalizatsii*. [Loanwords in modern English in the global era]. Moscow: Moscow Pedagogical State University. (In Russ.)

10. Lityagina E.A. 2015. K voprosu o slovoobrazovatelnykh modelyakh biznes-terminologii [On word-building models for business terms]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 183–191. (In Russ.)

11. Marinova E.V. 2008. *Inoyazychnyie slova v russkoy rechi kontsa 20 — nachala 32 vekov: problem osvoyeniya I funktsionirovaniya.* [Foreign words in Russian discourse in the late 20th — early 21st centuries: problems of assimilation and functioning]. Moscow: ELPIS. (In Russ.).

12. Marinova E.V. 2013. *Teoriya zaimstvovaniya v osnovnykh ponyatiyakh I terminakh.* [*Theory of borrowing in major concepts and terms*]. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)

13. Natsionalnyi korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. URL: https://ruscorpora.ru/

14. Ogiyenko I.I. 2012. *Inozemnye elementy v russkom yazyke: Istoriya proniknoveniya zaimstvovannykh slov v russkiy yazyk* [*Foreign elements in Russian: History of borrowing loanwords to the Russian language*]. 3rd edn. Moscow: URSS. (In Russ.)

15. Pavlovskaya A.V. 2023. Mesto I rol inostrannykh yazykov v russkoy culture [Place and role of foreign languages in the Russian culture]. *Moscow State University Bulletin. Series 19*: *Linguistics and Intercultural Communication*, no. 26(2), pp. 79–91. (In Russ.)

16. Proshina Z.G. 2024. *Na vostochnoy volne. Russian-English dictionary of East-Asian culture-loaded words* [On the Asian Wave. Russian-English dictionary of East-Asian culture-loaded words]. Moscow: Flinta. (In Russ.)

17. Proshina Z.G. 2004. *Perekryostok: Anglo-russkiy kontaktologicheskiy slovar vostochnoaziatskoy kultury* [Crossroads. English-Russian contact language dictionary of East Asian culture]. Ed. by L.P. Bondarenko and Dong Zhengmin. Vladivostok: Far Eastern University Press.

18. Superanslaya A.V. 1968. *Udareniye v zaimstvovannykh slovakh v sovremennom russkom yazyke* [*Loanword stress in modern Russian*]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

19. Durkin P. 2014. *Borrowed Words: A History of Loanwords in English*. Oxford: Oxford University Press.

20. Rosenhouse J. and Kowner R. (eds.). 2008. *Globally Speaking: Motives for Adopting English Vocabulary in Other Languages*. Clevedon, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters.

Статья поступила в редакцию 03.02.2025;
одобрена после рецензирования 12.03.2025;
принята к публикации 22.03.2025.

The article was submitted 03.02.2025;
approved after reviewing 12.03.2025;
accepted for publication 22.03.2025.

ЛИНГВИСТИКА И УРОВНИ ЯЗЫКА

Г.И. Бубнова

ПРОСОДИЯ В РЕЧЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ФОРМ ЯЗЫКА

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; gboubnova@mail.ru

Аннотация. Современный грамотный человек существует, говорит и пишет в условиях постоянного взаимодействия устной и письменной форм языка, противопоставлению которых посвящена обширная лингвистическая литература.

Цель исследования — изучить функционирование просодического компонента в процессе дискурсивного взаимодействия этих двух материально разных субстанций, каждая из которых обладает собственным когнитивным механизмом формирования смысла и спецификой его означивания.

Задача статьи выявить и описать просодические средства, используемые говорящими в процессе взаимодействия устного и письменного каналов. Экспериментальное исследование проводится на материале французской радиопередачи, посвященной обсуждению актуальной социальной проблемы с участием профессионалов, имеющих публикации и публичные выступления по обсуждаемой теме. Закономерно предположить, что устная речь, порождаемая в этой ситуации, может рассматриваться как своего рода гибридизация устный-письменный. Существенная роль в этом процессе принадлежит, по нашей гипотезе, просодическим средствам, которые работают как на уровне перцептивного (непрерывного) представления, так и на уровне лингвистического (дискретного) представления и, следовательно, могут рассматриваться как имеющие когнитивный статус.

Результаты исследования могут быть использованы в практике обучения иностранным языкам.

Ключевые слова: дискурс, стратегия говорящего, гибридизация устный-письменный, транскрипция, просодия, паузальное членение, терминальный контур, частота основного тона (ЧОТ), тональный диапазон

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-3

Бубнова Галина Ильинична — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой французского языка для факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; gboubnova@mail.ru

© Бубнова Г.И., 2025

Для цитирования: Бубнова Г.И. Просодия в речевом взаимодействии устной и письменной форм языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 39–58. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-3

Введение

Изучение коммуникативной функции интонации было всегда подчинено поиску взаимодействия лексико-синтаксической и просодической организации речевого потока, основной единицей которого считалось предложение. При этом лексико-синтаксический канал трактовался как основной, а просодический как второстепенный. Такой подход, однако, игнорирует факт генетической первичности устной речи как в социальной, так и в индивидуальной практике.

Сегодня получены экспериментальные данные, свидетельствующие о том, что спектр плача новорожденных и мелодия их крика формируются под влиянием родного языка [Джапаридзе, Стрельников, 1984; Mampe et al., 2009]: двухмесячный французский младенец, слыша разноязычную речь, реагирует, безошибочно узнавая французский вариант [Dehaene, 2018]. Артикуляция, ударение, ритмико-мелодическое оформление речи усваиваются человеком в раннем детстве *бессознательно и составляют основу нашего языкового существования.*

Несмотря на это, лингвисты продолжают изучать коммуникативные типы высказываний и создаваемую интонацией иллокутивную, прагматическую, модальную и экспрессивную специфику их произнесения на материале озвучивания письменных фраз и текстов. В этом случае просодия используется в качестве вторичного и факультативного актуализатора уже созданного смысла. Материал исследования подбирается заранее из письменных источников для последующего озвучивания диктором, который выполняет ту или иную установку исследователя. Однако в ситуации устного порождения речи фонетический компонент не задается письменным каналом, а работает как смыслообразующий фактор в условиях равноправного и синхронного взаимодействия с лексико-грамматическими средствами уже на стадии лингво-когнитивного планирования.

Отсюда вытекает необходимость различать в рамках объекта *устная речь* два способа ее осуществления: устно порождаемую речь и озвученную письменную речь.

Работа с аутентичной устно порождаемой речью (далее УпР) в связи с эфемерностью звуковой субстанции, ставит исследователя

перед необходимостью ее графической фиксации для проведения любого вида лингвистического анализа. Создание орфографической транскрипции устной речи является процедурой не только сложной и трудоемкой [Бубнова, 2018, 2021; Нигматулина, Пальчиков, Риехакайнен, 2014; Рыко, Степанова, 2009; Кибрик, Подлесская, 2003; Blanche-Benveniste, Bilger, 1999; Grosjean, Collins, 1979], но и своего рода зеркалом, позволяющим увидеть отличия УпР по сравнению с письменной речью (далее ПР).

Интралингвистическая специфика устной речи, по мнению многих лингвистов [Martin, 2014; Кибрик, 2008, 2010; Бубнова, 1999; Peytard, 1981; Земская, 1978; Гаспаров, 1978], объясняется взаимодействием следующих условий порождения.

- Многоканальный способ порождения: смысл создается фонетическим и лексико-синтаксическим каналами в процессе симультанного взаимодействия.

Традиционное рассмотрение просодии как вторичного средства, обслуживающего устный синтаксис, подвергается переосмыслению. Фиксируемая лингвистами специфика лексико-синтаксической организации УпР все чаще связывается с многоканальным характером порождения и, следовательно, с участием просодии. Вопрос, активно обсуждаемый лингвистами сегодня: «*Просодическая структура действует до или после синтаксиса*»?[1] — вынесен Ф. Мартеном в заголовок статьи [Martin, 2013].

- Физиологические и когнитивные механизмы порождения УпР: речевое дыхание, артикуляционная моторика, осцилляторные колебания и пр. лингвистические представления о процессе порождения и восприятия звучащей речи не могут не учитывать выводы, полученные нейробиологами в ходе исследования роли колебательных процессов в электрической активности структур мозга, сопровождающих речевую деятельность. [Казанович, 2018; Guiraud, 2017; Poeppel, 2003]. За прошедшие годы накоплен значительный экспериментальный материал, который свидетельствует о наличии тесной связи между гамма-, тета- и дельта-колебаниями, с одной стороны, и (суб)фонемной, слоговой и ритмической обработкой речи, с другой. Исследование А.-Л. Жиро и Д. Пеппела [Giraud & Poeppel, 2012] показывает, что мозг использует это взаимодействие для преобразования речевых ритмов в лингвистические сегменты, обеспечивая таким образом порождение и восприятие речи.

- Инкрементный характер протекания УпР, которая реализуется в условиях необратимости и линейной поступательности про-

[1] *La structure prosodique opère-t-elle avant ou après la syntaxe?*

цесса порождения. Каждый инкремент продвигает формулируемую информацию: говорящий вносит в нее новые «смыслы», уточнения, исправления, добавляет контактоустанавливающие и самокомментирующие элементы. Создаваемая *тематическая зыбь*, кстати, чрезвычайно важна как для самоконтроля говорящего, так и для удержания внимания слушающей аудитории. Кроме того, процессуальность задает синхронность мысли и ее вербализации. Инкрементное развертывание устно порождаемой монологической речи можно представить следующей схемой [Бубнова, 2000: 16].

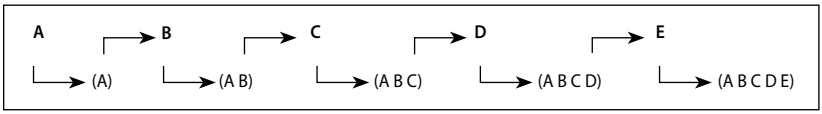


Схема 1. Инкрементное развертывание речевого потока

Как показывает схема 1, в инкрементном развертывании речевого потока наблюдаются следующие фазы:

- непосредственной реальностью речи является сиюминутно произносимый и воспринимаемый инкремент, назовем его фонационный период (далее ФП),
- ФП показаны прописными буквами без скобок в первой строке схемы (порождение) и буквами в скобках во второй строке (восприятие),
- стрелки между ФП — необратимое развертывание речевого потока,
- шаг вниз от ФП — когнитивная обработка воспринимаемого кванта (слушающим и говорящим),
- скобки — интеграция ФП в субъективное семантическое пространство всех участников коммуникативной ситуации,
- шаг вверх — поисковый переход к порождению и восприятию следующего ФП.

Схема показывает, что протекание устной монологической речи осуществляется в режиме интеракции: в естественной для устного общения ситуации говорящий с необходимостью является и отправителем (модель порождения), и получателем как чужого (модель восприятия), так и своего собственного (механизм обратной связи) сообщения.

В соответствии с этими материальными условиями говорящий решает две стратегические задачи, взаимодействие которых носит открытый, динамичный характер:

- сформулировать и сообщить фактуальную информацию (референтная установка);

- включить свое высказывание в реальную ситуацию, реализуя экстравертную установку, в центре которой слушающий(е) и контакт с ним(и), и интровертную установку, которая обеспечивает контроль за осуществляемой им речевой деятельностью.

Корпус исследования

Исследование проводится на материале устно порождаемой речи, реализованной носителями французского языка (мужские голоса, возраст 60+) в передаче Répliques, записанной на радио France Culture в 2016 году на тему *La crise de l'école* (Кризис в школьном образовании). Сценарий передачи: обмен репликами, длительность которых варьирует от 1 до 2 минут, то есть мини-монологические высказывания участников. Длительность передачи — 52 минуты 28 секунд.

В обсуждении участвуют: ведущий передачи Алэн Фэнкелькрот (далее АФ) — известный французский интеллектуал и философ, приглашенные участники передачи: Робер Редекер (далее РР), доцент, преподаватель философии и Филип Мерьё (далее ФМ), профессор педагогических наук.

Выбор передачи обусловлен тем, что в рамках обсуждаемой проблематики участники передачи публикуют статьи и монографии, выступают на конференциях и в медиапространстве. Логично ожидать, что в процессе устного обсуждения участники будут использовать аргументы и примеры, которые они сформулировали в своих письменных работах. Такое воспроизведение может быть как смысловым, так и формально-языковым. На этом основании материал передачи представляется перспективным для изучения дискурсивной гибридизации устной/письменной формы языка.

Реализуя в своем монологическом высказывании референтную стратегию, говорящий работает в интерактивной ситуации и в режиме многоканального порождения. Отсюда информативные, экспликативные, аргументативные смыслы и формы, сосуществующие в референтном пространстве речи, употребляются говорящим в зависимости от сиюминутно решаемой задачи.

Кроме того, в ситуации радиопередачи режим интеракции усложняется: экстравертная установка направлена на две аудитории: внутристудийную и внешнюю, которая представлена радиослушателями. В ходе анализа в случае необходимости первый вид будет назван контактной, а второй — дистантной экстравертностью.

Орфографическая транскрипция звучащих реплик сделана автором статьи в соответствии со стандартной французской ор-

фографией. Дополнительная маркировка введена для элементов хезитации: вокализации обозначены *euh*, а консонантные группы *hm,* а также для двух важных для анализа французской устной речи явлений: вариативность реализации «е» беглого и связывания.

Если в процессе письменной коммуникации эти явления не имеют никакого значения ни для кодирования, ни для декодирования смысла высказывания, то в устной речи их варьирование, как и употребление хезитации, является обязательным и надежным маркером спонтанности порождения. В нашем случае речь скорее идет не о спонтанности порождения, а о процессуальности, которая создает условия для реализации указанных явлений и, следовательно, возможность рассматривать их как маркеры гибридизации.

Произнесение «е» беглого маркируется: в случае выпадения — запятой (*p,tit)*, в случае произнесения — литерой ę (*dę quel mal*), связывание показано нижним подчеркиванием _ (*p,tit_ami)*. Прописные буквы используются только при написании имен собственных. Пунктуационные знаки исключены, в качестве маркера членения речевого потока на единицы, превышающие слово, используется пауза: перерыв фонации, определяемый акустически (как правило, более 200 мс) и перцептивно (в результате аудиторского анализа).

Таким образом, основными, объективно выделяемыми единицами речевого потока являются фонационные периоды (далее ФП), которые сегментируются паузами.

В таблицах ФП пронумерованы и представлены вертикальным развертыванием, то есть в формате списка. Слоги с дополнительным ударением выделены жирным шрифтом.

В ходе анализа для краткости и удобства чтения текстового описания используются следующие сокращения: ФП-1 отсылает к конкретному ФП, фигурирующему в таблице, ФП /1–4/ — обозначает смысловой блок, состоящий из указанных в скобках ФП.

Записи подвергнуты акустическому (программа PRAAT) и аудиторскому анализу, осуществленному носителями французского языка в режиме естественного прослушивания (то есть без опоры на текст).

Несколько терминов:

- частота основного тона — ЧОТ, измеряемая в герцах — Гц;
- тональный диапазон — соотношение максимальной и минимальной ЧОТ в полутонах — пт;
- полутоны — логарифмическое преобразование шкалы герц, позволяющее нейтрализовать индивидуальную высоту голоса;

- терминальный контур — движение тона в ударном слоге ФП перед паузой;
- форма терминального контура обозначается: понижение \, повышение /, восходяще-нисходящее движение /\, восходяще-нисходящее движение с произнесением заударного [ə] или парантезы /_, ровное (на уровне несущего тона) —.

В статье представлен анализ двух мини-монологических высказываний, которые иллюстрируют речь двух ее участников: А. Фэнкелькрота (далее АФ) и Ф. Мерьё (далее ФМ).

Высказывание ведущего передачи

Вводное высказывание ведущего АФ длительностью 40,5 секунд сегментировано паузами на 22 фонационных периода (далее ФП) (см. табл. 1).

Таблица 1

Транскрипция: вводное высказывание ведущего АФ

Фонационные периоды
1 vingt-sept_ans ont passé\ 2 la quęrelle scolaire n'est certęs pas_éteinte/ 3 mais même parmi les sociologues/ 4 il n'y a plus dę Pangloss\ 5 les_enquêtes PISA sont_accablantes et tout l,monde pleure\ tout l,monde ręconnait/ quę lę système éducatif est_en crise\ 6 lę **dé**saccord/ 7 **por**tę désormais sur la **na**turę/\ 8 dę cette crisę/ 9 et sur les **rę**mèdes à lui apporter\
10 ję commenc,rai donc par l'en — 11 l'entrętien/ 12 avec Philippe Meirieu/ 13 qui après avoir enseigné — 14 à tous les niveaux dę l'institution scolaire/\ 15 dirige la Collection — 16 Pédagogie aux_éditions UeSPé/ 17 et avec lę philosophe/ 18 Robert Redeker qu'est-c,qui n,va pas\ 19 dę quel mal/ 20 souffre aujourd'hui/ 21 l'école dę la république\ 22 Robert Redeker\

Ведущий АФ решает две коммуникативные задачи: 1) ФП /1–9/ представляет слушателям тему передачи и обосновывает ее актуальность (взаимодействие референтной и дистантной экстравертной установок) и 2) ФП /10–22/ представляет гостей передачи и предоставляет слово одному из них (доминанта интерактивной установки).

Лексико-синтаксическая организация ФП /1–9/ легко членится на предложения, что позволяет рассматривать реализацию этой части как озвучивание подготовленного письменного текста. Однако в ходе озвучивания АФ применяет приемы, которые создают впечатление говорения, а не чтения письменного текста.

Первое предложение (ФП /1–4/) озвучено в полном соответствии с лексико-синтаксической структурой: паузы реализованы на синтаксических швах, ФП уравновешены по количеству слогов и среднеслоговой длительности, в завершении неконечных ФП наблюдается тональное повышение, а в завершении ФП-4 реализуется нисходящий контур. Иначе говоря, ведущий реализует модель, описанную П. Делаттром [Delattre, 1966].

ФП-5 объединяет два предложения, каждое из которых завершается нисходящим контуром. Отсутствие паузы между ними приводит к резкому увеличению скорости артикуляции: в ФП /1–4/ средняя длительность слога 0,230 с, а в ФП-5 — 0,048 с. Созданный контраст получает свое развитие в ФП /6–9/: предложение, которое говорящий членит на короткие ФП, создавая резкое замедление темпа произнесения по сравнению с ФП-5 (средняя скорость артикуляции 0,224 с). В замедлении темпа участвует реализация дополнительного, или дидактического в терминологии В. Люсси [Lucci, 1980], ударения на первом слоге слов ***dé****saccord,* ***po****rte,* ***na****ture,* ***re****mèdes*, которые обозначают ключевые понятия, обсуждаемые в передаче. В ФП-7 слово ***na****ture* оформляется восходяще-нисходящим контуром, в рамках которого реализуется значительный тональный контраст между повышающейся (+6 пт) и понижающейся (–8 пт) частями контура. По мнению аудиторов, можно говорить об экспрессивно-дидактической тактике ведущего в этой части высказывания. В нашей терминологии, это реализация дистантной экстравертной установки.

В ФП /10–22/ речь включена в реальную ситуацию: референтная установка утрачивает доминантное значение, интерактивное представление коллег, которые находятся в студии (хотя мы и не видим их), сопровождается жестами, мимикой и пр. В результате этого переключения внимания в речи говорящего наблюдается целый ряд изменений.

ФП /10–16/ представляет собой озвучивание письменного предложения *je comencerai donc par l'entretien avec Philippe Meirieu qui, après avoir enseigné à tous les niveaux de l'institution scolaire, dirige la Collection Pédagogie aux éditions USP*, которое АФ членит на семь ФП, нарушая связность внутри слова *l'entretien* (ФП-10), в рамках деепричастного оборота *après avoir enseigné à tous les niveaux de l'institution scolaire* (ФП-13) и разрывая связь между двумя словами, называющими постоянную серию, публикуемую в издательстве *la Collection Pédagogie* (ФП-15). Эти паузы вводятся ровным тональным завершением, сопровождающим, как правило, поисковые обрывы фонации.

На участке терминального слога ФП-13 наблюдается восходяще-нисходящий контур, который используется АФ на сложном для озвучивания синтаксическом шве для реализации дистантной экстравертной установки. Аудиторы, работавшие в режиме естественного прослушивания — без опоры на ПТ — квалифицируют это как самоперебив для поддержания контакта со слушающей аудиторией.

Представляя Р. Редекера в ФП /17–22/, АФ неудачно объединяет в рамках ФП-18 имя приглашенного и обращенный к нему вопрос. Понимая это, АФ переформулирует заданный вопрос в ФП /19–21/ и повторяет обращение к RR в ФП-22, реализуя еще один устно речевой прием: фонетическое свертывание слов в контексте их повторяемости (см. график 1).

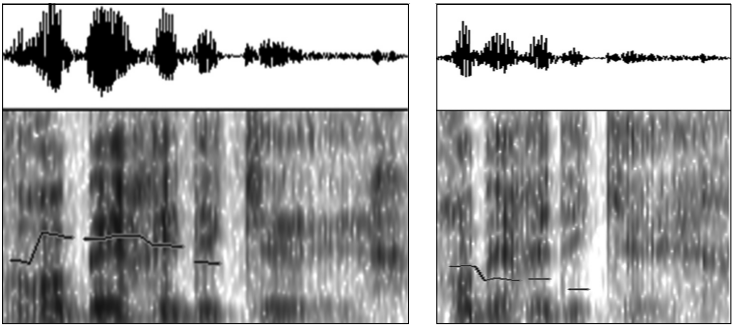


График 1. Программа Praat: снимок экрана. Полное и свернутое произнесение обращения к коллеге: Робер Редекер

Помимо указанных выше отличий следует отметить, что ФП /15–22/ по сравнению с ФП /1–9/ характеризуются:

- ускорением темпа речи (средняя длительность слога соответственно — 190 мс *vs* 210 мс)

- повышением тонального регистра (средние значения $ЧОТ_{мин/макс}$ — 90/150 Гц *vs* 80/140 Гц)
- сжатием тонального диапазона (средние значения диапазона ЧОТ — 8 пт *vs* 10 пт)

Итак, это небольшое высказывание дает представление о вариативности устно речевого поведения в зависимости от ситуативно решаемой говорящим задачи. Обобщая полученные результаты, можно утверждать, что письменный текст, озвучивание которого реализуется в ситуации устного взаимодействия коммуникантов, претерпевает значительные изменения под воздействием слухопроизносительных автоматизмов говорящего.

Высказывание Филиппа Мерьё

Высказывание приглашенного Ф. Мерьё (далее ФМ) длительностью 107 секунд сегментировано паузами на 33 фонационных периода (далее ФП) (см. табл. 2).

В высказывании Ф. Мерьё, выступающем после Р. Редекера, выделяются два смысловых блока: ФП /1–5/ — ответ на критику РР, которая содержится в его публикациях и в предшествующем выступлении, представляет собой взаимодействие референтной и контактной экстравертной установок. ФП /6–33/ — блок, в котором ФМ показывает необоснованность основного тезиса РР и излагает свою позицию по обсуждаемому вопросу, иллюстрирует взаимодействие референтной установки, которая подчинена решению аргументативной задачи, и экстравертной установки, которая носит как дистантный, так и контактный характер. Интровертная установка реализуется употреблением пауз, хезитаций, реализацией «е» беглого и связывания.

Блок ФП /1–5/ представляет собой просодически завершенное высказывание. Говорящий создает контраст между ФП /1–4/ и ФП-5, который можно описать в терминах тема-рематического членения. ФП /1–4/ реализуется на просодическом уровне как тематический компонент: средний темп произнесения, восходящее тональное движение, которое наблюдается не только в терминальных слогах, но и в середине периодов. Рема — короткий ФП-5 — оформляется значительным тональным понижением, которое, как правило, членит речевой поток на предложения. Однако в данном контексте нисходящий контур завершает не предложение, а смысловой блок ФП /1–5/. Паузальное членение, реализованное внутри блока, обеспечивает не синтаксическое членение, а динамику продвижения информации вперед.

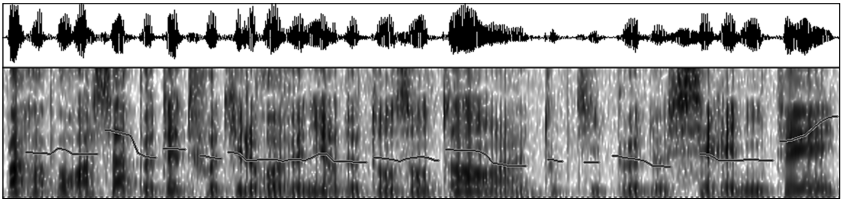
Таблица 2

Высказывание ФМ: транскрипция

Фонационные периоды
0 реплика AF : très bien alors Philippe Meirieu/ 1PM : oui d'abord moi aussi je vous remercie de — 2 nous_avoir invités avec Rober Redeker et je l'remercie d'avoir resitué/ l,débat — 3 là où il doit_être parce que l'ouvrage qu'il vient d'écrire me définit comme un_assassin d,la haute culture aux penchants polpotiens/ 4 promoteur d'une forme carnavalesque de théologie obscurantiste croque-mort/ 5 et j'en passe et des meilleures\
6 donc-e/ 7 par rapport à ça peut-êt, faut-il revenir de temps_en temps à un tout p,tit peu de sérénité/ 8 oui/ comme Rober Redeker je crois qu'i, y a une crise de la vie y a une crise de projet/ 9 euh nous n'avons pas grand-chose à offrir à nos jeunes aujourd'hui/_ entre la 10 consommation compulsive et les répliques claniques/_ 11 oui l'école /_ 12 est dans_une société/ qui a perdu un peu d,son sens/ 13 mais non l'école/ n'a pas abandonné/ la transmission des savoirs / 14 euh les_enseignants dans l'immense majorité euh des cas et pour la quasi-totalité d'entre eux ne demandent/_qu'à transmett, les savoirs 00 реплика PP : ils vous diront qu'on le leur interdit 15 mais non /\ on ne le leur interdit pas on ne demandent que c,la/ 16 les programmes ne disent que c,la/ 17 alors après/ 18 un certain nomb, d'enseignants c'est vrai peinent/_ à transmet, les savoirs 19 la crise de la transmission n'est pas_une crise de la finalité d,la transmission/ 20 la transmission tout l,monde veut la faire tout l,monde est conscient que nous_avons besoin/ 21 d'enraciner et non pas déraciner pour reprend, vos propres propres termes/ 22 les jeunes dans_une culture/\ 23 mais euh la question c'est celle du comment/ 24 et euh la séparation je crois entre vous et moi aujourd'hui /_c'est euh 25 la séparation entre l'injonction métaphysique la pensée magique dans laquelle vous_êtes/ 26 qui consiste à dire qu'il suffit d'affirmer la transmission/ 27 et qu'elle se déroul,ra/ 28 et puis le travail que je considère comme modeste mais nécessaire qui est_un travail pédagogique/ 29 qui consiste à se d,mander comment/_ transmettre 30 comment transmettre alors que nous vivons effectiv,ment dans_une société/ où on_a — 31 démocratisé — 32 l'accès à l'école /_ 33 mais on n'a pas démocratisé la réussite /_dans/ l'école

Блок ФП /6–33/

ФП-6 и ФП-7 обеспечивают переход к аргументативной части выступления. На этом этапе говорящий использует прием устно речевой аппроксимации, реализуя ее на разных уровнях языка. Аппроксиматоры лексико-синтаксического уровня выделены п/ж в ФП-7 (см. транскрипцию внизу графика 1), их количество и функциональная нагрузка свидетельствуют о том, что говорящий работает в поисковом режиме. На фонетическом уровне показателем поисковой техники является быстрое и монотонное — практически на уровне несущего тона — произнесение ФП, вариативность реализации «е» беглого.



ФП-7 par rapport à ça **peut-êt**, **faut-il** ręvęnir **dę temps_en temps** à **un tout p,tit peu dę** sérénité[2]

График 2. Программа Praat: снимок экрана

ФП /8–33/

Аргументативная тактика ФМ имеет классическую схему: в первой части — ФП /8–23/ — говорящий анализирует положения, сформулированные RR, уточняя те из них, с которыми он в целом согласен (ФП /8–12/) и те, которые он не разделяет (ФП /13–22/). Именно на этом этапе звучит уточняющая реплика RR. В ФП /23–33/ ФМ излагает свой подход к обсуждаемой проблеме.

Анализ паузального членения, реализованного ФМ в процессе своего монологического выступления, позволяет установить два вида синтаксической дистрибуции паузы:

- в 66% ФП паузальное членение реализуется на синтаксическом шве, внутри этих ФП синтаксическая плавность сохраняется. Объем варьирует в слогах от 2 до 35, в секундах от 0,4 до 7,1;
- в 33% ФП пауза сегментирует речевой поток, нарушая синтаксические связи, такие ФП чаще всего подхватываются в следующем ФП. Объем варьирует в слогах от 5 до 25, в секундах от 0,9 до 4,4.

[2] «В связи с этим, возможно, следовало бы время от времени возвращаться к некоторому спокойствию» (перевод мой).

В процессе слухового восприятия речи коммуникативная функция паузы определяется в зависимости от тонального оформления терминального слога ФП. В речи ФМ наблюдаются следующие терминальные контуры.

Ровное движение тона комбинируется с несинтаксическими паузами, употребляется в четырех ФП (12%), два из которых наблюдаются в начале высказывания (ФП-1 и ФП-2), а два — в конце (ФП-30 и ФП-31), т.е. в самых проблемных для говорящего точках при порождении монологических высказываний.

Нисходящее движение тона, которое, как правило, членит речевой поток на предложения, наблюдается только в одном ФП (3%). Это ФП-5 в завершении первой части высказывания, в которой ФМ отвечает на критику RR. Однако этот контур завершает смысловой блок, а не предложение, поскольку ФП /1–5/ таковым не является.

Восходящее движение тона в терминальном слоге ФП сигнализирует о незавершенности высказывания (референтная установка) и направлено на удержание внимания слушающих (интерактивная установка), оно является доминантным в анализируемом отрывке (54%) и сопровождает оба типа паузального членения.

Восходяще-нисходящий контур наблюдается в завершении 30% ФП и также участвует в паузальном членении обоих типов. В отличие от восходящего контура, который обеспечивает классическое взаимодействие референтной и интерактивной установок в рамках тематического компонента высказывания, восходяще-нисходящий контур заслуживает более развернутого комментария. Первое его описание находим у П. Делаттра [Delattre, 1966], затем в контексте изучения устно порождаемой речи в связи с произнесением заударного «е» беглого о нем пишет И. Фонадь [Fónagy, 1989], к его анализу как социолингвистической характеристике молодежного сленга обращается А. Хансен [Hansen, 1997], идентифицирующая функция гендерного типа отмечена у этого контура П. Леоном [Léon, 1992], его дискурсивный статус изучается в работах автора этой статьи [Бубнова, 1998; Бубнова, Гладких, 2018]. Реализация этого контура в анализируемом высказывании ФМ позволяет, с одной стороны, подтвердить сделанные ранее выводы: контур (ФП-10, ФП-11, ФП-22, ФП-32) сопровождается произнесением заударного [ə], его экстравертный потенциал сочетается с сегментирующей силой, которая практически стопроцентно отмечается аудиторами в виде паузы, даже если она чрезвычайно мала (см. график 2).

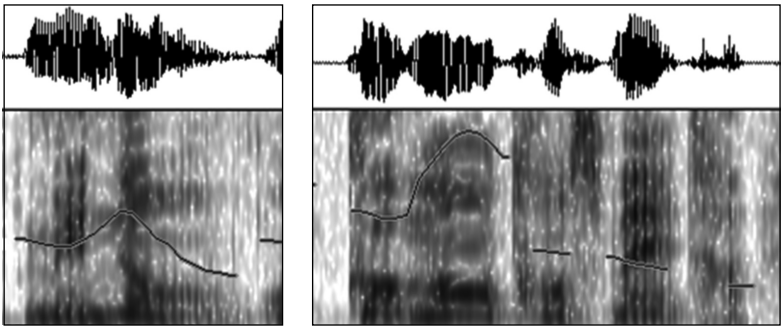


График 3. Программа Praat: снимок экрана

Отметим, что ФМ вносит существенные изменения в реализацию этого контура. Наряду с описанной выше моделью он удлиняет нисходящую часть контура, превращая ее в парантезу, состоящую из нескольких слогов. Перед несинтаксической паузой парантеза — оборванный зачин следующего ФП — содержит 2–3 слога (ФП-9, ФП-24), тональный диапазон нисходящей части контура варьирует от –11 до –15 пт. В данном случае работает стратегия маскировки сбоя под плавность: слыша сильный контактоустанавливающий контур, аудиторы (а следовательно и публика) не замечают сбой. Перед синтаксической паузой (ФП-14, ФП-18, ФП-29, ФП-33) тональный диапазон нисходящей части увеличивается до 15–21 пт (см. график 3). В качестве присоединяемой к контуру парантезы используются часто повторяемые слова и выражения (*transmettre les savoirs, transmettre, l'école*): длительность парантезы — от 3 до 9 слогов. Присоединяя такую парантезу к экстравертному контуру, говорящий, по мнению аудиторов, усиливает контактоустанавливающий эффект тонального оформления ФП.

Заключение

Устное представление научных наблюдений и выводов, ранее изложенных участниками передачи в письменном виде, представляет собой сложное взаимодействие письменной и устной форм языкового существования.

Просодическая сегментация проанализированных речевых высказываний подчиняется инкрементному «*наращению*» формулируемого смысла. Как только это наращение представляется говорящему достаточным, он делает паузу и переходит к следующему ФП-инкременту. Поэтому внутри ФП синтаксическая плавность,

как правило, сохраняется, а паузальное членение может как совпадать, так и не совпадать с синтаксическим швом.

Терминальный контур ФП представлен четырьмя основными вариантами:

- повышение тона — максимальная частота употребления в речи обоих говорящих — наблюдается как внутри ФП (ритмическое ударение), так и перед паузой любого типа, сигнализируя о незавершенности смыслового блока и удерживая внимание слушающих;
- понижение тона — минимальная частота употребления — наблюдается в конце смысловых блоков перед синтаксической паузой и сигнализирует об их завершении;
- ровное движение тона употребляется в 12% случаев перед несинтаксической паузой и сигнализирует о поисковой стратегии говорящего, часто сопровождается звуковой хезитацией;
- восходяще-нисходящее движение тона употребляется в 30% случаев перед паузой любого типа и сигнализирует об экстравертной стратегии говорящего: в аргументативной речи ФМ, по мнению аудиторов, этот контур выражает желание говорящего внушить слушающим, что они разделяют формулируемую им мысль.

Полученные данные показывают, что гибридизация *устный-письменный*, наблюдаемая в устном научном дискурсе на уровне фонационного периода, может быть представлена как взаимодействие двух материально разных субстанций: фонационный период, который сохраняет свою синтаксическую упаковку, приобретает при участии просодии статус единицы дискурсивной активности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бубнова Г.И.* Основные интонационные контуры: акустическая форма и функции, выполняемые в устнопорождаемой монологической речи (на материале французского языка) // Экспериментальные исследования звучащей речи. Сб. науч. трудов. Москва: Институт языкознания РАН, 1998. С. 3–28.

2. *Бубнова Г.И.* Канал порождения речи как компонент когнитивной стратегии / Экспериментальные исследования устной речи и овладения языком. Сб. науч. трудов. Москва: Институт языкознания РАН, 2000. С. 3–32.

3. *Бубнова Г.И.* Лингвокогнитивная специфика монологической речи в условиях озвучивания и спонтанного порождения (на материале французской радиопередачи “La Danse des mots”) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 31–41.

4. *Бубнова Г.И.* Перцептивно-слуховая сегментация устно порождаемой речи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и международная коммуникация. 2021. № 3. С. 51–64.

5. *Бубнова Г.И., Гладких М.В.* Просодия обращенности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и международная коммуникация. 2018. № 3. С. 46–57.

6. *Гаспаров Б.М.* Устная речь как семиотический объект // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1978. Вып. 442. URL: https://www.ruthenia.ru/folklore/gasparov1.htm (дата обращения 20.01.2025).

7. *Джапаридзе З.Н., Стрельников Ю.А.* О различиях в плаче новорожденных разной национальности и пола (к проблеме уровней фонетической организации членораздельной речи). Вып. 1. ЛГУ, 1984. С. 58–64.

8. *Земская Е.А.* Особенности русской разговорной речи и структура коммуникативного акта Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Москва: Наука, 1978. С. 196–220.

9. *Казанович Я.Б.* Осцилляторные нейросетевые модели когнитивных функций мозга / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора физико-математических наук. Пущино, 2018. URL: http://www.impb.ru/downloads/Kazanovich_ar.pdf (дата обращения 20.01.2025).

10. *Кибрик А.А.* Есть ли предложение в устной речи? // Фонетика и нефонетика / Под ред. А.В. Архипова и др. М.: ЯСЛ, 2008. С. 104–115.

11. *Кибрик А.А., Подлесская В.И.* К созданию корпусов устной русской речи: принципы транскрибирования // Научно-техническая информация. Серия 2, № 6. 2003. С. 5–11.

12. *Кибрик А.А.* Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. Сборник научных трудов. Выпуск 4. Москва, 2010. Издательство: Институт психологии РАН. С. 135–152. URL: Multimodal@Cog_Studies_2010 (дата обращения 20.01.2025).

13. *Нигматулина Ю.О., Пальчиков Г.Г., Риехакайнен Е.И.* Паузация и синтаксические связи в русской спонтанной речи. URL: https://pureportal.spbu.ru/en/publications/-------(f56670af-a449-4543-9c91-e2c703e1c1c0).html (дата обращения 20.01.2025).

14. *Рыко А.И., Степанова С.Б.* Стратегии членения спонтанной речи на синтаксические единицы. URL: http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/68.htm#_ftn3 (дата обращения 20.01.2025).

15. *Blanche-Benveniste Cl., Bilger M.* Français parlé-oral spontané. Quelques réflexions // Revue française de linguistique appliquée. Vol. IV-2. 1999. Pp. 21–30.

16. *Dehaene S.* Interview dans la librairie Mollat à Bordeaux. 2018. URL: https://www.mollat.com/evenements/rencontre-avec-stanislas-dehaene (consulté le 20.00.2025).

17. *Delattre P.* Les dix intonations de base du français / The French Review. Vol. 40. № 1 (Oct., 1966). Pp. 1–14. URL: https://www.jstor.org/stable/385000 (consulté le 20.01.2025).

18. *Fónagy I.* Le français change de visage? Revue romane, 1989, 24–2. Pp. 225–254. URL: https://tidsskrift.dk/revue_romane/article/view/29677/26966 (consulté le 20.01.2025).

19. *Giraud A-L. & Poeppel D.* Cortical oscillations and speech processing: emerging computational principles. Nature neuroscience E-pub, 2012. DOI: 10.1038/nn.3063. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4769593/ (consulté le 20.01.2025).

20. *Grosjean F., Collins M.* Breathing, Pausing and Reading // Phonetica. 36. 1979. Pp. 98–114.

21. *Guiraud H.* Symphonie des oscillations cérébrales lors de la perception de parole: Études comportementale et en magnétoencéphalographie chez les enfants neurotypiques et dysphasiques / Université Lumière Lyon 2. Sciences Cognitives mention Linguistique, 2017. URL: http://www.ddl.cnrs.fr/fulltext/Guiraud/Guiraud_2017_These.pdf (consulté le 20.01.2025).

22. *Hansen A.B.* Le nouveau [ə] prépausal dans le français parlé à Paris. Polyphonie pour Ivàn Fònagy, Paris : L'Harmattan, 1997. Pp. 173–198.

23. *Léon P.R.* Phonétisme et prononciations du français. Paris: Nathan, 1992.

24. *Lucci V.* L'accent didactique // L'Accent en Français Contemporain. I. Fónagy, P.R. Léon (eds). Studia phonetica, 1980, 15. Pp. 107–121.

25. *Mampe B., Friederici A.D., Christophe A., Wermke K.* Newborns' Cry Melody Is Shaped by Their Native Language // Current Biology. 05 November 2009. DOI: 10.1016/j.cub.2009.09.064. URL: https://www.cell.com/current-biology/fulltext/S0960-9822(09)01824-7 (consulté le 20.01.2025).

26. *Martin Ph.* Ondes cérébrales et contraintes de la structure prosodique // Synergies Europe, № 9. 2014. Pp. 161–176.

27. *Martin Ph.* La structure prosodique opère-t-elle avant ou après la syntaxe ? // *TIPA. Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage* [En línea], 29 | 2013. DOI: 10.4000/tipa.943. URL: http://journals.openedition.org/tipa/943 (consulté le 20.01.2025).

28. *Peytard J.* Pour une typologie des messages oraux // La grammaire du français parlé. Paris : Hachette, 1981. Pp. 161–176.

29. *Poeppel D.* The analysis of speech in different temporal integration windows: cerebral lateralization as 'asymmetric sampling in time' // Speech Communication. 41: 1. 2003. Pp. 245–255. URL: https://doi.org/10.1016/S0167-6393(02)00107-3 (consulté le 20.01.2025).

LINGUISTICS AND LANGUAGE LEVELS

Galina I. Bubnova

PROSODY IN THE ORAL AND WRITTEN LANGUAGE FORMS INTERACTION

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; gboubnova@mail.ru

Abstract. Modern literate individuals exist, speak, and write in an environment where oral and written language forms constantly interact, a topic extensively covered in linguistic literature.

The aim of this study is to explore the functioning of the prosodic component in the discursive interaction of these two materially distinct forms, each possessing its own cognitive mechanism for meaning production and specific ways of its encoding.

The objective of the article is to identify and describe the prosodic means used by speakers during the oral and written channels interaction. The experi-

mental research is based on a French radio broadcast discussing a current social issue with professionals who have publications and public speeches on the topic. It is reasonable to assume that generated in this context oral speech can be considered a kind of oral-written hybridization. According to our hypothesis, prosodic means play a significant role in this process, operating at both perceptual (continuous) and linguistic (discrete) levels of representation, thus possessing cognitive status.

The results of the study can be applied in foreign language teaching practices.

Keywords: discourse, speaker's strategy, oral-written hybridization, transcription, prosody, pausal segmentation, terminal contour, fundamental frequency (F0), pitch range

For citation: Bubnova G.I. (2025) Prosody in the Oral and Written Language Forms Interaction. Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal, no. 2(28), pp. 39–58. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-3 (In Russ.)

About the author: Galina I. Bubnova — Dr. Habil in Philology, Professor, Head of the Department of the French Language of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; gboubnova@mail.ru

REFERENCES

1. Bubnova G.I. 1998. Osnovnye intonatsionnye kontury: akusticheskaya forma i funktsii, vypolnyaemye v ustnoporozhdaemoi rechi (na materiale frantsuzskogo yazyka) [Basic intonation contours: acoustic form and functions realised in oral speech production]. *Coll. of scientific papers "Experimental studies of oral speech production"*. Moscow. Institute of Linguistics RA, pp. 3–28. (In Russ.)

2. Bubnova G.I. 2000. Kanal porozhdeniya rechi kak komponent kognitivnoj strategii / Eksperimentalnye issledovaniya ustnoj rechi i ovladeniya yazykom [Speech production channel as a component of cognitive strategy]. *Coll. of scientific papers "Experimental studies of oral speech and language acquisition"*. Moscow. Institute of Linguistics RAS, pp. 3–32. (In Russ.)

3. Bubnova G.I. 2018. Lingvokognitivnaya specifika monologicheskoi rechi v usloviyah ozvuchivaniya i spontannogo porojdeniya _na materiale francuzskoi radioperedachi "La Danse des mots" [Linguo-cognitive Specificity of Monologue Speech under Conditions of Scripted and Spontaneous Production: A Study of the French Radio Broadcast "La Danse des mots"]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 31–41. (In Russ.)

4. Bubnova G.I. 2021. Pertseptivno-slukhovaya segmentatsiya ustno porozhdaemoi rechi [Perceptual-aural segmentation of oral speech]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 51–64. (In Russ.)

5. Bubnova G.I., Gladkikh M.V. 2018. Prosodya obrashennosti [Prosody of the addressing]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 46–57. (In Russ.)

6. Gasparov B.M. 1978. Ustnaya rech kak semioticheskij obekt [Oral speech as a semiotic object]. *Uchen. zap. Tartusskogo gos. un-ta.* Tartu, Vyp. 442. URL: https://www.ruthenia.ru/folklore/gasparov1.htm (accessed: 20.01.2025). (In Russ.)

7. Dzhaparidze Z.N., Strelnikov Yu.A. 1984. *O razlichiyah v plache novorozhdennyh raznoj nacionalnosti i pola (k probleme urovnej foneticheskoj organizacii chlenorazdelnoj rechi)* [On the differences in crying of newborns of different nationalities and genders (to the problem of levels of phonetic organization of articulate speech)]. *Vyp. 1. LGU*, pp. 58–64. (In Russ.)

8. Zemskaya E.A. 1978. Osobennosti russkoj razgovornoj rechi i struktura kommunikativnogo akta [Features of Russian colloquial speech and the structure of the communicative act]. *Slavyanskoe yazykoznanie. VIII mezhdunarodnyj sezd slavistov.* Moskva: Nauka, pp. 196–220. (In Russ.)

9. Kazanovich Ya.B. 2018. *Ostsillyatornye neirosetevye modeli kognitivnykh funktsii mozga.* [Oscillatory neural network models of brain cognitive functions.]. AVTOREFERAT dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora fiziko-matematicheskikh nauk. Pushchino. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008709131/ (accessed: 1.06.2023). (In Russ.)

10. Kibrik A.A. 2008. Est li predlozhenie v ustnoj rechi? [Is there a sentence in oral speech?]. In A.V. Arhipova i dr. (ed.). *Fonetika i nefonetika*. M.: YaSL, pp. 104–115. (In Russ.)

11. Kibrik A.A., Podlesskaya V.I. 2003. K sozdaniyu korpusov ustnoj russkoj rechi: principy transkribirovaniya [Towards the creation of corpora of oral Russian speech: principles of transcription]. *Nauchno-tehnicheskaya informaciya*. Seriya 2, 6, pp. 5–11. (In Russ.)

12. Kibrik A.A. 2010. Multimodalnaya lingvistika [Multimodal linguistics]. *Kognitivnye issledovaniya. Sbornik nauchnyh trudov.* Vypusk 4. Moskva, Izdatelstvo: Institut psihologii RAN, pp. 135–152.

13. Nigmatulina Yu.O., Palchikov G.G., Riehakajnen E.I. 2014. Pauzaciya i sintaksicheskie svyazi v russkoj spontannoj rechi [Pausing and syntactic connections in Russian spontaneous speech]. URL: https://pureportal.spbu.ru/en/publications/----------(f56670af-a449-4543-9c91-e2c703e1c1c0).html (accessed: 20.01.2025). (In Russ.)

14. Ryko A.I., Stepanova S.B. 2009. Strategii chleneniya spontannoi rechi na sintaksicheskie edinici [Strategies for dividing spontaneous speech into syntactic units]. URL: http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/68.htm#_ftn3 (accessed 20.01.2025). (In Russ.)

15. Blanche-Benveniste Cl., Bilger M. 1999. Français parlé-oral spontané. Quelques réflexions [Spoken French-spontaneous oral. Some reflections]. *Revue française de linguistique appliquée,* vol. IV-2, pp. 21–30. (In French)

16. Dehaene S. 2018. Interview dans la librairie Mollat à Bordeaux [Interview in the Mollat bookstore in Bordeaux]. URL: https://www.mollat.com/evenements/rencontre-avec-stanislas-dehaene (consulté le 20.01.2025). (In French)

17. Delattre P. 1966. Les dix intonations de base du français. [Ten basic intonations of French]. *The French Review*, t. 40, pp. 67–211. (In French)

18. Fónagy I. 1989. Le français change de visage? [Is French changing its face?]. *Revue romane*, 24–2, pp. 225–254. URL: https://tidsskrift.dk/revue_romane/article/view/29677/26966 (consulté le 20.01.2025). (In French)

19. Giraud A.L., Poeppel D. 2012. Cortical oscillations and speech processing: emerging computational principles and operations. *Nature neuroscience*, vol. 15. URL:

https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4769593/ (accessed: 20.01.2025). (In French)

20. Grosjean F., Collins M. 1979. Breathing, Pausing and Reading. *Phonetica,* 36, pp. 98–114.

21. Guiraud H. 2017. Symphonie des oscillations cérébrales lors de la perception de parole : Études comportementale et en magnétoencéphalographie chez les enfants neurotypiques et dysphasiques [Symphony of brain oscillations during speech perception: Behavioral and magnetoencephalography studies in neurotypical and dysphasic children]. *Thèse présentée en vue de l'obtention du grade de DOCTEUR EN PSYCHOLOGIE DE L'UNIVERSITE DE LYON.* Discipline: Sciences Cognitives mention Linguistique. URL: http://www.ddl.cnrs.fr/fulltext/Guiraud/Guiraud_2017_These.pdf (consulté le 20.01.2025). (In French)

22. Hansen A.B. 1997. Le nouveau [ə] prépausal dans le français parlé à Paris [The new prepausal [ə] in French spoken in Paris]. *Polyphonie pour Ivàn Fònagy*, Paris: L'Harmattan, pp. 173–198. (In French)

23. Léon P.R. 1992. *Phonétisme et prononciations du français* [Phonetics and pronunciations of French]. Paris: Nathan. (In French)

24. Lucci V. 1980. L'accent didactique [The didactic accent]. *L'Accent en Français Contemporain.* In I. Fónagy, P.R. Léon (eds). Studia phonetica, 15, pp. 107–121. (In French)

25. Mampe B., Friederici A.D., Christophe A., Wermke K. 2009. Newborns' Cry Melody Is Shaped by Their Native Language. *Current Biology.* DOI: 10.1016/j.cub.2009.09.064. URL: https://www.cell.com/current-biology/fulltext/S0960-9822(09)01824-7 (accessed: 20.01.2025)

26. Martin Ph. 2014. Ondes cérébrales et contraintes de la structure prosodique [Brain waves and constraints of prosodic structure]. *Synergies Europe,* no. 9, pp. 161–176. (In French)

27. Martin Ph. 2013. La structure prosodique opère-t-elle avant ou après la syntaxe ? [Does prosodic structure operate before or after syntax?]. *TIPA. Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage* [En línea], no. 29. URL : http://journals.openedition.org/tipa/943 ; DOI : 10.4000/tipa.943 (consulté le 20.01.2025). (In French)

28. Peytard J. 1981. Pour une typologie des messages oraux [For a typology of oral messages]. *La grammaire du français parlé*, Paris: Hachette, pp. 161–176. (In French)

29. Poeppel D. 2003. The analysis of speech in different temporal integration windows: cerebral lateralization as 'asymmetric sampling in time'. *Speech Communication,* 41: 1, pp. 245–255. URL: https://doi.org/10.1016/S0167-6393(02)00107-3 (accessed: 20.01.2025).

Статья поступила в редакцию 16.02.2025;
одобрена после рецензирования 20.03.2025;
принята к публикации 22.03.2025.

The article was submitted 16.02.2025;
approved after reviewing 20.03.2025;
accepted for publication 22.03.2025.

Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 59–72
Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal, 2025, vol. 28, no. 2, pp. 59–72

Н.В. Бунтман, А.Ю. Егорова

ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ КАТЕГОРИИ БЕЗЛИЧНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; nabunt@hotmail.com

Московский государственный лингвистический университет; Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН, Москва, Россия; anna.yu.egorova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам анализа и классификации средств выражения категории безличности во французском языке. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, неполнотой научной картины в этой области, а с другой стороны, масштабностью и синтетическим характером исследуемого материала. В статье описаны сложности, возникающие при определении понятия «безличный» *(impersonnel)* и смежных с ним терминов. Эти сложности вызваны существованием большого числа словосочетаний с лексемой *impersonnel* и пересечениями, которые возникают при их толковании. В работе также изложены принципы классификации средств выражения категории безличности: для этого представлены подходы некоторых французских грамматистов, обозначены их общие черты и различия. С указанными вопросами связана проблема определения уровня языка для анализа средств выражения категории безличности. В работе были использованы общенаучные методы анализа, сравнения, обобщения, а также анализ словарных дефиниций терминов, колексемный и контекстуальный анализ. Таким образом, обозначенные затруднения дают основание для дальнейшей типологизации средств выражения категории безличности во французском языке с применением альтернативных подходов, одним из которых может стать грамматика конструкций.

Ключевые слова: категория безличности, классификация, безличный глагол, безличная конструкция, французский язык

Бунтман Надежда Валентиновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка для факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; nabunt@hotmail.com

Егорова Анна Юрьевна — старший преподаватель факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета; научный сотрудник Института проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук; anna.yu.egorova@yandex.ru

© Бунтман Н.В., Егорова А.Ю., 2025

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-4

Для цитирования: Бунтман Н.В., Егорова А.Ю. Проблемы описания категории безличности во французском языке // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 59–72. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-4

Введение

Категория безличности вызывала и продолжает вызывать интерес лингвистического сообщества. Эта тематика представлена во многих работах по общей лингвистике и по грамматике французского языка, таких как [Илия, 1964; Корди, 1994; Басманова, Тарасова, 1998; Гак, 2000; Brunot, 1922; Brunot, Bruneau, 1946; Bally, 1965; Benveniste, 1966; Grevisse, 1993; Arrivé, Chevalier, 1970; Delatour et al., 2004], а также в исследованиях, посвященных русскому языку [Шахматов, 1941; Пешковский, 1956; Потебня, 1968; Петров, 2007; Березина, 2010].

Тем не менее, в отношении категории безличности остается немало дискуссионных вопросов. Прежде всего, как подчеркивает О.А. Березина, трудно дать определение терминам «безличный» и «безличность», а также выбрать языковые уровни для описания этого явления: «в лингвистической литературе до сих пор нет определенности в отношении самого термина «безличность», репертуара его разноуровневых характеристик и номенклатуры отражающих это понятие языковых явлений, соотношения формального и понятийного уровней при описании данного явления […] и безличных конструкций» [Березина, 2010: 41]. Что касается французской лингвистики, то там существует специфическая проблема классификации средств выражения категории безличности ввиду их разнородности, а вследствие этого и сложности определения единого основания для их систематизации.

Цель статьи заключается в описании проблем, возникающих при анализе и классификации средств выражения категории безличности во французском языке, а также их причин и возможных путей к преодолению этих сложностей. Для реализации цели поставлены следующие задачи: 1) выявить трудности определения понятия «безличный» *(impersonnel)*; 2) изложить основные подходы к классификации средств выражения категории безличности во французском языке, сформулировать их сильные и слабые стороны; 3) описать проблему выбора уровня анализа средств выражения категории безличности.

Актуальность всестороннего исследования безличности обусловлена, с одной стороны, неполнотой, избирательностью научной картины в этой области, а с другой стороны, «фундаментальностью» и синтетическим характером самого исследуемого материала [Березина, 2010].

Объектом исследования являются научные тексты, посвященные описанию категории безличности во французском языке. Предметом исследования — средства выражения категории безличности.

Что касается методологической базы, при написании статьи были использованы общенаучные методы анализа, сравнения, обобщения, а также анализ словарных дефиниций терминов, колексемный и контекстуальный анализ.

Обозначим кратко и другие спорные вопросы, касающиеся безличных конструкций во французском языке, которые не могут быть изложены подробнее ввиду ограниченного объема статьи: природа местоимения *il*; взаимозаменяемость местоимений в функции субъекта безличной конструкции *il / ça / cela*; природа экспансии [см. подробнее в Brunot, 1922; Damourette, Pichon, 1968–1971; Grevisse, 1993; Гак, 2000].

Трудности определения понятия «безличный» *(impersonnel)*

Сложность дать определение понятию *impersonnel* заключается в многообразии его толкований и сочетаний с другими лексемами, а именно *forme impersonnelle, verbe impersonnel, construction impersonnelle, tour impersonnel, mode impersonnel, séquence impersonnelle*. Рассмотрим некоторые определения, представленные в словарях и грамматиках французского языка.

Словарь Littré [Littré, 1873] дает определение понятию *impersonnel* через определение термина «безличный глагол» (*verbe impersonnel*, называемый также *unipersonnel,* то есть употребляющийся только в одном лице), который определяется как «дефективный» глагол, используемый только в инфинитиве и в третьем лице единственного числа в разных глагольных временах. Его называют «дефективным», т.к. местоимение *il* не соотносится ни с каким конкретным субъектом речи.

В Trésor de la langue française informatisé (TLFi)[1] понятие *impersonnel* определяется как выражающее действие, не относящееся

[1] Trésor de la Langue Française informatisé. URL: http://atilf.atilf.fr/ (дата обращения: 24.01.2025).

к определенному субъекту. Затем следуют термины «безличный оборот» *(tour impersonnel),* «безличная конструкция» *(construction impersonnelle)*, «безличные формы» *(formes impersonnelles)* без уточнения семантических различий между ними, а также «безличный глагол» *(verbe impersonnel)*, определение которого схоже с определением из [Littré, 1873]. В этой же словарной статье есть упоминание о *modes impersonnels* (т.е. неличных формах глагола), к которым относятся infinitif, participe, gérondif.

В электронном словаре Le Robert[2] определение понятия *impersonnel* также происходит через определение термина «безличный глагол» *(verbe impersonnel)*. Затем дается дефиниция термина «безличная форма фразы» *(forme impersonnelle de la phrase):* для нее характерно подлежащее, выраженное местоимением третьего лица *il*, которое не может быть заменено на другое местоимение третьего лица (такие как *elle*, *on* или формы множественного числа *ils / elles*). К тому же, это местоимение *il* не обладает семантическим содержанием и не является референтным. Далее уточняется, что некоторые лингвисты предпочитают говорить о «фразе, упоминающейся только в одном лице» *(phrase unipersonnelle)*, чтобы избежать смешения с неличными формами глагола. Такой подход упоминается, в частности, в [Littré, 1873] и в [Riegel, Pellat, Rioul, 1994].

В Dictionnaire de linguistique [Dubois et al., 2001] понятие *impersonnel* трактуется через термин «безличная конструкция» *(construction impersonnelle)*, определяемый как фраза, в которой именная синтагма субъекта выражена нейтральным местоимением третьего лица, замещающим собой реальный субъект, который переносится в постпозицию относительно глагола.

Л.И. Илия использует термин «безличная форма глагола» *(forme impersonnelle)*, указывающий на отсутствие/устранение субъекта или его неотделимость от действия [Илия, 1964].

В [Brunot, 1922] также выделяется понятие «безличной секвенции» *(séquence impersonnelle)*, под которым понимается постглагольный элемент, имеющий форму местоимения, номинальной группы, дополнения или инфинитивной конструкции: *Il m'arrive un petit ennui / de fumer la pipe*. Секвенцию также называют экспансией или заглагольным членом [Гак, 2000].

Определения всех приведенных терминов (кроме, пожалуй, *mode impersonnel*, которое указывает на отдельный тип глаголь-

[2] Dico en ligne Le Robert. URL: https://dictionnaire.lerobert.com/fr/ (дата обращения: 24.01.2025).

ных форм) строятся вокруг упоминания нереферентного субъекта, выраженного местоимением *il*. Однако наличие большого числа терминов, в состав которых входит лексема *impersonnel,* а также присутствие перекрестных ссылок внутри их толкований усложняет задачу дать четкое определение понятию *impersonnel* во французском языке, возвращая этот вопрос в зону научной дискуссии.

В настоящей работе предлагается использовать термин «средства выражения категории безличности», который является своего рода гиперонимом ко всем вышеперечисленным сочетаниям.

Трудности классификации средств выражения категории безличности во французском языке

В грамматики французского языка неизменно входят главы, посвященные описанию и классификации средств выражения категории безличности. В данном разделе мы рассмотрим прежде всего Grande Grammaire [Abeillé, Godard, 2021], одну из наиболее современных французских грамматик, классификацию средств категории безличности которой мы сопоставим с другими нормирующими источниками, такими как Le bon usage [Grevisse, 1993] и Grammaire méthodique du français [Riegel, Pellat, Rioul, 1994]. Выбор двух последних работ обусловлен полнотой и детализацией представленных в них классификаций.

Таблица 1

Классификация средств выражения категории безличности во французском языке

Группа средств выражения категории безличности	Подгруппа	Глагол / глагольная форма	Примеры
Группа 1: глаголы с безличным субъектом	**1. Безличные глаголы**	Возвратные глаголы	Il s'agit ; il se peut
		Модальные глаголы	Il faut ; il semble
		Устойчивые выражения	Il y a Il est temps Il est question
	2. Глаголы, описывающие атмосферные и метеорологические явления	Однословный глагол	Il neige, il vente
		Сочетание глагола и прилагательного/ существительного	Il fait chaud Il fait soleil

Окончание таблицы 1

Группа средств выражения категории безличности	**Подгруппа**	**Глагол / глагольная форма**	**Примеры**
Группа 2: безличные конструкции глаголов, которые также могут иметь личные конструкции	**1. Конструкция с именной синтагмой**	Непереходные глаголы	Il arrive [des malheurs].
		Некоторые переходные глаголы	Il mange [plein de gens du quartier dans ce restaurant].
		Возвратные глаголы	Il se passe [ici de drôles de choses].
		Страдательные причастия *(participes passifs)*	Il a été vendu [100 000 exemplaires de cet ouvrage].
	2. Конструкция с инфинитивом или с дополнительным придаточным	Непереходные глаголы (или глаголы без прямого дополнения)	Il convient de [réserver à l'avance].
		Некоторые переходные глаголы (в случаях, когда они входят в состав устойчивого выражения или в состав конструкции с опорным глаголом *(verbe support)*	Il ne fait aucun doute [que Paul sera élu]. Il ne me pose aucun problème [de travailler un dimanche].
		Страдательные причастия непереходных глаголов	Il a été confirmé [que l'entreprise a fait faillite].
		Нейтральные и «полупассивные» глаголы *(verbes médio-passifs)*	À la suite des vols Apollo, il se confirme [que la densité de la Lune est faible]. Il s'ajoute à tout cela [que la pauvre a perdu son travail].

Следуя классификации, представленной в Grande Grammaire (табл. 1), все средства выражения категории безличности во французском языке можно поделить на две группы: глаголы с безличным субъектом *(verbes à sujet impersonnel)* и безличные конструкции глаголов, которые также могут иметь личные формы. Все они проиллюстрированы в табл. 1 по исходному источнику, ниже приведем несколько дополнительных примеров из французского параллель-

ного подкорпуса Национального корпуса русского языка[3] и корпуса Frantext[4].

В первую группу (глаголы с безличным субъектом) входят прежде всего собственно безличные глаголы, которые могут быть возвратными (пример 1), модальными (пример 2) или же могут входить в состав устойчивых выражений (пример 3). Глаголы с безличным субъектом формируют безличные предложения *(phrases impersonnelles)*.

(1) Il se pourrait que les deux meurtres islandais ne soient pas ceux qu'on croit (F. Vargas *Temps glaciaires*).

(2) Il semble qu'à Meudon le temps passe plus lentement (F. Beigbeder *99 francs*).

(3) — Ce n'est pas tout. Je crois qu'il est temps que vous sachiez (J. Dicker *La Vérité sur l'Affaire Harry Quebert*).

К первой группе средств выражения категории безличности авторы также относят глаголы, описывающие атмосферные и метеорологические явления. Они могут быть как однословными *(il pleut)*, так и являться сочетанием глагола *faire* с прилагательным или существительным *(il fait froid)*. Однословные глаголы могут в некоторых случаях иметь экспансию *(il pleut des cordes)*.

Ко второй группе средств выражения категории безличности относятся безличные конструкции глаголов, которые также могут иметь личные формы. В этой группе выделяются конструкции с именной синтагмой и конструкции с инфинитивом или дополнительным придаточным.

Как конструкции с именной синтагмой, так и конструкции с инфинитивом или с дополнительным придаточным могут включать в себя непереходные глаголы (пример 4), некоторые переходные глаголы, возвратные глаголы и страдательные причастия (пример 5).

(4) Il appartient aux participants de s'assurer qu'ils sont munis des documents de voyage appropriés, y compris, éventuellement, d'un visa *(Organisation des Nations Unies pour l'alimentation et l'agriculture)*.

(5) Puis, la correspondance ayant continué, il fut décidé qu'on m'enverrait passer les vacances chez eux, avec ma sœur qui jouerait là, comme pendant nos voyages dans l'île, son rôle de mère auprès de moi (P. Loti *Le Roman d'un enfant)*.

Дополнительно выделяются так называемые «полупассивные» *(verbes médiopassifs)* и нейтральные *(verbes neutres)* глаголы [см. под-

[3] Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 24.01.2025).

[4] Frantext. URL: https://www.frantext.fr/ (дата обращения: 24.01.2025).

Таблица 2

Сопоставление классификаций средств выражения категории безличности во французском языке

№	Le bon usage [Grevisse, 1993]	Grammaire méthodique [Riegel, Pellat, Rioul, 1994]	Grande Grammaire [Abeillé, Godard, 2021]
	Общие принципы		
1)	Деление средств выражения категории безличности на две группы (Группы 1 и 2)		
2)	В Группе 1 выделена подгруппа глаголов, обозначающих метеорологические и атмосферные явления (при этом состав подгрупп отличается)		
3)	В Группе 2 выделены пассивные и возвратные конструкции		
	Различия		
1)	Распределение средств выражения категории безличности между Группами 1 и 2		
	Группа 1: глаголы преимущественно безличные Группа 2: личные глаголы, функционирующие как безличные	Группа 1: безличные глаголы / безличные глагольные выражения Группа 2: личные глаголы, которые могут образовывать безличные конструкции	Группа 1: глаголы с безличным субъектом Группа 2: безличные глагольные конструкции
2)	Глаголы *faire* и *être* находятся в Группе 2, в отдельных подгруппах	Глаголы *faire* и *être* находятся в Группе 1, в отдельных подгруппах	Глагол *faire* находится в Группе 1 (подгруппа «глаголы, описывающие атмосферные и метеорологические явления»)
3)	Нет подгруппы «глагольные выражения, не поддающиеся анализу» *(locutions verbales inanalysables)*	В Группе 2 выделена подгруппа «глагольные выражения, не поддающиеся анализу» (например, *il est question de, il va de soi,* etc.)	Нет подгруппы «глагольные выражения, не поддающиеся анализу»
4)	Нет конструкций «*il est + выражения времени*»	В Группе 2 выделена подгруппа «*il est + выражения времени*» (например, *il est midi*)	Конструкции *il est temps de, il y a* находятся в подгруппе «устойчивые выражения» (Группа 1)
5)	Нет деления глагольных конструкций по типу экспансии	Нет деления глагольных конструкций по типу экспансии	В Группе 2 выделяются глагольные конструкции с именной синтагмой и с инфинитивом / придаточным предложением

робнее в Abeillé, Godard, 2021: 225], которые также могут образовывать безличные конструкции с инфинитивом или придаточным.

При сопоставлении классификаций (см. Табл. 2), представленных в Le bon usage [Grevisse, 1993], Grammaire méthodique du français [Riegel, Pellat, Rioul, 1994] и Grande Grammaire [Abeillé, Godard, 2021], можно сделать следующие наблюдения.

Все три классификации имеют точки пересечения. Прежде всего, в них выделяются две группы средств выражения категории безличности: безличные глаголы (или глаголы с безличным субъектом по Grande Grammaire) и безличные конструкции. Основные различия касаются распределения глаголов внутри этих групп. В частности, глаголы *faire* и *être* рассматриваются в Grammaire méthodique du français в Группе 1 «безличные глагольные выражения» (например, *il fait nuit* и *il est midi*). Le bon usage относит конструкции с этими глаголами к Группе 2. В Grande Grammaire глагол *faire* находится в Группе 1, а именно в перечне глаголов и сочетаний, описывающих атмосферные явления. Еще одно отличие заключается в том, что в классификации Grammaire méthodique du français выделяется подгруппа «глагольных выражений, не поддающихся анализу» *(locutions verbales inanalysables)*, название которой указывает на ограничения, возникающие при необходимости найти основание для классификации всего многообразия средств выражения категории безличности.

Представленные классификации не лишены противоречий. Во-первых, в классификациях переплетены грамматические (например, переходность, возвратность, пассивная форма) и семантические (например, описание погодных явлений) характеристики средств выражения категории безличности. Во-вторых, есть средства выражения категории безличности (например, *il y a*, а также конструкции с глаголами *être* и *faire*), которые в разных классификациях описываются по-разному. Наконец, не все средства выражения категории безличности могут быть приписаны к какой-либо группе ввиду отсутствия общих признаков (например, *locutions verbales inanalysables* в [Riegel, Pellat, Rioul, 1994]).

Проблема уровня анализа

С трудностями определения и классификации средств выражения категории безличности во французском языке связана и проблема определения языкового уровня для их анализа.

С одной стороны, некоторые средства выражения категории безличности рассматриваются на уровне слова, в частности, ког-

да речь идет о так называемых безличных глаголах, которые могут функционировать только в форме третьего лица (например, *s'agir*, *falloir*).

С другой стороны, некоторые другие средства выражения категории безличности предлагается анализировать на уровне синтагмы, как в случае с сочетаниями, обозначающими атмосферные явления *(il fait chaud)*, и с устойчивыми конструкциями *(il est temps de, il est question de)*.

Наконец, безличные конструкции (вторая группа средств выражения категории безличности по классификации [Abeillé, Godard, 2021]) рассматриваются на уровне предложения, т.к. при их анализе учитывается правый контекст (экспансия), а именно наличие именной синтагмы *(Il arrive des malheurs)* или инфинитива / дополнительного придаточного *(Il ne fait aucun doute que Paul sera élu)*.

Таким образом, разные средства выражения категории безличности функционируют на разных языковых уровнях, что еще раз подтверждает сложность определения единых оснований для их инвентаризации.

Заключение

В статье предпринята попытка описать проблемы, возникающие при анализе и классификации средств выражения категории безличности во французском языке.

Для этого были, прежде всего, перечислены трудности, возникающие при определении понятия *impersonnel*. Они обусловлены большим числом словосочетаний с этой лексемой и пересечениями, которые возникают при их толковании. Затем были изложены некоторые подходы к классификации средств выражения категории безличности, сформулированы их сильные и слабые стороны. Наконец, была обозначена смежная проблема определения языкового уровня для анализа средств выражения категории безличности.

Перечисленные сложности дают основания для продолжения изучения и типологизации этого языкового явления. В качестве перспектив исследования можно обозначить два направления. С одной стороны, представляется целесообразным обратиться к корпусным данным для дальнейшей инвентаризации средств выражения категории безличности и анализа их функционирования в контексте. Актуальными примерами подобного подхода являются работы [Даровских, 2024] и [Нуриев, Игнатова, 2024].

С другой стороны, исследовательский интерес может представлять гипотеза о том, что категорию безличности следует рассматри-

вать в рамках грамматики конструкций. Под конструкцией здесь понимается «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [цит. по: Рахилина, Кузнецова, 2010: 19]. При этом постулируется отрицание четкой границы между грамматикой и лексикой, т.е. словарем [Добровольский, 2016]. Такой подход мог бы как способствовать решению вопроса об уровне языка для анализа средств выражения категории безличности, так и избавить от необходимости выбирать между грамматическими и семантическими характеристиками в качестве основания для их типологизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Басманова А.Г., Тарасова А.Н.* Французская грамматика для всех. В 2 ч. Ч. 1. Части речи и их употребление. М.: Просвещение, 1998.
2. *Березина О.А.* К вопросу о языковой репрезентативности категории безличности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 4. С. 39–51.
3. *Гак В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000.
4. *Даровских Ю.А.* Переводческие стратегии, связанные с опущением глаголов при переводе с русского языка на французский // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 2. С. 164–173.
5. *Добровольский Д.О.* Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 7–21.
6. *Илия Л.И.* Грамматика французского языка. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Высшая школа, 1964.
7. *Корди Е.Е.* Безличные конструкции в современном французском языке (Синтактико-деривационный и типологический подход) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 115–128.
8. *Нуриев В.А., Игнатова С.Д.* Надкорпусная база данных как инструмент изучения пунктуации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 4. С. 147–158.
9. *Петров В.А.* Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка: монография. Архангельск: ПГУ. 2007.
10. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.
11. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968.
12. *Рахилина Е.В., Кузнецова Ю.Л.* Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // Рахилина Е.В. (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. С. 18–79.
13. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка, 2-е изд. Л., 1941.
14. *Abeillé A., Godard D.* (dir.). Grande Grammaire du Français. 2 volumes. Arles: Actes Sud; Paris: Imprimerie nationale éditions, 2021.
15. *Arrivé M., Chevalier J.-Cl.* La grammaire. Paris: Klincksieck, 1970.

16. *Bally Ch.* Linguistique générale et linguistique française, 4e édition. Berne: A. Francke, 1965.
17. *Benveniste E.* Problèmes de linguistique générale. Paris: Gallimard, 1966.
18. *Brunot F.* La pensée et la langue. Paris: Masson et Cie, 1922.
19. *Brunot F., Bruneau Ch.* Précis de grammaire historique de la langue française. Paris: Masson et Cie, 1946.
20. *Damourette J., Pichon E.* Des mots à la pensée. Essai de grammaire de la langue française. Paris: Editions d'Artrey, 1968–1971.
21. *Delatour Y. et al.* Nouvelle grammaire du Français. Paris: Hachette livre, 2004.
22. *Dubois J. et al.* Dictionnaire de linguistique. Paris: Larousse, 2001.
23. *Grevisse M.* Le bon usage: grammaire française. 13e édition, refondue par A. Goosse. Paris, Louvain-la-Neuve: Duculot, 1993.
24. *Littré E.* Dictionnaire de la langue française / par É. Littré. Vol. 1. Paris: Librairie Hachette, 1873.
25. *Riegel M., Pellat J.-Ch., Rioul R.* Grammaire méthodique du français. Paris: PUF, 1994.

Nadezhda V. Buntman, Anna Yu. Egorova

THE PROBLEMS OF DESCRIBING THE CATEGORY OF IMPERSONALITY IN THE FRENCH LANGUAGE

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; nabunt@hotmail.com
Moscow State Linguistic University; Federal Research Center «Computer Science and Control» of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; anna.yu.egorova@ya.ru

Abstract. The article concerns the problems of analyzing and classifying the means of expression for the category of impersonality in the French language. The relevance of the research is determined, on the one hand, by the incompleteness of the scientific picture in this area, and, on the other hand, by the scale and synthetic nature of the material under study. The difficulties of defining the concept of «impersonal» and related terms are described. These difficulties are caused by the existence of a large number of word combinations with the lexeme «impersonal» and the intersections that arise when interpreting them. The principles of classifying the means of expression for the category of impersonality are also outlined: for this purpose, the approaches of some French grammarians with their common features and differences are presented. Related to these issues is the problem of determining the language level to analyze the means of expression for the category of impersonality. The work used general scientific methods of analysis, comparison, generalization, as well as the analysis of dictionary definitions of terms, co-lexemic and contextual analysis. The indicated difficulties give grounds for attempts to further classifying the means of expression for the category of impersonality using alternative approaches, one of which could be the construction grammar.

Keywords: category of impersonality, classification, impersonal verb, impersonal construction, French language

For citation: Buntman N.V., Egorova A.Yu. (2025) The problems of describing the category of impersonality in the French language. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 2(28), pp. 59–72. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-4 (In Russ.)

About the authors:

Nadezhda V. Buntman — PhD in Philology, Associate Professor, Department of the French Language for the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; nabunt@hotmail.com

Anna Yu. Egorova — Senior Lecturer, Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University (MSLU); Research Fellow, Federal Research Center "Computer Science and Control" of the Russian Academy of Sciences; anna.yu.egorova@yandex.ru

REFERENCES

1. Basmanova A.G., Tarasova A.N. 1998. *Frantsuzskaya grammatika dlya vsekh* [Grammaire Français pour tous]. Vol. 1. Moscow, Prosveshchenie Publs. (In Russ.)

2. Berezina O.A. 2010. K voprosu o yazykovoi reprezentativnosti kategorii bezlichnosti [Upon the issue of the language representation of the impersonality category]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 4, pp. 39–51. (In Russ.)

3. Gak V.G. 2000. *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Theoretical grammar of the French language]. Moscow, Dobrosvet.

4. Darovskikh Yu.A. 2024. Perevodcheskie strategii, svyazannye s opushcheniem glagolov pri perevode s russkogo yazyka na frantsuzskii [Translation strategies related to the omission of verbs when translating from Russian into French]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 2, pp. 164–173. (In Russ.)

5. Dobrovol'skii D.O. 2016. Grammatika konstruktsii i frazeologiya [Construction grammar and phraseology]. *Linguistics and Language*, no. 3, pp. 7–21. (In Russ.)

6. Iliya L.I. 1964. *Grammatika frantsuzskogo yazyka* [Grammar of the French language]. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russ.)

7. Kordi E.E. 1994. Bezlichnye konstruktsii v sovremennom frantsuzskom yazyke (Sintaktiko-derivatsionnyi i tipologicheskii podkhod) [Impersonal constructions in contemporary French: Syntactic-derivational and typological approaches]. *Linguistics and Language*, no. 3, pp. 115–128. (In Russ.)

8. Nuriev V.A., Ignatova S.D. 2024. Nadkorpusnaya baza dannykh kak instrument izucheniya punktuatsii [Supracorpora database as a tool for studying punctuation]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 4, pp. 147–158. (In Russ.)

9. Petrov V.A. 2007. *Bezlichnost' kak semantiko-grammaticheskaya kategoriya russkogo yazyka: monografiya* [Impersonality as a semantic and grammatical category of the Russian language: monograph]. Arkhangel'sk, PSU. (In Russ.)

10. Peshkovskii A.M. 1956. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow. (In Russ.)

11. Potebnya A.A. 1968. *Iz zapisok po russkoi grammatike* [From the Notes on the Russian Grammar]. Vol. 3, Moscow. (In Russ.)

12. Rakhilina E.V., Kuznetsova Yu.L. 2010. Grammatika konstruktsii: teoriya, storonniki, blizkie idei [Construction Grammar: Theories, Advocates, Similar Ideas]. In Rakhilina E.V. (ed.). *Lingvistika konstruktsii.* Moscow, Azbukovnik, pp. 18–79. (In Russ.)

13. Shakhmatov A.A. 1941. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language]. Leningrad. (In Russ.)

14. Abeillé A., Godard D. (dir.). 2021. *Grande Grammaire du Français*. 2 volumes. Arles, Actes Sud; Paris, Imprimerie nationale éditions.

15. Arrivé M., Chevalier J.-Cl. 1970. *La grammaire*. Paris, Klincksieck.

16. Bally Ch. 1965. *Linguistique générale et linguistique française*, 4e édition. Berne, A. Francke.

17. Benveniste E. 1966. *Problèmes de linguistique générale*. Paris, Gallimard.

18. Brunot F. 1922. *La pensée et la langue.* Paris, Masson et Cie.

19. Brunot F., Bruneau Ch. 1946. *Précis de grammaire historique de la langue française*. Paris, Masson et Cie.

20. Damourette J., Pichon E. 1968–1971. *Des mots à la pensée. Essai de grammaire de la langue française*. Paris, Editions d'Artrey.

21. Delatour Y. et al. 2004. *Nouvelle grammaire du Français*. Paris, Hachette livre.

22. Dubois J. et al. 2001. *Dictionnaire de linguistique.* Paris, Larousse.

23. Grevisse M. 1993. *Le bon usage: grammaire française.* 13e édition, refondue par A. Goosse. Paris, Louvain-la-Neuve, Duculot.

24. Littré E. 1873. *Dictionnaire de la langue française*. Vol. 1. Paris, Librairie Hachette.

25. Riegel M., Pellat J.-Ch., Rioul R. 1994. *Grammaire méthodique du français.* Paris, PUF.

Статья поступила в редакцию 24.01.2025;
одобрена после рецензирования 11.03.2025;
принята к публикации 22.03.2025.

The article was submitted 24.01.2025;
approved after reviewing 11.03.2025;
accepted for publication 22.03.2025.

Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 73–90
Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal, 2025, vol. 28, no. 2, pp. 73–90

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Т.Ю. Загрязкина

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК В СТРАНАХ АФРИКИ: ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНКОФОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX — НАЧАЛА XXI В.)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; tatiana_zagr@mail.ru

Аннотация. Интерес к африканской проблематике объясняется не только политическими и экономическими причинами выдвижения «большого Юга», но и научной необходимостью систематизировать принципы изучения французского языка, используемого в странах Африки как «резерва» франкофонии. Целью статьи является рассмотрение подходов, выработанных франкоязычными авторами второй половины XX — начала XXI в. С учетом концепций П. Вальда, К. Бланш-Бенвенист, Б.А. Бутен, Ф. Гаде, А. Ланли, Г. Манесси, Р. Шоденсона, Ж. Сеги и др. устанавливается переход от точечных исследований к изучению больших пространств, с учетом тенденций развития ненормированной французской речи, взаимодействия экзогенной нормы и франко-африканских эндогенных норм. Рассматриваются подходы к классификации французского языка Африки, в том числе переход от трехчленной модели базилект — мезолект — акрилект к критериям, основанным на изучении имиджа, функций, места и способа присвоения французского языка. Анализируется развитие узусов французского языка: официального (международная сфера, школа); локального (сельская местность и небольшие города); межэтнического общения (крупные города, мегаполисы). Прослеживается динамика изучения функциональной системы языка и степени его варьирования; взаимодействия локальных и общеафриканских особенностей французского языка; усиления роли мегаполисов в развитии гибридных и метиссированных форм, содержащих элементы игры. Делается акцент на нестабильности и ситуативной обусловленности

Загрязкина Татьяна Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; tatiana_zagr@mail.ru

© Загрязкина Т.Ю., 2025

варьирования, основанной на категоризации собеседника, речевого акта, коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: франкофония, французский язык в странах Африки, языковое варьирование, норма, узус, ненормированные формы речи, гибридизация и метиссация форм, категоризация ситуации и собеседника, языковая игра

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-5

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Загрязкина Т.Ю. Французский язык в странах Африки: принципы изучения (на материале франкофонных исследований второй половины XX — начала XXI века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 73–90. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-5

Африка представляют широкое поле для романских исследований как один из наиболее важных сегментов франкофонии — наднациональной лингвистической и социокультурной общности, ассоциированной с использованием, распространением и поддержкой французского языка. Позиции французского языка на континенте изменялись: ослабление французского влияния в некоторых странах, в том числе в сферах языковой политики и школьного образования (60–70-е гг. XX в.) — возвращение французского языка в эти и другие сферы в 80–90 гг. XX в. — выход ряда стран из-под французского влияния в 20-е годы XXI в. Несмотря на все изменения, ареал по-прежнему сохраняет свое значение как опора и «резерв» франкофонии: «Будущее французского языка разыгрывается в Африке, в которой находится самый большой на настоящий момент франкофонный город мира — Киншаса, с 17 млн жителей, Демократическая республика Конго» (2003 г.)[1].

Языковая карта континента напоминает Вавилонскую башню языков, отличающихся генетически и типологически и находящихся на пересечении разных влияний — субстратных, адстратных и суперстратных. Разнообразие франко-африканских «красок» и «оттенков» имеет историческое, социокультурное и лингвистическое обоснование. Мозаичность континента с его палитрой языков

[1] Le français va très bien, merci // Collection Tracts, № 49/Dir. de Gallimard A. Paris : Gallimard, 2003. P. 12. https://books.google.ru/books?id=ojQM0AEACAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 01.02.2025).

и диалектов в колониальный период дополнилась и видоизменилась под влиянием нескольких европейских языков, среди которых французский. Африканские страны, принявшие французский язык, были колонизированы относительно недавно и не одновременно (конец XIX — начало XX в.). В отличие от Северной Америки, в Африку проникли не диалектные формы французского языка более раннего периода, а язык, обладавший авторитетной национальной нормой и широкой референтной базой в самой Франции. Большую роль в «сакрализации» нормы сыграло введение всеобщего обязательно начального образования (1881 г.) и маргинализация региональных языков и говоров Франции. Эти факторы повлияли на особенности дальнейшего развития французского языка и формирование его имиджа внутри страны и за ее пределами. Присвоение (appropriation) французского языка в странах Африки было непростым процессом, ср. коннотации: «импортировать» (importer), «прививать» (enter) [Манесси, 1994: 19], «навязывать» [Багана, 2016 : 56] Присвоенный язык имел неоднородную внутреннюю структуру (норма — разговорные и другие варианты) и накладывался на «живой культурный слой», что «придало ему большую оригинальность» [Манесси: ibidem].

Этот процесс не останавливается и в наше время. Французский язык в Африке привлекал внимание многих исследователей, рассматривающих его развитие со своих позиций, в том числе противоположных [Chaudenson, 1989: 11]. В разные периоды к этой теме обращались отечественные исследователи Ж. Багана, В.М. Дебов, И.Г. Скуратов, В.Т. Клоков, А.С. Кондратьева, А.И. Чередниченко и другие; тема рассматривалась и на страницах нашего журнала [Загрязкина, 2018; Невежина, 2018]. Данная проблематика активно разрабатывается в зарубежной научной литературе, в том числе франкофонной. В данной статье мы рассмотрим подходы, выработанные франкоязычными авторами второй половины XX в. — начала XXI в. (П. Вальд, Кл. Бланш-Бенвенист, Б.А. Бутен, Ф. Гаде, А. Ланли, Г. Манесси, Ж. Сеги, Р. Шоденсон и др.). В этот ряд мы поставим и Л.С. Сенгора — общественного деятеля, философа и поэта.

Французский язык за пределами Франции (первые результаты)

Систематическое изучение варьирования французского языка за пределами Франции началось в 60-е гг. XX в., и оно началось с африканского континента: в 1962 г. вышла работа А. Ланли, посвященная французскому языку Северной Африки [Lanly, 1962]. Через

11 лет появилось собрание лексических бельгицизмов [Piron, 1973], позднее стали выходить и другие работы [Doppagne, 1978; др.].

Исследование А. Ланли стало новаторским. Не ограничиваясь сферой лексики и выявлением арабских, турецких и др. заимствований, он обратил внимание на «отклонения» грамматического характера в сфере артикля, глагольного управления, местоимений, употребления времен и наклонений; синтаксиса: *prenez un peu **la** patience*; *Tu vas me photografier hier **à** moi*; обобщение прямого дополнения *que* и вытеснение им *dont, auquel, par lequel (Un enfant **que** je connais son frère)*; употребление форм Conditionnel после *si* (Si ça **serait** grave...), отсутствие инверсии в вопросе (*Quand on part* ?), вытеснение конъюнктива индикативом, сжатие синтаксических конструкций (*Lui mon fils non [il ne l'était pas]*) [Lanly, 1962: 213, 223, 228, 231, 247, 257] и другие явления, которые автор трактует как «упрощения»: «Африка совершенно утратила *ne* как в отрицательных, так и в ограничительных конструкциях [Op. cit: 255]. Ученик Ш. Брюно, Ланли давал этим явлениям свою интерпретацию, желая показать читателям, в первую очередь лингвистам, что речь идет не об арго или жаргоне, а об особом — «провинциальном и колониальном» французском языке, не о «региональных "ошибках", а о французском просторечии, используемом в Африке, как формирующемся нестабильном идиоме, сопоставимым с «народным языком Галлии после нашествия германцев» [Op. cit: 4–5]. За региональными формами Ланли видел явления французской разговорной речи и даже показывал свою работу Ж. Гугенейму. Наконец, в использовании африканцами французских форм он отметил элемент языковой игры: «Говорящие "играют" с тем, что они получили» [Op. cit: 308]. Ланли полагал, что его работу можно использовать как предостережение от «региональных "ошибок"», подобно аналогичным изданиям конца XVIII — начала XIX в., направленным на искоренение провинциализмов Юга Франции [Op. cit: 6].

И все же многие наблюдения Ланли предвосхитили дальнейшее изучение особенностей французского языка в странах франкофонии. А в первую очередь это касается взаимосвязи локальных — разговорных и/или просторечных форм.

Локализации регионализмов в контексте изучения разговорной речи

За десять лет до выхода книги Ланли эту проблему поднял Жюль Сеги, изучая варьирование внутри Франции. В работе 1950 г. Ж. Сеги почеркнул необходимость разграничения общефранцуз-

ских разговорных форм; разговорного языка Парижа; особенностей речи других городов Франции; французского языка обширных ареалов [Séguy, 1950]. Как лингвогеограф (исследователь гасконских говоров), Сеги предложил перейти от «точечного» изучения пространственных особенностей к изучению общих и локальных черт разговорного французского языка, преимущественно городского, при условии их картографирования. Эта задача в нужном объеме так и не была выполнена. Однако через 30 лет, в рамках создания Лингвистического и этнографического Атласа острова Реюньон, были локализованы реюньонские особенности, пусть и креолизированные [Carayol M., Chaudenson R. et al., 1984–1996].

Проблема локализации французской разговорной речи (le français parlé) остается актуальной и в наше время, что подчеркивает К. Бланш-Бенвенист в работе 2010 г.: «Не основываясь ни на каких анкетах, особенности называют регионализмами и объясняют влиянием соседнего языка или диалекта. Например, выражение *parce que tu nous aimes **à** nous!* О каком регионе идет речь, если это явление отмечается повсеместно? На западе, востоке, юге Франции и даже в речи известных парижан» [Blanche-Benveniste, 2010: 47]. Опираясь на обширный корпус, содержащий образцы разговорной речи разных жанров, она провела свою классификацию «ошибок» — отклонений от нормативных форм. «Отклонения» составляют три группы: 1) «ошибки», которые уже не ошибки в силу повсеместной распространенности, независимо от географической локализации и статуса говорящего (опущение *ne* в отрицательных конструкциях — 95% случаев; использование вопросительной конструкции *est-ce que* вместо инверсии; широкое распространение *on* вместо *nous* и др.); 2) «ошибки» — социальные маркеры, от которых детей предостерегают в детстве (вытеснение конъюнктива индикативом, употребление вспомогательного глагола *avoir* вместо *être* в сложных временах; использование местоимения *que* вместо других относительных местоимений); 3) регионализмы, которые, по мнению представителей других регионов, являются «ошибками» на фоне парижского узуса (употребление интенсификаторов *beaucoup, tant, autant* с прилагательными; использование слитного артикля с предлогом *de* после квантификаторов (*beaucoup des …* вместо *beaucoup de…*) и др. Эти особенности оказываются древнее, чем можно было предположить — многие, если не основные, «отклонения» старше нормы и весьма устойчивы: «во многих случаях изменились не языковые факты, а нормативный взгляд на них» [Ibidem: 48–50; 55].

Локализация регионализмов не входила в задачу Бланш-Бенвенист, при этом в ее классификации регионализмы составляют только часть особенностей французской разговорной речи (группа 3). Особенности 1 и 2 группы, фиксируемые другими авторами как региональные, таковыми не являются. Это проявления ненормированной французской речи и свидетельства типологической общности всех ее вариантов, независимо от их статуса и локализации.

Вопрос о стилистической стратификации разговорного французского языка (le français parlé) также является дискуссионным. С одной стороны, особенности группы 2, выделенной К. Бланш-Бенвенист, имеют сниженную окраску, но они не являются показателем социального статуса говорящих в полной мере. В определенных жанрах и ситуациях (беседа наедине, неподготовленная публичная речь и др.) они могут использоваться людьми высокого социального положения и уровня образования как знак доверительности, взаимопонимания, разговора по душам, среди «своих». Полемизируя с гипотезой А. Фрея о том, что в перспективе развития языка «побеждают ошибки», К. Бланш-Бенвенист приводит противоположный пример: отступление региональных разновидностей (parlers régionaux) под влиянием нормы, распространявшейся через школу; влияние орфографии на произношение; переход части административной фразеологии в повседневную речь и т.д. [Blanche-Benveniste, 2010: 36, 65].

К. Бланш-Бенвенист «реабилитировала» французскую разговорную речь и показала, что это не результат деградации письменных форм, а особая форма французского языка, реализации которой негомогенны и ситуативно обусловлены [Blanche-Benveniste, 2023].

Стилистическая дифференциация разговорных форм французского языка имеет и другие подводные камни. По мнению Ф. Гаде, разграничение собственно разговорного и просторечного французского языка (le français familier — le français populaire) затруднено: их особенности совпадают, только в просторечии они более частотны. Иными словами, термин *просторечный французский* (le français populaire) «скорее обозначает не лингвистическую реальность, а социальное представление (язык простых людей воспринимается как просторечие)». Остается также непонятным, что такое «[простой] народ», о котором идет речь [Gadet, 2003: 116], ср. peuple, populaire < от populu-, ‘народ’. Ф. Гаде подчеркивает хрупкость нормы, разнообразие и динамизм новых языковых практик, идентичностей, коммуникативных ситуаций и соответствующих им форм речи [Gadet, 2024].

Классификации особенностей французского языка в странах Африки

Вопросы развития ненормированных — разговорных и/или просторечных форм касаются и изучения французского языка Африки. По мнению Г. Манесси, основная трудность заключается в том, что «Африка представляется континуумом с двумя полюсами, один из которых очень чистый язык … писателей или интеллектуалов, а второй часто теряется в неопределенной зоне, в которой трудно отделить то, что является приблизительным воплощением французских структур, от того, что возникает из субстратных языков» [цит. по: Boutin, 2012: 33–34]. Существует несколько подходов к изучению этой «неопределенной зоны» [zone indécise].

Один подход основан на триаде *basilecte — mésolecte — acrolecte*, предложенной в 60–70-е гг. как критерий разграничения афроамериканских и креольских вариантов и основанной на сопоставлении уровней грамотности, или владения нормативным языком. Принято считать *базилектом* рудиментарный язык неграмотного населения; *мезолектом* — язык грамотного населения с долей местных особенностей, *акролектом* — язык элиты. Между тем оказывается, что крайние полюса — базилект и акролект — содержат ограниченное количество форм, в то время как большая их часть находится в серединной зоне — мезолекте и не может быть охарактеризована в рамках трехуровневой классификации. В настоящее время эта модель еще применяется [Naffati, Queffélec, 2004: 76–80], но все чаще оказывается невостребованной: в ее рамках невозможно объяснить разнообразие африканских вариантов, кроме случаев, когда речь идет об этапах овладения «стандартным» французским с целью достижения академической карьеры [Boutin, 2012: 36–35].

Иной подход в изучении темы был предложен в 80–90-е гг. XX в. Габриэлем Манесси и Полем Вальдом; в начале XXI в. он был развит, в частности, Беатрис Акисси Бутен, на примере стран к югу от Сахары («Черной» Африки). По мнению Г. Манесси, во французском языке Африки есть «нечто иное, чем экзотический вариант “центрально-французского”». «Иное» заключается во взаимодействии (компромиссе) внутренних и внешних факторов: с одной стороны, тенденции развития французского языка, проявляющиеся в разговорных и просторечных формах, с другой — авторитет и «консервативные», «пуристские» действия школы [Manessy, 1994: 12].

Основой этой классификации становятся место и способ освоения французского языка, формирующие разные узусы: официальный/«литургический» (liturgique) узус, формирующийся

опосредованно (через школу) и неофициальный/«профанный» (profane) узус, складывающийся при непосредственной коммуникации: локальный/«одомашненный» (vernaculaire); межэтнического общения / «транспортный» (véhiculaire[2]). В поляризации узусов просматривается аналогия с языком африканских обрядов инициации, с одной стороны, и повседневной жизни — с другой.

Для многих африканцев французский является условием приобщения к цивилизации, но не универсальной, по Сенгору (civilisation universelle) [Senghor, 1988], а «вестернизированной» (univers occidentalisé), по Манесси. Формируется образ французского как языка успеха, рационального, логически организованного и высокоинтеллектуального. Это «истинный» язык [la vraie langue], или архетип языка, отклонения от которого воспринимаются как унизительные ошибки и проявления невежества. Такое видение имеет родовые черты, отражающие организацию африканского общества колониального периода, когда на французском говорили представители администрации и «деловых кругов», на африканских языках — представители местного населения. Первые и вторые не перемешивались. «Литургический» образ включает также референции, ассоциированные со школой: путь к знанию; литературный язык, созданный великими писателями; заключенный в «формулы» грамматистами; постигаемый непрямым методом (acquisition indirecte) — с помощью справочников и словарей [Manessy, 1994: 12–13].

Формализованная разновидность французского языка, тяготевшая к литературно-письменной норме, была воспринята местными элитами. Она характеризуется некоторой статичностью, сужением функциональной сферы и редукцией ресурсов до стереотипных формул. Это абстрактная модель, стремящаяся к наиболее точному соответствию норме (пусть и не всегда реализуемой), к использованию редких грамматических конструкций и лексических средств, подтверждающих компетенцию говорящего (и пишущего). До сих пор официальное сообщение на французском языке, независимо от содержания, имеет более высокий статус, чем сообщение на аф-

---

[2] **Vernaculaire** — свойственный какой-либо области и ее жителям. Синонимы: автохтонный, домашний, коренной. От лат. *vernaculus* (по отношению к рабам, рожденным в доме хозяина). Коммунитарный язык, на котором говорят в рамках сообщества.

Véhiculaire — имеющий отношение к транспортному средству. Только в лингвистике: *Langue véhiculaire.* Язык, который позволяет осуществить коммуникацию между народами и этносами, говорящими на разных языках. [Trésor de la langue française informatisé.] URL: http://stella.atilf.fr/Dendien/scripts/tlfiv5/advanced.exe?8;s=3325657725 (Дата обращения: 09.02.2025).

риканском языке. Г. Манесси напоминает, что некоторые политики свой текст произносят дважды: один раз на африканском языке, чтобы быть понятым большинством населения, другой — на французском, чтобы придать тексту «истинную ценность» и «легитимность» [Manessy, 1994: 14]. Этот способ, в частости, использовал Л.-С. Сенгор, но объяснял его по-иному. Он видел в африканском тексте ритм, чувство и переживание, во французском — «дух метода и организации», который также воспринимается (или должен восприниматься) африканцами [Senghor, 1988: 20–22; 122 и др.].

Между тем на другом полюсе, в прямом, непосредственном общении, исподволь и незаметно сформировалась новая, разнообразная и изменчивая языковая реальность, другой, «профанный» узус французского языка, в первую очередь, устный. Именно здесь рождаются яркие, причудливые формы, развиваются процессы локализации, происходит «одомашнивание» французского языка (vernacularisation; le français vernaculaire), его адаптация в местном контексте при развитии признаков, свойственных разговорной речи [Manessy, 1994: 14–15]. Это ответ на коммуникативные потребности местных сообществ, направленные не вверх, к «архетипу», а внутрь коллективов — сельских поселений и небольших городов, использующих «домашний» вариант французской речи, узнаваемый и признаваемый его носителями. Место и форма освоения/приобретения «профанного» французского отличаются от условий присвоения «литургической» модели: это прямая непосредственная коммуникация на улице, в магазине и все чаще в семье.

Взаимодействие узусов французского языка в Африке

Автономизация местных французских форм подтверждается, в частности, появлением словарей и собраний сенегальской, малийской, ивуарийской, руандийский, конголезской французской лексики. В них фиксируются уже не «ошибки», которые требуется искоренить, а местные формы, свободные от диктата нормы, воспринимаемой как внешняя (экзогенная). Становится ясно, что «сенегальский французский не совпадает ни с французским Конго, ни с французским Берега Слоновой Кости, будь то фонетический, лексический, дискурсивный уровень или использование интонационных, экспрессивных … ресурсов». Это свидетельство специфичности идиом, развития самосознания говорящих и укрепления местных, эндогенных, норм. Претензия на аутентичность сопровождается неприязненным отношением к языковым явлениям, которые слишком явно имитируют парижский узус: произно-

шение, словарь, коммуникативные стратегии [Manessy, 1994: 15]. Одним из ярких примеров отказа от экзогенной нормы является отсутствие среднеязычного фрикативного («картавого») [ʁ]/[Σ] — «визитной карточки» нормативной французской речи, делающий ее узнаваемой для самой широкой публики. Как свидетельствуют аудиозаписи, в речи африканцев этот звук регулярно вытесняется переднеязычным дрожащим («раскатистым») звуком [r][3].

Кроме движения вверх («литургический» французский) и движения внутрь («профанный» — локальный, «одомашненный» французский), обозначается еще один вектор развития французского языка, тоже «профанного» — в сторону, за пределы местного сообщества. Этот «транспортный» вектор, или вектор межэтнического и межрегионального общения (le français véhiculaire), отвечающий потребностям больших городских коллективов, вовлеченных в информационные потоки. Межрегиональный узус формируется в полиязычной среде (в одной стране или группе стран), на пересечении нескольких языков и культур, как а) единственное средство межэтнического общения в гетерогенном коллективе или как б) дополнительное средство, используемое наряду с другими межэтническими языками (*wolof* в Сенегале, *moore* и *dioula* в Буркина Фасо, *sango* в ЦАР и др.) [Manessy, 1994: 15]. В условиях многоязычия процессы варьирования, метиссации и гибридизации форм усиливаются.

Динамизм этих процессов раскрывают П. Вальд и Б.А. Бутен: степень варьирования французского языка прямо зависит от распределения «транспортных» функций между французским и африканскими языками. Если при межэтническом общении эти языки конкурируют (ЦАР, Камерун), «транспортный» (межэтнический) узус французского языка затухает и процессы варьирования не развиваются. Если же французский является единственным межэтническим языком в регионе, то его функции развиваются и процессы варьирования активизируются как в межрегиональном, так и в местном контексте. Как локальный, «одомашненный» вариант, он начинает использоваться не только на улице, но также в семье и других сферах, где ранее использовался африканский язык [Wald, 1992; Boutin, 2012: 34]. Если применить к этой ситуации терминологию

[3] Les variétés du français parlé dans l'espace francophone. Ressources pour l'enseignement. Editions Ophys, 2010. Dir de Detey S., Durand J. et al. Conversation à Abidjan (Côte d'Ivoire) : des études mouvementées dans les années soixante (5') (Boutin); Chapitre 4. Conversation à Ouagadougou (Burkina Faso): parenté à plaisanterie entre Gurma et Yatenga (5'47) (Prignitz & Boutin) // URL: https://www.projet-pfc.net/dvdophrys/a6.html (дата обращения 09.02.2025).

Ж. Летурно, использованную по отношению к франкоканадскому, то африканские варианты французского языка можно считать местом постоянного движения, или *местом перехода* (*lieu de passage*) [Létourneau, 2010].

Тенденции развития французского языка Африки

Наряду со специфическими чертами, свойственными локальным разновидностям французского языка, выделяется группа особенностей — грамматических, семантических, дискурсивных, которые проявляются у франко-африканцев независимо от страны, региона или родного языка говорящего. По М. Манесси, они являются «языковым выражением африканской цивилизации», общими для всей африканской зоны, включающей типологически несовместимые структуры. Например, при выражении интенсификации признака африканцы (по крайней мере, жители некоторых стран к Югу от Сахары) используют противопоставление «двух опор» (deux supports), из которых первая является эталоном. Именно этим объясняется, в частности, особенность конструкции сравнительной степени прилагательных без использования наречий *moins* или *plus*, принятых в нормативном языке. Данные форманты оказываются избыточными, так как в любом случае признак первого компонента будет интенсивнее, чем признак второго: *il est grand que moi* обозначает и *il est plus grand que moi*, и *je suis moins grand que lui*. Есть и особенности дискурсивного характера: например, активное использование паремий [Manessy, 1994: 16–17]. С одной стороны, это свидетельство образности речи африканцев, с другой — отсылка к общему знанию, архетипической ситуации, как сильный аргумент в ситуации беседы или обсуждения. Некоторые формы имеют более привычный облик грамматических ошибок, которые, однако, нельзя отнести только лишь к недостаточному владению французским языком. Так, избыточное использование африканцами глагола *dire* и союза *que* Манесси объясняет тем, что в африканских языках глаголы могут обозначат действие, мысль и слово. Например, конструкция *il a refusé* ***qu****'il va pas m'épouser* используется вместо конструкции *a dit qu'il va pas m'épouser* и *il a refusé de m'épouser* [Ibidem: 18]. Таким образом, тенденция к избыточному использованию *que* как относительного местоимения, свойственная ненормированной французской речи в целом, сочетается с тенденцией к избыточному употреблению *que* как союза в африканском контексте.

Частотность проявлений франко-африканских особенностей не означает их абсолютного характера. Напротив, П. Вальд подчер-

кивает динамизм варьирования афро-французских форм, проявляющегося в действии (in actu): в конкретной ситуации, с использованием конкретных стратегий, приводящих к новым результатам. Выбор языковых средств, по Вальду, зависит от многих факторов, в том числе ролевой организация общества, категоризация «другого», себя самого, речевого акта, коммуникативной ситуации [Wald, 1992]. Экспериментальный анализ, проведенный Б.А. Бутен в 10-е гг. XXI в., подтвердил возможность категоризации «другого» по особенностям его речи, пусть и относительную. Информанты (представители Западной Африки) в целом смогли идентифицировать собеседников по их речи, определив уровень образования (33% верных ответа), страну происхождения (Сенегал, Мали, Республика Кот-д'Ивуар, Буркина Фасо) — 63%; этническую принадлежность — 51% (wolof, bambara, sénoufo, mossi, akan). Процент верных ответов оказался разным (наименьший — по уровню образования), при этом Б.А. Бутен утверждает, что эксперимент подтвердил значимость академической нормы при оценке варьирования [Boutin, 2012: 35–37].

Представление о французской норме как наиболее грамматикализованной, формализованной по сравнению с другими языками, входит в коллективные представления африканцев, однако европейская грамматическая традиция, связанная с письменным языком, наследуется лишь частично, и экзогенная норма остается факультативной, а иногда является и инструментом игры. Развивая эту мысль, Б.А. Бутен делает два уточнения. Первое касается отказа от понятия *просторечие* (français populaire**s**) применительно к французскому языку Африки. То, что лингвист «со стороны» (linguiste extérieur) сочтет африканским просторечьем, на самом деле является формой *обработанного* французского языка (une forme de langue française *soignée*, выделено Бутен). Обработка языка происходит в соответствии с ситуацией и не является способом самокатегоризации по уровню образования и социальному положению. Гибкие эндогенные нормы позволяют воспроизводить и воспринимать каждое высказывание в особом контексте [Boutin, 2012: 39; Boutin, 2010: 242], что повышает степень варьирования языка.

Местные нормы, отдаляющиеся от общефранцузской в формальном (внутриструктурном) плане, все же не имеют полной свободы с социолингвистической точки зрения. Другое экспериментальное исследование, также проведенное Б.А. Бутен, свидетельствует о престиже экзогенной нормы даже вне привычного поля — официального языка администрации и сферы школьного

образования. Так, информанты — работники автовокзала в Абиджане (столица республики Кот-д'Ивуар) — прибегают к языку *dioula* в повседневной профессиональной деятельности (поиск пассажиров, обслуживание грузовиков и др.), однако на рабочих совещаниях используют французский язык. Речь говорящих, в основном отклоняющаяся от нормативной, содержит и кодифицированные формы, подтверждающие использование французского языка в «высокой» функции официального общения: *entre nous hein même si vous n'êtes pas le chauffeur mais quand même* ***vous voyez comment le travail doit être effectué*** (нормативные формы выделены Б.А. Бутен) [Boutin, 2012: 39–40].

Второе замечание касается активного развития метиссированных языков, формирующихся в молодежной среде больших городов сначала как арго (музыкальная культура, рэп). Впоследствии эти формы получают широкое распространение: *le nouchi* (республика Кот-д'Ивуар); *le camfranglais* (ЦАР). Пример из nouchi: le **dabali** ... ça ment pas (разговорная французская конструкция с ça; опущение ne; заимствования из языка dioula: dabali — еда; daba — есть, li — суффикс существительного). Пример из camfranglais: tu vas **go** la bas faire quoi? les vendredis nous on **gouait** au Dakélé tout le temps (разговорный синтаксис: опущение инверсии; обобщение on; заимствование из английского **go**, гибридная форма **go** с французским окончанием Imparfait **gouait**). Речь идет не о креолизации языка, так как основа остается французской, а о формировании гибридных форм, употребление которых говорящие могут объяснить. Б.А. Бутен полагает, что они обладают нюансированным языковым сознанием (conscience linguistique fine), особой компетенцией, выходящей за пределы владения каждым отдельным языком. Таким образом, формируются новые разновидности французского языка — городские метиссированные «языки» (*langues métisses urbaines*), имеющие в том числе игровой характер. Бутен подчеркивает желание говорящих противопоставить этот вариант экзогенной и даже эндогенной нормам, иногда высмеять их и создать новую «контр-норму» [Boutin, 2010: 40–42], еще более нестабильную и изменчивую — каждый раз иную. Если это и игра, то она имеет не только техническую, но и идентитарную составляющую.

Метиссированные формы оказывают свое воздействие и на язык бывших метрополий — Франции и Бельгии. В качестве примера можно привести неологизмы cadavérer, bomber, coquer, pouler, footer, образованные по аналогии и вошедшие во французский молодежный язык под влиянием известной песни «Ancien combattant».

Певец и музыкант Зао (Zoba Casimir Zao, выходец из Республики Конго) в 1980-е гг. представил эту песню на конкурсе *Radio France International*. Песня стала настолько популярной, что указанные слова вошли в широкий обиход не только в Республике Конго, но и во Франции и других франкоязычных странах[4].

Подведем итоги. Во франкофонной научной литературе второй половины XX — начала XXI в. были развиты традиции, заложенные в более ранних работах, посвященных варьированию французского языка внутри Франции и за ее пределами. Это касается перехода от «точечного» исследования к изучению общих закономерностей и больших пространств, а также учета тенденций ненормированной французской речи. Между тем были выявлены и другие особенности, объясняющие не случайный характер новаций. Так, установлено, что африканские варианты не только развивают общие тенденции «неконвенциональной» французской речи, но и обладают собственными локальными признаками, образованными, в частности, путем интерференции с коренными языками; зафиксированы и обще-африканские формы, отражающие особенности африканской культуры и способов категоризации мира. Дальнейшие исследования могут включать следующие направления:

- изучение пространственного варьирования, в том числе в контексте развития ненормированной французской речи; с учетом взаимодействия экзогенной и эндогенных норм;
- совершенствование классификаций франко-африканских особенностей, в частности, отход от жесткой трехчастной модели базилект — мезолект — акролект; применение динамических критериев классификации: имидж языка; место и способы его освоения;
- учет множественности узусов французского языка, обуславливающих его варьирование в Африке: 1) «литургический»/официальный (международный, школьный контекст) и 2) «профанные», локализованные узусы повседневности, включающие разновидности: а) местный/«одомашненный» (vernaculaire) (деревни и небольшие города) и б) «транспортный» французский, язык межэтнического общения (véhiculaire), распространенный на более широком пространстве и в мегаполисах;

[4] *Malonga A.-N.* Guerres et congolismes. Les mots de guerre dans le français du Congo-Brazzaville // Le français en Afrique. Revue des Observatoires du Français contemporain en Afrique / Dir. de A. Queffelec, S. Lafage. 2004, № 19. P. 130–133.

- выявление общеафриканских тенденций в сочетании с нестабильными, ситуативно обусловленными и индивидуальными проявлениями варьирования;
- изучение нового типа варьирования, сложившегося в африканских мегаполисах, как результат межъязыковой гибридизации и метиссации форм, с элементами языковой игры, имеющей идентитарные аспекты.

Дальнейшие перспективы исследования заключаются в актуализации и детализации этих аспектов, а также в охвате других сфер: литература, СМИ; международное общение; образование; политика и др. Продолжение исследования позволит уточнить особенности развития этого сегмента франкофонии в контексте дифференциации и интеграции французского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Багана Ж.* Французский язык в Африке: проблемы интерференции. М.: Научно-издательский центр ИНФА-М, 2016.
2. *Загрязкина Т.Ю.* Центр и периферия франкофонии: франкоязычная Африка и роль чувства в защите языка // Вест. Моск. ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018, № 4. С. 48–59.
3. *Невежина Е.А.* Креолитэ как лингвокультурный феномен: история и современность // Вест. Моск. ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018, № 4. С. 77–85.
4. *Blanche-Benveniste C.* Approches de la langue parlée en français. Paris: Ophrys, 2010.
5. *Blanche-Benveniste C., Sabio F.* Approches de la langue parlée en français/ Nouvelle édition actualisée et révisée par F. Sabio. P. : Ophrys 2023. (In French).
6. *Boutin B.A.* Le français en Afrique : le rôle de Paul Wald // Language et Société, décembre 2012, Psychologie sociale et sociolinguistique : la figure de Paul Wald. 2012, № 142. Pp. 33–46.
7. *Boutin B.A.* Le français en Afrique et dans les DROM : Eléménts de synthèse // Les variétés du français parlé dans l'espace francophone. Ressourses pour l'enseignement/ Dir. de Detey S., Durand J. et al. Paris: Ophrys, 2010. Pp. 237–244.
8. *Carayol M., Chaudenson R., Barat Chr.* Atlas linguistique et ethnographique de la Réunion. En 3 vol. P. : CNRS, 1984–1996.
9. *Chaudenson R.* Vers une révolution francophone? Paris : L'Harmattan, 1989.
10. *Doppagne A.* Les régionalismes du français. Paris, Gembloux : Duculot, 1978.
11. *Gadet F.* La variation : le français dans l'espace social, régional est international. Le Grand Livre de la langue française // Dir. de M. Yaguello. P. Seuil, 2003. Pp. 91–152.
12. *Gadet F.* La variation sociale en français. Nouvelle édition actualisée. Paris : Ophrys, 2024.
13. *Lanly A.* Le français d'Afrique du Nord. Etude linguistique. Paris : PUF , 1962.

14. *Manessy G.* Pratique du français en Afrique Noire francophone // Langue française. № 104, 1994. Le français en Afrique Noire, fait d'appropriation. Pp. 11–19.
15. *Naffati H., Queffélec A.* Le français en Tunisie // Le français en Afrique. 2004. № 18.
16. *Piron M.* Les belgicismes lexicaux : Essai d'un inventaire // Travaux de linguistique et littérature. 1973. Vol. XI. № 1. Pp. 295–304.
17. *Séguy J.* Le français parlé de Toulouse. Toulouse : Privat, 1950.
18. *Senghor L.S.* Ce que je crois : Négritude, Francité et Civilisation de l'Universel. Paris: Editions Grasset, 1988.
19. *Wald P.* Catégories de locuteurs et catégories de langue dans l'usage du français en Afrique // Langage et Société. 1992. № 52. Pp. 5–21.

LANGUAGE AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Tatiana Yu. Zagryazkina

FRENCH IN AFRICA: PRINCIPLES OF STUDY (BASED ON FRANCOPHONE STUDIES FROM THE LATE 20TH TO THE EARLY 21ST CENTURY)

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, tatiana_zagr@mail.ru

Abstract. The interest in African issues is explained not only by the political and economic factors behind the rise of the "great South", but also by the scholarly need to systematize the principles of studying French, used in African countries as a "reserve" of Francophonie. The purpose of the article is to consider the approaches developed by French-speaking authors of the second half of the XX — beginning of the XXI century. Taking into account the concepts of P. Wald, K. Blanche-Benveniste, B.A. Boutin, F. Gade, A. Lanly, G. Manessi, R. Chaudenson, J. Segui and others a transition is observed from targeted case studies to the exploration of broader linguistic spaces, with attention to the development trends of non-standard French speech and the interaction between exogenous norms and Franco-African endogenous norms. The approaches to the classification of African French are examined, including the shift from the three-level model of basilect–mesolect–acrolect to criteria based on the study of the image, functions, status, and modes of appropriation of the French language. The development of French language skills is analyzed: official (international sphere, school); local (rural areas and small towns); interethnic communication (large cities, megacities). The dynamics of studying the functional system of the language and the degree of its variation are traced, along with the interaction between local and common African features of French. Emphasis is placed on the growing role of metropolises in the development of hybrid and mixed forms that include elements of linguistic play. Special attention is given to the instability and situational nature

of variation, which is based on the categorization of the interlocutor, speech act, and communicative context.

Keywords: francophonie, French in African countries, linguistic variation, norm, usage, irregular forms of speech, hybridization and metissation of forms; categorization of the situation and the interlocutor, language game

For citation: Zagryazkina T.Yu. (2025) French in Africa: principles of study (based on francophone studies from the late 20th to the early 21st century). Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal, no 2(28), pp. 73–90. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-5 (In Russ.)

Funding. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of the world cultural and historical heritage" and a grant from the Russian Geographical Society "Literary Landscapes and their role in shaping attractive images of Russian regions".

About the author: Tatiana Yu. Zagryazkina — Dr. Habil. in Philology, Professor, Head of the Department of French Language and Culture at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University; tatiana_zagr@mail.ru

REFERENCES

1. Bagana ZH. 2016. *Frantsuzskii yazyk v Afrike: problemy interferentsii* [French in Africa: problems of interference]. Moscow, Nauchno-izdatel'skii tsentr INFA-MOSCOW. (In Russ.)

2. Zagryazkina T.YU. 2018. *Tsentr i periferiya frankofonii: frankoyazychnaya Afrika i rol' chuvstva v zashchite yazyka* [The center and periphery of Francophonie: Francophone Africa and the role of sentiment in language protection]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 48–59. (In Russ.)

3. Nevezhina E.A. 2018. *Kreoliteh kak lingvokul'turnyi fenomen: istoriya i sovremennost'* [Creolite as a linguistic and cultural phenomenon: history and modernity]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 77–85. (In Russ.)

4. Blanche-Benveniste C. 2010. Approches de la langue parlée en français. Paris, Ophrys. (In French)

5. Blanche-Benveniste C., Sabio F. 2023. Approches de la langue parlée en français / Nouvelle édition actualisé et révisé par F. Sabio. P. : Ophrys. (In French)

6. Boutin B.A. 2012. Le français en Afrique : le rôle de Paul Wald. *Language et Société, décembre 2012, Psychologie sociale et sociolinguistique : la figure de Paul Wald*, no. 142, pp. 33–46. (In French)

7. Boutin B.A. 2010. Le français en Afrique et dans les DROM : Eléménts de synthèse. *Les variétés du français parlé dans l'espace francophone. Ressourses pour l'enseignement*. Dir. de Detey S., Durand J. et al. Paris: Ophrys, pp. 237–244. (In French)

8. Carayol M., Chaudenson R., Barat Chr. 1984–1996. *Atlas linguistiaue et ethnographique de la Réunion*. En 3 vol. Paris: CNRS. (In French)

9. Chaudenson R. 1989. Vers une révolution francophone? Paris : L'Harmattan. (In French)

10. Doppagne A. 1978. Les régionalismes du français. Paris, Gembloux: Duculot. (In French)

11. Gadet F. 2003. La variation: le français dans l'espace social, régional est international. Le Grand Livre de la langue française. Dir. de M. Yaguello. Paris, Seuil, pp. 91–152. (In French)

12. Gadet F. La variation sociale en français. Nouvelle édition actualisée. Paris : Ophrys, 2024. (In French)

13. Lanly A. 1962. Le français d'Afrique du Nord. Etude linguistique. Paris, PUF. (In French)

14. Manessy G. 1994. Pratique du français en Afrique Noire francophone. *Langue française*, no. 104, Le français en Afrique Noire, fait d'appropriationm, pp. 11–19. (In French)

15. Naffati H., Queffélec A. 2004. Le français en Tunisie. *Le français en Afrique*, no. 18. (In French)

16. Piron M. 1973. Les belgicismes lexicaux : Essai d'un inventaire. *Travaux de linguistique et littérature*, vol. XI, no. 1, pp. 295–304. (In French)

17. Séguy J. 1950. Le français parlé de Toulouse. Toulouse: Privat. (In French)

18. Senghor L.S. 1988. *Ce que je crois : Négritude, Francité et Civilisation de l'Universel*. Paris: Editions Grasset. (In French).

19. Wald P. 1992. Catégories de locuteurs et catégories de langue dans l'usage du français en Afrique. *Langage et Société*, no. 52, pp. 5–21. (In French)

Статья поступила в редакцию 10.02.2025;
одобрена после рецензирования 20.03.2025;
принята к публикации 22.03.2025.

The article was submitted 10.02.2025;
approved after reviewing 20.03.2025;
accepted for publication 22.03.2025

А.И. Едличко

ЯЗЫКОВЫЕ НОРМЫ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; ang299@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам изменения языковых норм в настоящее время под влиянием информационно-коммуникативных технологий. Рассматриваются некоторые теоретические положения о специфике языковых норм в функциональном (т.е. норм, широко распространенных в речи) и кодификационном аспектах (т.е. норм, зафиксированных в нормативных правовых актах, словарях, справочниках, учебниках и грамматиках). Описываются ключевые параметры языковой нормы как негомогенной категории, характеризующейся, с одной стороны, консерватизмом, устойчивостью, обязательностью, образцовостью, директивностью и другими константными признаками; с другой — динамичностью, нестабильностью и изменчивостью, что нередко приводит к возникновению языковых девиаций. Трансформации языковых норм в интернет-пространстве становятся толчком для возникновения новых понятий и формирования новых терминов: «русский цифровой литературный язык» (А.В. Козуляев), «критика языка Интернета» (К. Дюршайд), «граммар-наци» и других. В статье приводятся примеры нарушения и изменения норм русского и немецкого языков в электронной коммуникационной среде. Рассматриваются две области критики языка Интернета: письмо (или написанный текст) и коммуникативное поведение в Сети. Выявляются отклонения от языковых норм на разных уровнях (графическом, орфографическом, лексическом, синтаксическом) в русскоязычной онлайн-коммуникации. Также намечаются некоторые перспективы исследований в данной области.

Ключевые слова: языковые нормы, параметр, кодификация, интернет-коммуникация, трансформация нормы, нарушение нормы, девиации, русский язык, немецкий язык

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-6

Для цитирования: Едличко А.И. Языковые нормы в цифровую эпоху // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 91–104. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-6

Едличко Анжела Игоревна — кандидат филологических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; ang299@yandex.ru

© Едличко А.И., 2025

Категория языковой нормы как объект научного исследования рассматривается в рамках различных лингвистических наук: теории общего языкознания, стилистики, теории культуры речи, лексической семантики, функциональной грамматики и многих других. Широкий круг проблем, связанных с исследованием различных аспектов языковых норм литературного языка и его территориальных, социальных и функциональных вариантов, находит свое отражение в работах отечественных ученых (Ю.А. Бельчикова, Л.И. Богдановой, Л.А. Вербицкой, В.А. Ицковича, Т.Ю. Загрязкиной, М.Л. Каленчук, Л.П. Крысина, В.Г. Костомарова, И.Г. Милославского, З.Г. Прошиной и многих других) и зарубежных лингвистов (А. Едличко, К. Дюршайд, Д. Кристала, Т. Нира, Й. Шиве, У. Холлмаха и других).

Традиционно языковая норма изучается в *двух аспектах — функциональном и кодификационном.* В первом случае норма рассматривается в качестве «внутриязыковой категории, присущей языку как системе» [Вербицкая, 2011: 48]. Такая норма соблюдается без внешнего давления и без законодательной, образовательной и лексикографической кодификации. Являясь имплицитной по своей сути, она носит узуальный характер и характеризуется прежде всего социальной обусловленностью, т.е. признанием социума. В целом, в данном случае можно говорить о речевой норме, которая de facto соблюдается прежде всего образованными носителями языка при использовании разных вариантов языка: диатопических (территориальных), диастратических (социальных), диафазических (ситуационных). По справедливому замечанию И.Г. Милославского, владение формально правильной речью всегда связано с «общественной престижностью» [Милославский, 2013: 30].

С другой стороны, кодификационный аспект понимания языковой нормы предполагает ее фиксацию как в законодательных документах (в нормативных правовых актах), так и в учебно-образовательных материалах (в научных и учебных изданиях — словарях, справочниках, грамматиках, учебниках и учебных пособиях). Т.е. в данном случае нормы регулируются формальными нормативами — предписаниями, фиксирующими языковые феномены с определенными целями. Представляется, что такая классификация норм в зависимости от наличия или отсутствия закрепления может рассматриваться как речевая и языковая норма.

В рамках научной нормализаторской деятельности создаются как отдельные словари, так и большие словарные корпусы. Следует обратить внимание на тот факт, что принципиально важным

для представленности корпуса русского языка является создание российского Национального словарного фонда — общедоступного цифрового ресурса, куда будут включены 30 лучших российских словарей, вышедших за последние 300 лет. В Федеральном законе[1] в п. 1 отмечается: «Национальный словарный фонд является федеральной государственной информационной системой, которая представляет собой совокупность информации о нормах современного русского литературного языка, зафиксированных в нормативных словарях, а также в словарях, содержащих сведения о развитии норм русского литературного языка, и информационных технологий и технических средств, обеспечивающих обработку такой информации»[2]. Целью такого проекта является повышение уровня общей грамотности населения, а также защита и сохранение государственного языка РФ[3].

Возвращаясь к типологии норм, отметим, что в зависимости от диамедиальной вариативности языка, т.е. с учетом канала передачи информации и формы коммуникации, также можно выделить языковые нормы устной и письменной речи. Принимая о внимание такой параметр, как уровень языка, говорят об орфоэпической, грамматической (морфологической, синтаксической), лексической нормах. Изучение норм было бы также неполным без исследования специфики их прагматики.

Нельзя не сказать о сложившихся нормах различных вариантов плюрицентричного языка, т.е. языка, имеющего несколько национальных вариантов, которые развивают свои дистинктивные особенности на всех уровнях языковой системы. Так, собственные нормы сформированы в британском, американском, австралийском, новозеландском, канадском и других национальных вариантах английского языка; отличаются произносительные, артикуляционные, грамматические, лексические и прагматические нормы стандартов немецкого языка в Германии, Австрии, Швейцарии, Люксембурге. Гетерогенизация норм наблюдается также в разных национальных вариантах французского, арабского, испанского и других плюрицентричных языков. Все чаще исследователи задаются вопросом о воз-

---

[1] Федеральный закон от 22.04.2024 N 93-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50502 (дата обращения: 10.09.2024).

[2] Там же.

[3] Проект Постановления Правительства Российской Федерации «О Национальном словарном фонде» (подготовлен Минобрнауки России 20.08.2024) // Гарант.ру, информационно-правовой портал. 02.09.2024. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56899350/ (дата обращения: 14.09.2024).

можности признания русского языка в качестве плюрицентричного, который имеет статус официального за пределами России (в Беларуси, Казахстане, Киргизии и других странах) и обнаруживает специфические лингвокультурные особенности на уровне грамматики, лексики и фонетики [Шайбакова, Протасова, Еленевская, 2023].

Современные трактовки языковой нормы предполагают учет комплекса параметров, объясняя понятие нормы как сложное явление, включающее наличие «взаимоисключающих признаков» [Горбачевич, 2009: 43]. Таким образом, подчеркивается гетерогенность нормы, «двуликий характер и предназначение языковой нормы, призванной сохранять преемственность национальной культуры и одновременно удовлетворять коммуникативным потребностям общества» [Горбачевич, 2009: 43]. С одной стороны, исследователи понимают языковую норму как некий стабильный феномен и относят к ее признакам такие качества, как *устойчивость, образцовый характер, консерватизм языкового идеала, распространенность языкового явления, двусторонний характер (объективный и оценочный), принцип коммуникативной целесообразности, авторитет источника, осознанность, обязательность, директивность, избирательность, унифицированность, престижность* и другие характеристики [Горбачевич, 2009: 43–48; Германова, 2011: 22; Едличко, 2020: 73; Едличко, 2022: 120–122]. Л.И. Богданова также говорит о *консерватизме* как неотъемлемом параметре языковой нормы, объясняя релевантность данного признака с точки зрения культурно-языковой традиции, поскольку именно консерватизм нормы «способствует устойчивости литературного языка, благодаря чему облегчается передача культурных ценностей от поколения к поколению» [Богданова, 2011: 27]. Иначе говоря, следование нормам и их сохранение обеспечивают восприятие, понимание и интерпретацию современниками классических литературных произведений авторов предыдущих поколений, являющихся одним из аксиологических ориентиров нации.

С другой стороны, языковые нормы нарушаются и характеризуются неоднородностью и нестабильностью, а динамичность нормы неизменно приводит к ее вариативности, изменчивости и возникновению девиаций [Едличко, 2020: 73], поскольку вариативность является универсальным свойством языковой системы.

При рассмотрении современных процессов трансформации языковых норм обычно обращается внимание на базовую экстралингвистическую причину их изменений, которая связана прежде всего с появлением и развитием новых информационно-коммуни-

кативных технологий. Масштабное использование новых медиа обусловило возникновение новых видов коммуникативного взаимодействия на различных интернет-сервисах (Zoom, Skype, Telegram, WhatsApp и др.), в социальных сетях, с помощью электронной почты и т.д. на разных языках — как на родном, так и иностранных.

Согласно актуальным статистическим данным системы W3Techs[4], процентное соотношение использования различных языков в Сети (подсчеты произведены на основе 10 млн крупнейших веб-сайтов) выглядит следующим образом (табл. 1):

Таблица 1

Использование языков в Интернете[5]

Место языка в рейтинге	2023 г. (% пользователей)	2024 г. (% пользователей)	2025 г. (% пользователей)
1	английский (55,5 %)	английский (49,3 %)	английский (49,2 %)
2	испанский (5,0 %)	испанский (6,0 %)	испанский (6,0 %)
3	русский (4,9 %)	русский (4,0 %)	немецкий (5,5 %)
4	немецкий (4,3 %)	немецкий (5,6 %)	японский (5,1 %)
5	французский (4,4 %)	французский (4,4 %)	французский (4,4 %)
6	японский (3,7 %)	японский (5,0 %)	португальский (3,9 %) русский (3,9 %)
7	португальский (2,6 %)	португальский (3,8 %)	итальянский (2,7 %)

Очевидно, что наиболее используемым в Интернете является английский — лингва франка современного мира. Русский язык традиционно занимает довольно высокие позиции и входит, в зависимости от временно́го периода, в тройку (2023 и 2024 гг.) или в шестерку (2025 г.) самых употребляемых в Сети языков. Данные более ранних статистик показывают, что русский язык также находился на верхних строчках рейтинга: например, в 2017 г. это было второе место (6,7%) сразу же после английского (51,2%)[6]. Заметим, что ранжирование «мест» нестабильно и может меняться ежеме-

[4] W3Techs — сервис, предоставляющий обзор и анализ данных о различных веб-технологиях в Интернете.

[5] По материалам: Usage statistics of content languages for websites // W3Techs — World Wide Web Technology Surveys. URL: https://w3techs.com/technologies/overview/content_language (accessed: 15.05.2023; 14.11.2024; 10.01.2025).

[6] Usage of content languages for websites // W3Techs — World Wide Web Technology Surveys. URL: https://w3techs.com/technologies/overview/content_language/all (accessed: 28.10.2017).

сячно. Востребованность русского языка в Сети можно объяснить внешней языковой политикой России, целью которой является продвижение государственного языка РФ и увеличение численности владеющих русским языком как языком-посредником между представителями разных этносов.

Характеризуя функционирование современного русского языка в цифровом пространстве, А.В. Козуляев предлагает введение термина «русский цифровой литературный язык», который определяется как «особый корпус, <…> имеющий собственную нормативную базу, собственные правила развития и функционирования» [Козуляев, 2024: 37], проводя таким образом демаркационную линию между языком цифрового пространства с собственной экранной медиакультурой и языком реального мира с культурой традиционной.

Обосновывая появление и развитие нового идиома[7], исследователь выделяет три зоны его функционирования. *Первая зона* «Язык аудиовизуальных художественных, документальных, сериальных и обучающих произведений» соотносится с нормотворческой деятельностью и, соответственно, включает подготовку нормативных правовых актов, регламентирующих использование русского языка в ряде институциональных сфер: в средствах массовой информации, рекламе, кино, видеопродукции и других. К специфическим характеристикам аудиовизуального дискурса автор описываемой концепции относит *псевдоустность* (с нормативно правильной орфографией и произношением, а также редуцированной грамматикой, характерной для устной речи) и «*обязательную синхронизацию с видеорядом и подчиненность ему*» [Козуляев, 2024: 41], что предполагает жесткие лексические и синтаксические ограничения. *Вторая зона* «Язык компьютерных многопользовательских серверных и однопользовательских игр» отражает коммуникацию геймеров и характеризуется, с одной стороны, расширением функциональных сфер языка и распространением различной информации. С другой стороны, тексты игр не свободны от ошибок разного типа, а также от использования разговорных форм и сленга. В *третьей зоне* «Язык новостных лент и телеграмм-каналов, чатов (новых медиа)» формируется свой собственный корпус прецедентных феноменов и языковых единиц, на что влияют разные факторы:

[7] *Идиом* в социолингвистике рассматривается как зонтичный термин, под которым понимается любое языковое образование (национальный язык, региональный язык, диалект, этнолект и т.д.).

частотность распространения, развитие коннотативных значений, единообразие понимания и т.д. В связи с этим намечается тенденция к их устойчивости. Однако, по мнению автора, цифровой литературный язык все еще является малоисследованным [Козуляев, 2024: 40–43].

В настоящее время особые дискуссии вызывают вопросы трансформации языковых норм в письменной интернет-коммуникации. Рефлексивный анализ проводится представителями академических кругов и общественности и чаще всего сводится к критическому обсуждению двух значимых областей: 1) письма (или написанного текста) и 2) коммуникативного поведения в Сети. Такая метаязыковая деятельность рассматривается исследователями как одно из направлений критики языка и именуется «критикой языка Интернета» (нем. Internet-Sprachkritik) [Dürscheid, 2020]. Заметим, что критические замечания довольно часто высказываются не только извне (лингвистами, журналистами, педагогами), бурное обсуждение грамматических и орфографических ошибок (а не содержания) наблюдается непосредственно в социальных сетях под постами авторов текстов. Одним из результатов деструктивной критики стало появление в разных странах интернет-сообществ «граммар-наци» (англ. grammar nazi, нем. Grammar-Nazi) — радикальных борцов за грамотность, агрессивно требующих от коммуникативных партнеров (авторов текстов и комментаторов) соблюдения грамматических правил [Bahlo, Becker, Steckbauer, 2016]. Однако одновременно с названным наблюдается, как ни странно, одобрение и продвижение безграмотной письменной речи в онлайн-среде. Так, К. Дюршайд говорит о парадоксальности ситуации в немецкоязычном коммуникативном интернет-пространстве и монетизации неграмотности на Facebook: «изначально неправильное написание использовалось в качестве веселого способа привлечения внимания к … ошибкам, но теперь оно также употребляется как стилистический прием и продается соответствующим образом (например, через игры, книги и футболки)» [Dürscheid, 2020: 329]. На специально созданной странице с ошибочно написанным названием „Nachdenkliche Sprüche mit Bilder [sic!]“, рус. «Наводящие на размышления картинки» (в оригинале слово *Bilder* написано без окончания *-n*) можно найти и купить открытки с орфографическими, пунктуационными и другими ошибками не только на немецком (например: *Retzept für 1 suppe Ehe; Du bist das Betse was wo je passiern ist!; Ich wümsche dir 1 neutrales Weinachtsfest*

ohne besomdere Vorkomnisse LG и др.), но и на английском языке или их смешении (*Merry Christmes, oke? Tschüs!*)[8]. Таким образом, намеренное или несознательное нарушение языковых норм может быть как предметом обсуждения в социальных сетях, так и прибыльным бизнесом.

Что же касается непосредственно письменного текста, русскоязычная дигитальная коммуникация характеризуется отклонениями от языковых норм на разных уровнях:

1) на уровне графики и орфографии:
– приближение графической формы слова к звуковой для имитации устной речи: *сёдня (сегодня), исчо (ещё), аймалатцца (ай, молодец), чо/че (что)*;
– использование заглавных букв при написании всего слова/текста: *МАМА*, *ВНИМАНИЕ*;
– написание всех слов (в том числе имен собственных) со строчной буквы: *ваша д.а.*;
– повтор букв в слове: *таааак, огоооо*;

2) на лексическом уровне:
– использование разговорной, сниженной и ненормативной лексики;
– употребление заимствований из английского (*скил, кринж, рандом, рофл, чиллить*) и японского (*тян/тянка* ‘девушка’, *кун* ‘парень’)[9] языков;
– использование многочисленных сокращений и аббревиатур: *З.Ы.* вместо *P.S.*, *элка* (электричка), *вб* (Wildberries), *сфоткала* (сфотографировала), *пенсы* (пенсионеры), *лс* (личные сообщения);

3) на уровне синтаксиса:
– большое количество эллиптических конструкций;
– наличие текстов, состоящих только из фрагментарных предложений;

4) в области пунктуации:
– использование большого количества знаков препинания (восклицательных и вопросительных знаков, многоточия,

[8] Nachdenkliche Sprüche mit Bilder. Das Original von Willy Nachdenklich. URL: https://www.nachdenkliche-sprueche-mit-bilder.de/en/product-58.html (accessed: 21.01.2025).

[9] Появление заимствований из японского языка можно объяснить прежде всего экстралингвистическими факторами и популяризацией японских молодежных субкультур.

круглых скобок) или, наоборот, их отсутствие (запятой, точки в конце предложения[10]).

В качестве подтверждения некоторых аспектов сказанного можно привести фрагмент переписки в чате в Telegram молодой женщины (Т.):

(Т.) *А что, если я оставлю здесь мамский лайфстайл, а лингвистику выделю в отдельный канал?)*

(Т.) *Как вам такой вариант?*

- Я за
- Я против
- Тык

(комментарий подписчика): *пофик*

(Т.) *Таааак*

(Т.) *Такого я не ожидала)))*

(Т.) *Но хорошо, значит продолжаем все разговоры здесь*

(комментарий подписчика): *урааа)*

Текст написан молодой 25-летней женщиной, недавно ставшей мамой и желающей поделиться со своими подписчиками некоторыми профессиональными и бытовыми советами. Несмотря на то, что автор текста хорошо владеет литературным русским языком как в устной, так и в письменной формах, гибридизация устной и письменной речи, а также сознательное отклонение от графических (*таааак, урааа*, использование скобок) и лексических норм (*мамский лайфстайл, тык, пофик*), а также мультимодальность сообщения (использование невербального компонента — цветного эмодзи «сердце») характеризуют неформальный стиль общения и используются с целью привлечения внимания и передачи экспрессивности содержания.

Помимо перечисленных ранее аспектов, предметом критики выступает также интернет-коммуникация в образовательно-академической сфере. Анализируя специфику дистанционного формата коммуникационного взаимодействия студентов и преподавателей в одном из российских вузов, авторы исследования [Галынская,

[10] Заметим, личная переписка на русском языке в молодежной онлайн-среде повлияла на функции некоторых пунктуационных знаков (точки, открывающей и закрывающей скобок). Так, изменилась стилистическая функция точки — ее наличие в конце предложения в личной онлайн-переписке говорит об агрессии, тревожности, а отсутствие — о нейтральности либо позитивном настрое.

Звягинцев, Коростелева, 2021] приводят данные о несоблюдении студентами норм этикета делового общения в Сети (или нетикета), в целом, и речевого этикета письменной речи, в частности. Указывается на отсутствие таких неотъемлемых элементов электронного письма, как обращение к преподавателю по имени-отчеству (95,8%), тема письма (72,4%) и приветствие (17,6%). При этом нередко письменное сообщение может содержать только вопрос или просьбу (9,6%), выраженную в том числе в повелительном тоне (например: «*Необходимо выслать ведомость на почту деканата*») (3%), или заменено на голосовое сообщение и отправлено преподавателю (14,1%) [Галынская, Звягинцев, Коростелева, 2021: 37].

Все названные признаки способствуют развитию дигитального языка, который Д. Кристал назвал нетспиком (Netspeak) [Crystal, 2001: 17], а М. Кронгауз — олбанским языком [Кронгауз, 2013].

Таким образом, вопросы трансформации норм в интернет-пространстве стоят в настоящее время особенно остро. Изменение языковой нормы под влиянием Сети, появление коммуникативных девиаций (использование редуцированной грамматики, пренебрежение пунктуацией, упрощение этикетных речевых формул, замена синонимических рядов «ярлыками»), изменение языковых традиций доцифрового общения, параллельное существование и взаимодействие разных вариантов русского языка в цифровой среде, — все это ведет в формированию иной «культуры» речи, отличной от традиционной. Поэтому как никогда актуально звучат слова В.Г. Костомарова о том, что настоящее существование русского языка наглядно показывает, что «без нормированного языка нет и образованной нации, успешного воспитания человека, нет развития культуры» [Костомаров, 1968: 129]. Закрепление языковых норм в формальных нормативах — законах, сводах правил, «текстах культуры» — позволяет сохранять социокультурные традиции нации.

Изучение сущностных проблем, связанных с языковыми нормами, требует анализа онтологической, гносеологической и аксиологической специфики норм; их типологии и причин вариативности; лингвистической, социолингвистической и социокультурной роли норм и т.д. Эти и другие проблемы все еще ждут своего решения. В данной связи представляется перспективным как дальнейшее исследование развития различных норм отдельных языков и их вариантов, так и изучение норм разных языков и их вариантов в сопоставительном аспекте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богданова Л.И.* Стилистика русского языка и культура речи: Лексикология для речевых действий: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011.

2. *Вербицкая Л.А.* Роль языковой нормы в практике обучения русскому языку // Rhema. Рема. 2011. № 1. С. 47–53.

3. *Германова Н.Н.* Теория и история литературного языка в отечественном и англоязычном языкознании. М.: Либроком, 2011.

4. *Галынская Ю.С., Звягинцев В.В., Коростелева Н.А.* Управленческий аспект соблюдения делового этикета в образовательном пространстве // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 5. С. 32–40.

5. *Горбачевич К.С.* Вариантность слова и языковая норма: на материале современного русского языка / отв. ред. Ф.П. Филин. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2009.

6. *Едличко А.И.* Орфоэпические нормы немецкого языка: проблемы систематизации и кодификации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 72–82.

7. *Едличко А.И.* Лексикографическая кодификация произносительных норм немецкого языка: история и современность // XLIX Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936–2019). Избранные доклады / Под ред. Т.В. Черниговской. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 118–136.

8. *Козуляев А.В.* Русский цифровой литературный язык: к постановке вопроса // Метапредметный подход в образовании: русский язык в школьном и вузовском обучении разным предметам. Русский язык как средство педагогического воздействия и взаимодействия в школе и вузе / ред.-сост. О.Е. Дроздова, В.С. Сергеев. М.: МПГУ, 2024. С. 37–48.

9. *Костомаров В.Г.* Проблемы культуры речи // Теоретические проблемы советского языкознания / ред. Ф.П. Филин и др. М.: Наука, 1968. С. 126–142.

10. *Кронгауз М.А.* Самоучитель олбанского. М.: АСТ: CORPUS, 2013.

11. *Милославский И.Г.* Кодификация содержательной стороны языкового знака // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 27–37.

12. *Шайбакова Д., Протасова Е., Еленевская М.* Лингвистический плюрицентризм и русский язык // Russian Journal of Linguistics. 2023. Т. 27. № 3. С. 663–686. https://doi.org/10.22363/2687-0088-35316

13. *Bahlo N., Becker T., Steckbauer D.* Von „Klugscheißern" und „Grammatik-Nazis" — Grammatische Normierung im Internet // Spiegel C., Gysin D. Gysin (Hgg.): Jugendsprache in Schule, Medien und Alltag. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 2016. Pp. 275–286.

14. *Crystal D.* Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

15. *Dürscheid Ch.* Internet-Sprachkritik // Niehr T., Kilian J., Schiewe J. (eds.) Handbuch.

16. *Storrer A.* Sprachverfall durch internetbasierte Kommunikation? Linguistische Erklärungsansätze — empirische Befunde // Plewina A., Witt A. (Hgg.): Sprachverfall? Dynamik — Wandel — Variation. Berlin, Boston: de Gruyter, 2014. Pp. 171–196.

Anzhela I. Edlichko

LANGUAGE NORMS IN THE DIGITAL AGE

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ang299@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the current problems of changing language norms under the influence of information and communication technologies. Some theoretical provisions on the specifics of linguistic norms in functional (i.e. norms widely used in speech) and codification aspects (i.e. norms fixed in normative legal acts, dictionaries, reference books, textbooks and grammars) are considered. Some distinctive parameters of the linguistic norms are described as a heterogeneous category characterized, on the one hand, by conservatism, stability, commitment, exemplary, directive and other constant features, on the other hand, by dynamism, instability and variability. The last ones often lead to linguistic deviations. Transformations of linguistic norms in the Internet give an impetus to the emergence of new concepts and the formation of new terms such as "Russian digital literary language" (A.V. Kozulyaev), "criticism of the Internet language" (K. Dürscheid), "grammar nazi" and others. The article contains some examples of violations and changes of the norms of the Russian and German languages in the electronic communication. Two areas of criticism of the Internet language are considered: writing (or written texts) and communicative behavior in the Web. Deviations of linguistic norms at different levels (graphic, spelling, lexical, syntactic) in Russian-language online communication are revealed. There are also some prospects for research in this area.

Keywords: language norms, parameter, codification, Internet communication, transformation of the norm, violation of the norm, deviations, the Russian language

For citation. Edlichko A.I. (2025). Language Norms in the Digital Age. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 2(28), pp. 91–104. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-6 (In Russ.)

About the author: Anzhela I. Edlichko — PhD in Philology, Associate Professor, Acting Chair of the German Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; ang299@yandex.ru

REFERENCES

1. Bogdanova L.I. 2011. *Stilistika russkogo yazyka i kul'tura rechi: Leksikologiya dlya rechevyh dejstvij* [Stylistics of the Russian language and culture of speech: Lexicology for speech actions]. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)

2. Verbickaya L.A. 2011. Rol' yazykovoj normy v praktike obucheniya russkomu yazyku [The role of language norms in Russian teaching]. *Rhema*, no. 1, pp. 47–53. (In Russ.)

3. Germanova N.N. 2011. *Teoriya i istoriya literaturnogo yazyka v otechestvennom i angloyazychnom yazykoznanii* [Theory and history of the literary language in Russian and English linguistics]. Moscow: Librokom. (In Russ.).

4. Galynskaya Yu.S., Zvyagintsev V.V., Korosteleva N.A. 2021. Upravlencheskij aspekt soblyudeniya delovogo etiketa v obrazovatel'nom prostranstve [Management aspect of compliance with business etiquette in the educational space]. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics,* no. 5, pp. 32–40. (In Russ.)

5. Gorbachevich K.S. 2009. *Variantnost' slova i yazykovaya norma: na materiale sovremennogo russkogo yazyka* [Word variation and language norm. On the material of the modern Russian language], ed. by F.P. Filin. 2nd ed. Moscow: Librokom Publ. (In Russ.)

6. Edlichko A.I. 2020. Orfoepicheskie normy nemeckogo yazyka: problemy sistematizacii i kodifikacii [Orthoepic Norms of the German Language: some Problems of Systematization and Codification]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 27–37. (In Russ.)

7. Edlichko A.I. 2022. Leksikograficheskaya kodifikaciya proiznositel'nyh norm nemeckogo yazyka: istoriya i sovremennost' [Codification of the orthoepic norms of the German language: history and current situation]. In Chernigovskaya T.V. (ed.) *XLIX mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferenciya, posvyashchennaya pamyati Lyudmily Alekseevny Verbickoj (1936–2019). Izbrannye doklady*. Saint-Peterburg: Saint-Petersburg University Publ., pp. 118–136. (In Russ.)

8. Kozulyaev A.V. 2024. Russkij cifrovoj literaturnyj yazyk: k postanovke voprosa [Russian Digital literary language: towards a question]. In Drozdova O.E., Sergeev V.S. (eds.) *Metapredmetnyj podhod v obrazovanii: russkij yazyk v shkol'nom i vuzovskom obuchenii raznym predmetam. Russkij yazyk kak sredstvo pedagogicheskogo vozdejstviya i vzaimodejstviya v shkole i vuze*. Moscow: MPGU, pp. 37–48. (In Russ.)

9. Kostomarov V.G. 1968. Problemy kul'tury rechi [The problems of speech culture]. In Filin F.P. etc. (eds.) *Teoreticheskie problemy sovetskogo yazykoznaniya*. Moscow: Nauka, pp. 126–142. (In Russ.)

10. Krongauz M.A. 2013. *Samouchitel' olbanskogo* [The Olbanski Tutorial]. Moscow: AST: CORPUS. (In Russ.)

11. Miloslavskij I.G. 2013. Kodifi kaciya soderzhatel'noj storony yazykovogo znaka [Codification of the Content of a Language Sign]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 27–37. (In Russ.)

12. Shaibakova D, Protassova E., Yelenevskay M. 2023. Lingvisticheskij plyuricentrizm i russkij yazyk [Linguistic pluricentrism and the Russian language]. *Russian Journal of Linguistics, no.* 27 (3), pp. 663–686. https://doi.org/10.22363/2687-0088-35316. (In Russ.)

13. Bahlo N., Becker T., Steckbauer D. 2016. Von „Klugscheißern" und „Grammatik-Nazis" — Grammatische Normierung im Internet. In Spiegel C., Gysin D. (Hg.) (ed.) *Jugendsprache in Schule, Medien und Alltag*. Frankfurt a.M.: Peter Lang, pp. 275–286. (In Germ.)

14. Crystal D. 2001. *Language and the Internet.* Cambridge: Cambridge University Press.

15. Dürscheid Ch. 2020. Internet-Sprachkritik. In Niehr, T., Kilian, J., Schiewe, J. (eds.) *Handbuch Sprachkritik*. Stuttgart: J.B. Metzler, pp. 326–332. (In Germ.)

16. Storrer A. 2014. Sprachverfall durch internetbasierte Kommunikation? Linguistische Erklärungsansätze — empirische Befunde. In Plewina A., Witt A. (Hgg.): *Sprachverfall? Dynamik — Wandel — Variation*. Berlin, Boston: de Gruyter, pp. 171–196. https://doi.org/10.1515/9783110343007.171 (In Germ.)

Статья поступила в редакцию 10.02.2025;
одобрена после рецензирования 20.03.2025;
принята к публикации 22.03.2025.

The article was submitted 10.02.2025;
approved after reviewing 20.03.2025;
accepted for publication 22.03.2025.

УДК 328.13+81'27+316.77

Е.А. Антюхова, Ю.А. Караулова

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СРЕДСТВ РЕЧЕВОГО ХЕДЖИРОВАНИЯ

Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации, Москва, Россия;
e.antyukhova@gmail.com; karaulova8@gmail.com

Аннотация. Феномен языковой личности политика вызывает особый интерес в современной политической лингвистике. Обращение к речи экспремьер-министра Великобритании Риши Сунака, относящейся к сфере политической коммуникации, обусловлено тем, что она дает возможность составить оценочное представление об убедительности политического деятеля как публичной фигуры. Объектом настоящего исследования является использование средств хедж-обработки в американском политическом дискурсе. Хеджи, представляя собой открытое множество актуализируемых в контексте средств речевого отгораживания (лексических, грамматических, синтаксических, стилистических, просодических), активно применяются политиками в различных жанрах и поджанрах политического дискурса и служат для более полного раскрытия портрета языковой личности. Обращение к прагматике средств речевого отгораживания как дискурсивных маркеров идиостиля в структуре конкретной языковой личности позволяет выявить в идиодискурсе бывшего премьер-министра Великобритании различные типы дискурсивных маркеров и определить их коммуникативно-прагматическую функцию. Анализ основных дискурсивных маркеров речевого отгораживания позволил сделать вывод о том, что на выбор того или иного хедж-маркера влияют личностные особенности политика, его психологическое состояние, а также экстралингвистический контекст.

Ключевые слова: хедж-маркеры, средства речевого отгораживания, политический дискурс, идиодискурс, прагматика хеджирования, языковая личность, коммуникативные стратегии и тактики

Антюхова Екатерина Андреевна — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации (МГИМО МИД России); e.antyukhova@gmail.com

Караулова Юлия Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры английского языка № 6 Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации (МГИМО МИД России); karaulova8@gmail.com

© Антюхова Е.А., Караулова Ю.А., 2025

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-7

Для цитирования: Антюхова Е.А., Караулова Ю.А. Коммуникативно-прагматические функции средств речевого хеджирования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 105–118. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-7

Введение

Политический дискурс, характеризуясь манипулятивной спецификой, оказывает речевое воздействие на адресата через определенные коммуникативные стратегии и тактики, реализуемые посредством языковых и экстралингвистических средств. Хеджирование является одной из прагматических [Осипов, 2012] риторических [Fraser, 1980] стратегий политического дискурса, реализуемых посредством риторического инструментария, включающего определенный набор хеджей — средств речевого воздействия, представляющих собой совокупность прагматических, семантических и когнитивных факторов [Lakoff, 1972].

С момента разработки теории лингвистического хеджирования Дж. Лакоффом в 1972 году, трактовавшим хеджи как элементы пересечения метадискурсивного ограждения (metadiscursive hedging) и нечеткой логики (fuzzy logic), делающие высказывания «более или менее размытыми» [Lakoff, 1972: 195], и по настоящее время были проведены исследования, объектом которых становилось использование хедж-обработки в разных типах дискурса: академическом, разговорно-бытовом, политическом и других. Хеджирование изучалось на примере разных языков и культур. Было установлено, что в британской лингвокультуре использование хедж-маркеров является проявлением британского национального характера и обусловлено традиционным для этой культуры кодом поведения [Сейранян, 2023], так как отражает стремление к сдержанности и осторожности суждений [Арутюнян, 2015], тогда как, например, армянский народ известен категоричностью своих высказываний, следовательно, частотность использования хедж-маркеров в армянском языке ниже, чем в английском, а их арсенал не столь богат. Таким образом, несмотря на универсальный характер, хедж-маркеры характеризуются и определенной национальной спецификой.

Также было бы ошибочным трактовать хеджи исключительно как лексические средства [Brown, Levinson, 1987]. Под средствами речевого отгораживания (хеджами) можно понимать совокупность лексико-грамматических, синтаксических, стилистических, риторических, а также просодических средств, употребляемых интерактан-

тами в разных дискурсивных ситуациях для уменьшения импозитивности высказывания, выражения неуверенности или сомнения в точности пропозиции, выражения намеренной неточности или для полного или частичного снятия ответственности за содержание высказывания.

Функции хедж-маркеров в политическом дискурсе

За пятидесятилетний период исследований в этой области были расширены и функции хеджирования. От «придания понятиям большей или меньшей неясности» (по Дж. Лакоффу) исследователи пришли к выводу о мультифункциональности хеджей, причем один и тот же хедж-маркер может выполнять разные функции в зависимости от особенностей ситуации общения, типа дискурса, а также языковой личности участников интеракции. Нами была предпринята попытка свести основные функции хедж-маркеров к следующим четырем основным функциям, поскольку, несмотря на многообразие функций и мотивов хеджирования, выделенных в литературе, они в той или иной мере повторяют друг друга.

Функции хедж-маркеров в политическом дискурсе:

1) ослабление иллокутивной силы высказывания и его категоричности для обеспечения коммуникативного комфорта интерактантов / сохранения лица адресата [Brown, Levinson, 1987] / для реализации стратегий позитивной и негативной вежливости [Власян, Петрова, 2021] / митигация потенциально конфликтных ситуаций;
2) выражение неуверенности и сомнения в точности пропозиции;
3) сокрытие правды / выражение намеренной неточности / вуалирование истинных мотивов и интенций политика;
4) полное и частичное дистанцирование от объекта высказывания / снятие ответственности.

Классификация дискурсивных маркеров речевого отгораживания

Классификация хеджей также претерпела значительные изменения. Исходя из того, что «практически любая лингвистическая единица может функционировать как хедж в зависимости от прагматических факторов» [Пастухова, 2018: 96; Clemen, 1998: 31], типология элементов хедж-обработки существенно расширилась. Несмотря на многообразие функций маркеров речевого отгораживания, их прагматический потенциал сводится к двум глобальным

целям — текстовой манипуляции и участию в создании индивидуального контекста дискурса. Выбор того или иного хедж-маркера обусловлен, с одной стороны, глобальным и ситуативным контекстом, а с другой — «индивидуальными (национально-культурными, социальными, психологическими) характеристиками личности политика» [Сейранян, 2023: 388].

Проанализировав большое количество работ по использованию средств хедж-обработки в различных типах дискурса, нами был составлен перечень основных дискурсивных маркеров речевого отгораживания, используемых в современном политическом дискурсе (учитывалась также и специфика английского языка).

I. Лексико-грамматические средства: модальные глаголы; модальные слова; эпистемические/нефактивные глаголы; средства выражения приблизительности / аппроксиматоры / эпистемические наречия; существительные тентативной вероятности; междометия; местоимения (*we* — для ослабления степени ответственности говорящего, *they* — для перекладывания ответственности на других лиц).

II. Синтаксические средства: вводные фразы и выражения / парентетические конструкции; придаточные предложения условия и уступки / гипотетические конструкции; разделительные вопросы; отрицательные вопросительные конструкции.

III. Стилистические средства: риторические вопросы; цитирование; эвфемизмы [Седова, 2022].

IV. Просодические средства: изменение тональных характеристик высказывания по сравнению с интонационным контуром контекста [Сейранян, 2023]; изменение темпоральных характеристик речи; изменение динамических характеристик речи (увеличение/снижение громкости).

Средства речевого отгораживания в идиодискурсе Риши Сунака

В рамках настоящего исследования была предпринята попытка сместить фокус внимания с традиционного изучения функционирования хедж-маркеров в политическом дискурсе того или иного языка (русском, немецком языках, британском и американском национальных вариантах английского языка) на изучение прагматики средств речевого отгораживания в структуре конкретной языковой личности и исследование хеджей как дискурсивных маркеров идиостиля. В качестве объекта исследования были выбраны выступления премьер-министра Великобритании Риши Сунака в период с 25

октября 2022 по 5 июля 2024 года. Для того чтобы изучить хедж-маркеры разного уровня (лексико-грамматические, синтаксические, стилистические, риторические, просодические), были исследованы публичные выступления политика, его интервью таким британским журналистам, как Лаура Куэнссберг и Сюзанна Рид, а также его дебаты от 5 июня 2024 года с Киром Стармером, лидером Лейбористской партии с 4 апреля 2020 года и премьер-министром Великобритании с 5 июля 2024 года.

Проведенное исследование позволило не только выявить в идиодискурсе бывшего премьер-министра Великобритании различные типы дискурсивных маркеров и определить их коммуникативно-прагматическую функцию, но и установить, каким образом личностные особенности политика, его психологическое состояние, а также экстралингвистический контекст влияют на выбор того или иного средства речевого отгораживания.

Риши Сунак — 44-летний (на момент написания статьи) амбициозный политик, ставший в октябре 2022 года премьер-министром практически без борьбы, без всеобщих выборов, поскольку его основные противники сняли свои кандидатуры. На протяжении почти двухлетнего периода в должности премьер-министра и лидера Консервативной партии Р. Сунак отстаивал свою позицию уверенного в себе, независимого политика, по праву занимающего резиденцию на Даунинг-стрит. Указанные особенности личности Р. Сунака находят свое отражение и в наборе хедж-маркеров, применяемых политиком, и в их прагматике. Из всего многообразия функций, выполняемых средствами хедж-обработки, Р. Сунак прибегает к тем, которые служат для выражения намеренной неточности, вуалирования истинных мотивов и интенций, митигации ситуации, выставляющей политика в неприглядном свете, а также для полного или частичного дистанцирования от объекта высказывания / снятия ответственности.

Так, например, Р. Сунак значительно реже других политиков прибегает к использованию лексико-грамматических средств речевого отгораживания, в частности, к средствам выражения приблизительности (аппроксиматорам). В своих выступлениях, подготовленных и неподготовленных (интервью журналистам в прямом эфире, политических дебатах со своим основным конкурентом) политик быстро и уверенно сообщает точные статистические данные, не используя довольно частотные для других политиков эпистемические средства, такие как *a bit, approximately*, прибегая в основном к аппроксимизации значения большого количества (например, *We*

*still have **a lot** to do / We still have **mountains** to overcome / NHS waiting lists have become **far too long** / We've put **record resources** in **more** doctors, **more** nurses, community diagnostics centres. We are doing **all the right things** treating **more** people / a **significant rise** in the number of people who are being deemed unfit to work*). Что касается использования эпистемических (нефактивных) глаголов (*I believe / I genuinely believe / I understand that / I hope*) и существительных тентативной вероятности (*there is an undeniable feeling that / the feeling is that*), их количество в публичных выступлениях Р. Сунака также невелико, не несет большого прагматического потенциала и используется в основном как митигационное средство. Тогда как средства усиления высказывания — *I'm sure / I'm confident / I will* используются политиком практически в каждом предложении и служат для создания образа уверенного в себе лидера, отвечающего за свои слова и действия. Невелико и количество использованных Р. Сунаком модальных глаголов со значением вероятности, неуверенности (*We **can** get the waiting lists down, when we don't have strikes / And in a million different ways, across every aspect of our lives, AI **can** be that answer / Sir Keir Starmer **might** want us to forget his repeated support for Jeremy Corbyn, but we never will*), а также модальных слов (*perhaps*), в отличие от частотного в дискурсе политика модального глагола *will*, имеющего значение готовности сделать что-то, уверенности в своих словах. Сигнализирующих о неуверенности в своих словах междометий в выступлениях политика также было выявлено незначительное количество (в основном использовалось междометие *Well*).

Отдельно необходимо прокомментировать использование политиком местоимений *I/we* в зависимости от характера ситуации. Так, в своем первом обращении к нации в статусе премьер-министра 25 октября 2022 года на пороге резиденции на Даунинг-стрит[1] при перечислении своих обещаний политик уверенно использует местоимение *I* (*I will unite our country not with words but with action, I will work day in day out to deliver for you*), тогда как сообщая о своих достижениях, он в большинстве случаев, но не всегда (*Before **I** became Prime Minister, the number of illegal arrivals into this country across the Channel had quadrupled in the past few years. Since **I**'ve become Prime Minister, they have gone down*), использует местоимение *we*, имея в виду работу всей команды (*When I first stood here as your*

[1] Rishi Sunak's first speech as Prime Minister: 25 October 2022. URL: https://www.gov.uk/government/speeches/prime-minister-rishi-sunaks-statement-25-october-2022 (accessed: 04.09.2024).

Prime Minister, I told you the most important task I had was to return stability to our economy. Inflation is back to target, mortgage rates are falling, and growth has returned. We have enhanced our standing in the world, rebuilding relations with allies…). В последнем из указанных примеров (пресс-конференция перед официальным сложением полномочий 5 июля 2024 года[2] контраст между обещаниями (с местоимением *I*) и реальными достижениями политика за почти два года в должности премьер-министра подчеркивается не только дихотомией *I/we*, но и путем использования безагентивных структур (*Inflation is back to target, mortgage rates are falling, and growth has returned*). Целью такого намеренного камуфлирования своих достижений является демонстрация скромности политика и его умения быть благодарным. Однако британские журналисты и критики отнюдь не считают скромность характерной чертой Р. Сунака, наоборот, обвиняют его в нескромности и тщеславии[3]. И одной из причин такого восприятия политика является, в том числе, практически полное отсутствие (за редким исключением) в речи политика средств, способствующих соблюдению максим скромности и неконфликтности.

Арсенал используемых политиком синтаксических хеджмаркеров также невелик. В основном к ним относятся вводные фразы и выражения, а также парентетические конструкции (*that's why / it's why / I have therefore decided*), целью использования которых является перекладывание ответственности за принятые решения на внешние факторы за пределами компетенции политика. Сходную функцию выполняют и используемые политиком придаточные предложения условия и уступки и гипотетические конструкции.

That actually gives me the confidence to know that once we can resolve the outstanding industrial action that we will be able to see waiting lists fail (Если препятствие в виде бастующих медработников будет преодолено, то это со стопроцентной вероятностью поможет решить вопрос длинных очередей на прием к специалистам). *Considering that it takes up to 15 years to train a consultant, there is no politics in this investment, it is not about a loan* (Текущие трудности в национальной системе здравоохранения обусловлены трудностями в подготовке квалифицированных кадров, что никак не зависит от принимаемых политических решений).

---

[2] Rishi Sunak's final speech as Prime Minister: 5 July 2024. URL: https://www.gov.uk/government/speeches/rishi-sunaks-final-speech-as-prime-minister-5-july-2024 (accessed: 04.09.2024).

[3] Ben Elton's savage speech. URL: https://www.express.co.uk/news/politics/1784263/ben-elton-speech-rishi-sunak-kuenssberg (accessed: 04.09.2024).

Из приведенных немногочисленных примеров использования лексико-грамматических и синтаксических средств речевого отгораживания становится непонятным, как политика, называющего вещи своими именами, чьи выступления изобилуют скорее средствами усиления, а не смягчения, обвиняют в фарисействе, увертках и буквально сочащемся из него тщеславии (*He owes us honesty but we got nothing but mendacity, evasion and vanity, just dripping with vanity*), а его речи сравнивают с оруэлловским бессмысленным уклончивым словесным салатом (*extraordinary Orwellian, meaningless, evasive word salad*). Такими нелицеприятными эпитетами наградил британского политика комик левого толка, сторонник Лейбористской партии Бен Элтон[4] после просмотра интервью политика, которое он дал Лауре Куэнссберг, ведущей одного из главных политических шоу страны BBC Sunday Morning[5]. Об увиливании политика от прямых ответов на поставленные вопросы говорила и интервьюировавшая его британская журналистка Сюзанна Рид, ведущая программы Good Morning Britain на телеканале ITV[6]. Очевидно, что при формировании своей негативной оценки журналисты прежде всего анализировали действия (или бездействие) политика, а не вербальную составляющую его выступлений.

Несмотря на то, что в большинстве современных исследований по проблемам хедж-обработки говорится о том, что хеджирование как риторическая стратегия реализуется с помощью ряда стилистических, лексических, грамматических и фонетических приемов [Михалева, Пушинина, 2022], анализ хедж-маркеров в исследованиях подобного рода сводится в основном к описанию лексико-грамматических и синтаксических средств. На наш взгляд, больший интерес для исследователей политического дискурса представляют именно стилистические (риторические) средства речевого отгораживания. Выделенная для экономического дискурса Германии и Швейцарии классификация стилистических хеджей — цитирование, эвфемизация, риторические вопросы, вводные (парентетические) конструкции [Седова, 2022: 35] в политическом дискурсе может быть уточнена и дополнена. Необходимо отметить, что поскольку дискурсивные средства речевого отгораживания «актуализируются только в контексте, образуя, таким образом, открытое множество средств вы-

[4] Там же.

[5] Sunday with Laura Kuenssberg. URL: https://youtube.com/watch?v=ehoj4yLCtxo&si=3o_H9KC7zeeb1wq (accessed: 05.09.2024).

[6] Rishi Sunak: Susanna Reid Interviews the Prime Minister. URL: https://youtube.com/watch?v=_1dJpe9sIY8&si=qNErGuKMz3jJ8pst (accessed: 05.09.2024).

ражения данной категории на всех уровнях языка» [Катина, 2012: 325], составить единую, полную, непротиворечивую универсальную классификацию не представляется возможным. При анализе разноуровневых хеджей необходимо руководствоваться степенью реализации ими основных целей риторической категории хеджирования — «снижение категоричности высказывания, уменьшение ответственности за сообщаемое, соблюдение максим скромности и неконфликтности» [Катина, 2012: 328], то есть прагматику указанных средств.

Цитирование в идиодискурсе Р. Сунака выполняет функцию частичного или полного снятия ответственности за содержание последующего высказывания. Приведем ряд примеров.

> *Inflation is the biggest destroyer of everything: industry, jobs, savings and society. "There is no politician who puts jeopardizing defeating inflation — regardless of its short-term appeal — may be right". These are not my words, but the words of Margaret Thatcher: they are as true now as they were then*[7].

Полная цитация из выступления лидера Консервативной партии Великобритании, премьер-министра в период с 1979 по 1990 гг. Маргарет Тэтчер объясняет преемственность политического курса консерваторов и частично снимает ответственность с Р. Сунака за болезненные политические решения, которые политик вынужден принять в отношении сдерживания инфляции.

> *It's slightly ironic because from the moment I got this job, Keir Starmer was telling me: "Call an election, call an election". And now that we've called an election, he says: "Oh, no, don't call an election"*[8].

Данная редуцированная свободная цитация из обвинений, выдвигаемых основным противником Риши Сунака Киром Стармером, снимает с Сунака ответственность за организацию всеобщих выборов летом, а не осенью, когда, по объективным причинам, ожидается еще больший рост цен на продукты питания и отопление.

Риторические вопросы и эвфемизмы не являются частотными стилистическими хедж-средствами в идиодискурсе Р. Сунака, поскольку политик отдает предпочтение иным стилистическим и риторическим средствам речевого отгораживания. Так, в жанре острых политических интервью и политических дебатов Риши

---

[7] Rishi Sunak's full speech: "It's time for change. And this is us". URL: https://thetimeson.ru/2023/10/05/rishi-sunaks-full-speech-its-time-for-change-and-this-is-us/?ysclid=m0e0zmdq9k262147157 (accessed: 04.09.2024).

[8] Sunak and Starmer's fiery first head-to-head debate. URL: https://youtube.com/watch?v=Isu7_5tDXyI&si=FP5tVYYe1KfMPX7t (accessed: 04.09.2024).

Сунак чаще всего прибегает к окружению неприятной, порочащей репутацию политика информации большим количеством разнообразных митигационных средств.

> *And again, Susanna, I know you'd like to say, it's my fault, I get that, but it's worth bearing in mind when we've had a war that means that food supplies are disrupted, Ukraine being one of the largest exporters of grain in Europe, it's had an impact everywhere in Europe. Food prices in the UK right now are actually lower than they are in most of Europe. It doesn't help people, I get that. That's why I'm helping (здесь и далее — цитаты из интервью Р. Сунака журналисту программы Good Morning Britain Сюзанне Рид*[9].

Р. Сунак признает факт роста цен на продукты питания и низкой эффективности мер по сдерживанию этого роста (*It doesn't help people, I get that*). Однако структурно это признание расположено в конце длинного перечня митигационных средств: 1) упреждение обвинений со стороны журналиста (*I know you'd like to say, it's my fault, I get that*), что делает дальнейшие обвинения с ее стороны бессмысленными; 2) перекладывание ответственности за рост цен на объективную ситуацию — войну на Украине и невозможность поставок зерна из этой страны; 3) сравнение с другими европейскими странами, где рост цен на продукты еще существеннее; 4) после признания факта инфляции и недостаточной эффективности принимаемых мер сообщение о том, что помощь оказывается (*That's why I'm helping*).

> Susanna Reid: *Waiting lists now. 7.68 million people are waiting to start treatment at the end of July — the highest number since records began. The NHS is broken under your watch, isn't it?*
>
> Rishi Sunak: *No, I absolutely don't think that's right. I come from the NHS family. My dad was a GP, my mom was a pharmacist but I think everyone should have known that we have had a pandemic, which is why waiting lists are record high. Everyone is having a tough time with waiting lists. Ambulance waiting times have gone down considerably.*
>
> Susanna Reid: *But we are not talking about that. We are talking about waiting lists for treatment.*

В данном отрывке признание неприятного факта рекордно длинных списков пациентов, ожидающих лечения (*which is why waiting lists are record high*), также смягчено целым комплексом митигаторов: 1) личной заинтересованностью в решении проблемы,

[9] Rishi Sunak: Susanna Reid Interviews the Prime Minister. URL: https://youtube.com/watch?v=_1dJpe9sIY8&si=qNErGuKMz3jJ8pst (accessed: 04.09.2024).

будучи выходцем из семьи врача и фармацевта; 2) перекладыванием ответственности за создавшуюся ситуацию на пандемию; 3) упоминание о том, что везде (видимо, политик снова имел в виду европейские страны) наблюдаются такие очереди из пациентов, ожидающих лечения; 4) упоминание своих достижений в сокращении времени ожидания скорой помощи, хотя речь об этом не шла.

Такие приемы смягчения неприятной ситуации, камуфлирования истинного положения дел и снятия с себя ответственности достаточно частотны в выступлениях политика, особенно в жанре политических интервью и политических дебатов.

Рассмотрим теперь фонетические средства хеджирования (динамический, тональный и темпоральный просодические компоненты) в идиодискурсе бывшего премьер-министра, которые М.Ю. Сейранян трактует не только как «сопутствующий компонент реализации хеджирования, но и как самостоятельные средства речевого отгораживания» [Сейранян, 2023: 389]. При этом исследователь справедливо отмечает, что трактовать динамический, тональный и темпоральный просодические компоненты как средства хеджирования можно только при учете всего интонационного контура контекста.

Фонетический анализ выступлений Р. Сунака позволил определить зависимость просодических компонентов от типа политического выступления (обращение к нации, политические дебаты, политическое интервью), а также от особенностей экстралингвистического контекста и эмоционального состояния политика. Так, при ответе на «неудобные» вопросы политик заметно увеличивал темп речи (увеличение скорости речи является одним из просодических хедж-инструментов). Что касается тональной окраски речи политика, преобладающими тонами являются высокий нисходящий тон (High Fall), низкий нисходящий тон (Low Rise), особенно при перечислении достижений за период своего премьерства, а также нисходяще-восходящий ядерный тон (Fall-Rise) как реакция на острые вопросы журналистов. Совершенно другая интонационная разметка характеризует последнее выступление политика на посту премьер-министра 5 июля 2024 года. Преобладающий низкий нисходящий тон (Low Fall) с нисходящей (Descending Head) или средней ровной шкалой (Medium Level Head) является просодическим средством хеджирования, служащим для соблюдения максим скромности и неконфликтности, а также для уменьшения импозитивности высказывания, поскольку последнее обращение к нации в статусе премьер-министра — это не повод для лаудации.

Заключение

Проведенное исследование позволило установить, что хеджи представляют собой открытое множество актуализируемых в контексте средств речевого отгораживания (лексических, грамматических, синтаксических, стилистических, просодических), активно применяемых политиками в различных жанрах и поджанрах политического дискурса для снижения категоричности высказывания, уменьшения ответственности за содержание сообщения, деперсонификации высказывания, соблюдения максим скромности и вежливости (в том числе, негативной), служащих для более полного раскрытия портрета языковой личности, поскольку именно особенности языковой личности определяют набор преобладающих в идиодискурсе хедж-маркеров и их основную функцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнян К.* Хеджирование в политическом дискурсе // Ученые записки Арцахского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 1. 2015. С. 126–129.

2. *Власян Г.Р., Петрова Е.М.* Лингвистическое хеджирование как средство реализации стратегий вежливости в разговорном диалоге // Культура и текст, 2021. №. 1 (44). С. 216–227.

3. *Катина Н.А.* Функциональная специфика дискурсивных маркеров «речевое отгораживание» // Фундаментальная наука вузам. 2012. Вып. 3. С. 324–328.

4. *Михалева Е.И., Пушинина И.В.* Прагматические особенности хеджирования в академическом дискурсе // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2022. 45 (1). С. 113–124.

5. *Осипов Г.А.* Хеджирование как прагматический инструмент политического дискурса // Международный научно-исследовательский журнал. Филологические науки. Екатеринбург. 2012. Вып. 3(3). С. 57–59.

6. *Пастухова О.Д.* Хеджирование в политическом дискурсе // Мир науки, культуры, образования. 2018. Вып. 4 (71). С. 510–511.

7. *Седова А.В.* Хеджирование в экономическом дискурсе Германии и Швейцарии (на материале немецкоязычной прессы) диссертация ... кандидата филологических наук 5.9.6. Москва, 2022.

8. *Сейранян М.Ю.* Прагматический потенциал хеджирования в британском политическом дискурсе // Лексикология и дискурсивные исследования. 2023. Вып. 2. С. 385–391.

9. *Brown P., Levinson S.* Politiness: Some universals in language usage // Studies in International Sociolinguistics. Cambridge. 1987.

10. *Clemen G.* Hecken in deutschen und englischen Texten der Wirtschaftskommunikation: Inaugural–Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde des Fachbereichs 3 der Universität Gesamthochschule Siegen. Siegen. 1998.

11. *Fraser B.* Conversational mitigation // Journal of Pragmatics. New York. 1980. Pp. 341–350.

12. *Lakoff G.* Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Papers from the 8th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago. 1972. Pp. 183–228.

Ekaterina A. Antyukhova, Yulia A. Karaulova

COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC FUNCTIONS OF HEDGING

Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia;
e.antyukhova@gmail.com; karaulova8@gmail.com

Abstract. The phenomenon of a politician's linguistic personality is of particular interest in modern political linguistics. The reference to the speech of the former Prime Minister of Great Britain Rishi Sunak, related to the sphere of political communication, is made, as it allows us to form an evaluative idea of the persuasiveness of a politician as a public figure. The object of this study is the use of hedge processing tools in the American political discourse. Hedges, representing an open set of speech fencing tools actualized in the context (lexical, grammatical, syntactic, stylistic, prosodic), are actively used by politicians in various genres and subgenres of political discourse and serve to more fully reveal the portrait of the linguistic personality. An appeal to the pragmatics of speech fencing tools as discursive markers of idiostyle in the structure of a specific linguistic personality allows us to identify various types of discursive markers in the idiodiscourse of the former Prime Minister of Great Britain and determine their communicative and pragmatic function. An analysis of the main discursive markers of speech fencing allowed us to conclude that the choice of one or another hedge marker is influenced by the personal characteristics of the politician, his psychological state, as well as the extralinguistic context.

Keywords: hedge markers, speech fencing means, political discourse, idiodiscourse, hedging pragmatics, linguistic personality, communication strategies and tactics

For citation: Antyukhova, E.A., Karaulova, Yu.A. Communicative and pragmatic functions of hedging. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal,* no. 2(28), pp. 105–118. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-7 (In Russ.)

About the authors: Ekaterina A. Antyukhova — Dr. Habil in Political Sciences, Associate Professor, Professor, Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA (MGIMO University); e.antyukhova@gmail.com; *Yulia A. Karaulova* — PhD in Law, Associate Professor, Department of English No. 6, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA (MGIMO University); karaulova8@gmail.com

REFERENCES

1. Harutyunyan K. 2015. Hedzhirovanie v politicheskom diskurse [Hedging in political discourse]. *Scientific notes of the Artsakh State University*. *Humanities*, no. 1, pp. 126–129. (In Russ.)

2. Vlasyan G.R., Petrova E.M. 2021. Lingvisticheskoe hedzhirovanie kak sredstvo realizacii strategij vezhlivosti v razgovornom dialoge [Linguistic hedging as a means of implementing politeness strategies in conversational dialogue]. *Culture and Text*, no. 1 (44), pp. 216–227. (In Russ.)

3. Katina N.A. 2012. Funkcional'naja specifika diskursivnyh markerov «rechevoe otgorazhivanie» [Functional specificity of discursive markers "speech isolation"]. *Fundamental science to universities*, no. 3, pp. 324–328. (In Russ.)

4. Mikhaleva E.I., Pushinina I.V. 2022. Pragmaticheskie osobennosti hedzhirovanija v akademicheskom diskurse [Pragmatic features of hedging in academic discourse]. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University*. *Ser. "Philology. Theory of language. Language education"*, no. 45 (1), pp. 113–124. (In Russ.)

5. Osipov G.A. 2012. Hedzhirovanie kak pragmaticheskij instrument politicheskogo diskursa [Hedging as a pragmatic tool of political discourse]. *International Scientific Research Journal. Philological sciences*, no. 3(3), pp. 57–59. (In Russ.)

6. Pastukhova O.D. 2018. Hedzhirovanie v politicheskom diskurse [Hedging in political discourse]. *World of Science, culture, education,* no. 4 (71), pp. 510–511. (In Russ.)

7. Sedova A.V. 2022. *Hedzhirovanie v jekonomicheskom diskurse Germanii i Shvejcarii* [Hedging in the economic discourse of Germany and Switzerland] (based on the material of the German-language press) dissertation... Candidate of Philological Sciences 5.9.6. Moscow. (In Russ.)

8. Seyranyan M.Y. 2023. Pragmaticheskij potencial hedzhirovanija v britanskom politicheskom diskurse [The pragmatic potential of hedging in British political discourse]. *Lexicology and Discursive Research*, no. 2, pp. 385–391 (In Russ.)

9. Brown P., Levinson S. 1987. *Politiness:* Some universals in language usage. *Studies in International Sociolinguistics.* Cambridge: Cambridge University Press.

10. Clemen G. 1988. *Hecken in deutschen und englischen Texten der Wirtschaftskommunikation: Inaugural–Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde des Fachbereichs 3 der Universität Gesamthochschule Siegen*. Siegen: Universität Gesamthochschule Siegen. (In Germ.)

11. Fraser B. 1980. Conversational mitigation. *Journal of Pragmatics.* New York: Academic Press, pp. 341–350.

12. Lakoff G. 1972. *Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts.* Papers from the 8th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society, Chicago, pp. 183–228.

Статья поступила в редакцию 23.01.2025;
одобрена после рецензирования 07.03.2025;
принята к публикации 22.03.2025.

The article was submitted 23.01.2025;
approved after reviewing 07.03.2025;
accepted for publication 22.03.2025.

Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 119–133
Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal, 2025, vol. 28, no. 2, pp. 119–133

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ И ТЕКСТОЛОГИИ

Т.Г. Добросклонская

АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ ПРЕССЫ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; tatdobro@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию идеологической модальности в современном англоязычном дискурсе прессы. Категория идеологической модальности выделяет из широкого спектра модально-оценочных отношений те, что отражают определенные политические взгляды и идеологические ценности. В дискурсе прессы данная категория конституируется на основе элементов текста, связанных с передачей идеологизированных значений и смыслов, позволяя объективно описать уровень идеологической маркированности текста на основе анализа используемых языковых средств. Автор статьи рассматривает категорию идеологической модальности на теоретико-методологической основе медиалингвистики, ключевым понятием которой выступает медиатекст, определяемый как актуализированное в определенном формате и объединенное общим смыслом последовательное сочетание знаковых единиц вербального и медийного уровней. Анализ идеологической модальности проводится на материале новостных и информационно-аналитических текстов британской и американской качественной прессы разной политической направленности (консервативной и либеральной), что позволяет выявить и описать ключевые различия в использовании языковых средств для актуализации данной категории. На вербальном уровне способы выражения идеологической модальности охватывают широкий диапазон языковых средств, включая употребление слов и словосочетаний с оценочным значением, с отрицательными или положительными коннотациями, манипуляции номинативной лексикой с идеологической компонентой.

Добросклонская Татьяна Георгиевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведния МГУ имени М.В. Ломоносова; tatdobro@mail.ru

© Добросклонская Т.Г., 2025

Ключевые слова: дискурс прессы, категория идеологической модальности, информационная картина мира, новостные тексты, информационно-аналитические тексты, медиалингвистика, англоязычный дискурс прессы

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-8

Для цитирования: Добросклонская Т.Г. Актуализация категории идеологической модальности в англоязычном дискурсе прессы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 119–133. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-8

Актуальность. Одной из ключевых характеристик современного дискурса прессы является его идеологичность, иначе говоря, способность текстов массовой информации транслировать определенные идеологические смыслы и политические взгляды как в скрытой, имплицитной, так и в открытой, эксплицитной, формах. Особую актуальность изучение идеологической модальности приобретает в современном контексте обострения информационного противостояния на всех уровнях — как между акторами международных политических коммуникаций, так и внутри глобального англоязычного медиапространства, что отражает конфликт интересов и различия в политических взглядах и установках.

Наибольший интерес с точки зрения актуализации идеологической модальности в корпусе массмедийного дискурса, в том числе дискурса англоязычного, представляют новостные и информационно-аналитические тексты, поскольку служат основой для формирования массмедийной картины мира.

Степень изученности вопроса. Вопросы изучения модальности как важнейшей способности языка отражать отношение содержания высказывания к действительности (объективная модальность) и отношение говорящего к предмету речи (субъективная модальность) на протяжении долгого времени привлекали внимание лингвистов [Балли, 1955, Виноградов, 1975]. Вместе с тем изучение модальности в связи с анализом политико-идеологических аспектов речевых коммуникаций стало активно развиваться в начале XXI века, в частности в работах, посвященных исследованиям политического дискурса [Бородавкина, 2012, Демьянков, 2002, Шейгал, 2000, Чернявская, 2006]. При этом большинство авторов при рассмотрении модальности политического дискурса подчеркивают ее идеологический характер, когда объективная модальность используется как инструмент формирования заданной политической реальности, оказывая манипулятивное воздействие на массовую аудиторию [Карамова, 2014, Михайловская, 2010, Филичкина, 2017].

Выделение идеологической модальности в качестве самостоятельной категории массмедийного дискурса подробно обосновано в 2009 году в статье Добросклонской Т.Г. «Лингвистические способы выражения идеологической модальности в медиатекстах» [Добросклонская, 2009].

Определение ключевых понятий. Ключевыми для исследования идеологического модуса речевых медиапрактик являются понятия *массмедийный дискурс, медиатекст и идеологическая модальность*. В самом определении массмедийного дискурса как совокупного корпуса текстов, распространяемых средствами массовой информации, изначально содержится идеологическая компонента, поскольку базовой, «стрежневой» составляющей современного корпуса медиаречи являются новости в сфере мировой и внутренней политики и новостной комментарий (информационная аналитика). В свою очередь дискретной единицей массмедийного дискурса выступает медиатекст, определяемый с точки зрения медиалингвистики как «актуализированное в определенном медиаформате и объединенное общим смыслом последовательное сочетание знаковых единиц вербального и медийного уровней» [Добросклонская, 2020]. К основным свойствам медиатекстов относятся поликодовость, мультимедийность, интертекстуальность, форматно-жанровая гибкость и идеологичность.

Категория идеологической модальности. Категория идеологической модальности основывается на определении идеологии как совокупности идей, взглядов, системы ценностей и социальных отношений, присущих тому или иному обществу или общественной группе. В отличие от собственно языковой категории модальности, категория идеологической модальности выделяет из широкого спектра модально-оценочных отношений те, которые строятся на основе определенных политических взглядов и идеологических ценностей. В массмедийном дискурсе данная категория конституируется на основе элементов медиатекста, связанных с передачей идеологизированных значений и смыслов, позволяя выделить и объективно описать уровень идеологической маркированности медиатекста на основе анализа языковых и медийных средств.

Подобно общеязыковой категории модальности, идеологическая модальность может носить объективный и субъективный характер. Объективная идеологическая модальность понимается как отношение медиасообщения к действительности. Субъективная идеологическая модальность — отношение отправителя медиасообщения (информагентства или автора конкретного медиатекста) к описываемому событию, иначе говоря, предмету сообщения.

В рамках объективной идеологической модальности можно выделить три следующих типа отношения медиасообщения к действительности — *отражение, реконструкция, фейк.* Тип «отражение» предполагает максимально точное, основанное на нейтральном изложении фактов освещение событий, что по канонам журналистики соответствует классическим требованиям к новостным текстам — объективность, непредвзятость. Главным признаком медиатекстов, актуализирующих данный тип идеологической модальности, является активное использование цитатной речи, наличие ссылок на источник информации и отсутствие оценочно-комментирующего компонента, как, например, в приводимом ниже сообщении.

> *UNITED NATIONS, Feb. 28 The consequences of severe cuts in U.S. foreign aid will be especially devastating for vulnerable people across the world, and the move will "run counter to" Washington's global interests, UN Secretary-General Antonio Guterres warned on Friday. Guterres said at a press conference that he is deeply concerned about information received in the last 48 hours by UN agencies and aid NGOs regarding severe cuts in U.S. funding.*[1]

В основе типа «реконструкция» лежит сложный процесс интерпретации, когда событие-факт, попадая в фокус внимания СМИ, превращается в медиасобытие, «конструируется» различными участниками медиакоммуникаций в соответствии с их политико-идеологическими взглядами и установками. Данный тип объективной модальности наиболее свойственен информационной аналитике, обязательным компонентом которой является наличие аналитически-комментирующей и идеологически-оценочной части. На это, в частности, указывает известный исследователь медиадискурса Теун Ван Дейк в книге «Идеология: междисциплинарный подход»: «*События и явления не обладают значением сами по себе, эти значения конструируются при сообщении о событиях на основе взаимодействия многих социально-идеологических факторов — классовой принадлежности, гендера, расы, культуры, политических убеждений и т.д.*» [Van Dijk, 1998]. Примером такого типа объективной модальности служит приводимый ниже фрагмент из статьи американского издания The American Conservative о выступлении вице-президента США Д.Д. Вэнса на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2025 года:

> *Surveying the sorry state of European politics, Vance noted a contradiction, one of those puzzles produced by and insoluble within an outdated paradigm:*

[1] https://english.news.cn/20250301/90f23215e8014fbd9db3d8273ac46116/c.html (accessed: 01.03.2025).

Europe, the birthplace of liberal democracy, has lately been annulling election outcomes and suppressing freedom of speech and religion. In Vance's telling, global liberalism has generated crises in the democratic West that European governments have managed, ineptly, by illiberal and undemocratic means.[2]

Актуализация объективной модальности по типу «фейк» представляет собой особый случай, продукт так называемой эпохи постправды и фейковых новостей, когда при перенесении в сферу медиа событие-факт либо кардинально искажается, либо средства массовой информации искусственно создают своего рода медиасобытие «симулякр», не имеющее связи с реальным фактом действительности.

Анализ идеологической модальности на платформе медиалингвистики основывается на понимании медиатекста как актуализированного в определенном медиаформате сочетания единиц вербального и медийного уровней, что предполагает последовательное изучение идеологически нагруженных элементов текста на всех его уровнях — вербальном, медийном и уровне соединения вербальной и медийной части. На вербальном уровне исследование фокусируется на лингвостилистических свойствах текста; на медийном анализируются характеристики, связанные с технологическими возможностями канала распространения — графика, иллюстрации, аудиоряд, видеоряд; на уровне соединения вербальной и медийной части — принципы сочетания вербалики с медийным рядом, к которым относятся иллюстрация, дополнение, коннотация, ассоциация и контраст.

Методология исследования. Существенное значение для исследования идеологической модальности в плане методологии имеют понятие «информационная (медийная) картина мира», способы интерпретации и коммуникационная модель как инструмент дискурсивного анализа идеологически нагруженных медиасообщений.

Информационная картина мира складывается в сознании массовой аудитории и индивидуальных пользователей из бесконечного множества постоянно обновляемых и распространяемых средствами массовой информации сообщений. В самом общем виде медиакартина мира может быть определена как виртуальная реальность, продуцируемая средствами массовой информации, которая существует параллельно с объективной действительностью и реализуется в виде непрерывного потока новостных текстов, образующих глобальный корпус массмедийного дискурса.

[2] https://www.theamericanconservative.com/what-vances-munich-speech-really-means/ (accessed: 16.02.2025).

Важнейшим фактором формирования информационной картины мира является доминирующая в том или ином обществе система политико-идеологических установок и социокультурных ценностей, которая определяет ее базовые составляющие — от отбора событий для последующего освещения (agenda-setting) до диапазона интерпретаций, допустимого в рамках конкретного медиаканала или издания.

Хотя очевидно, что роль политико-идеологических факторов в формировании массмедийного дискурса и, соответственно, информационной картины мира просматривается уже на этапе отбора фактов (замалчивание, исключение из новостной повестки, предпочтительное освещение менее значимых событий для затенения более значимых и т.п.), ключевое значение для понимания идеологической компоненты массмедийного дискурса имеет этап *интерпретации,* на котором «событие-факт» превращается в «медиа-событие».

Важным моментом для понимания интерпретации является то, что она представляет собой процесс и результат одновременно, предполагая некоторую степень свободы в толковании смысла, границы которой обусловлены как естественными законами семантического соответствия, так и идеологическими факторами. К важнейшим компонентам интерпретации относятся предмет интерпретации, коммуникативная интенция автора, оценка, а также культуро-специфичные и идеологические факторы, влияющие на интерпретационный результат. Значимым для анализа интерпретационных свойств медиатекстов является также понятие «*диапазон интерпретации*», охватывающее весь спектр различий — языковых, социокультурных и идеологических, которые имеют место при освещении одного и того же события различными участниками информационного процесса. Интерпретационные колебания могут наблюдаться как внутри медиаканалов и изданий, принадлежащих к одной финансово-административной группе, так и между изданиями противоположной политико-идеологической направленности.

Так, знаковое для Европы выступление вице-президента США Д.Д. Вэнса на 61 Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2025 года, содержащее солидную порцию критики в адрес европейских либеральных политиков, освещалось либеральными и консервативными СМИ с абсолютно различных идеологических позиций, что ясно просматривается в приводимых ниже фрагментах.

1) *Консервативное издание США The American Conservative.*

Last week America's vice president swaggered into Munich and on Friday unleashed a blistering tirade against Europe. At least, that's how pearl-clutching Eurocrats received Vice President J.D. Vance's speech at the annual Munich Security Conference. This knee-jerk reaction misses the point. Vance didn't do the rhetorical equivalent of giving Europe the middle finger. Nor did he announce Washington's divorce from lady Europa. Rather, he laid out a vision of the collective West in the age of what some call "multipolarity," a flabby term that fails to signal what it actually points to: a clash of civilizations.[3]

2) *Британская газета The Guardian, считающаяся рупором либерально-демократических взглядов.*

Friday's speech by JD Vance, the US vice-president, has the potential to be the most consequential. Sometimes, even in this digital age, speeches can act as clarifiers. Yes, the 22 minutes were full of laughable hypocrisy, distorted portraits of European democracy and insensitivity to Europe's trauma with fascism, but for what it said about the chasm in values between most in Europe and the Trump administration, it was hard to overlook.[4]

Диапазон интерпретационных колебаний также увеличивается при освещении одного и того же события медиаканалами разных стран, так как к фактору идеологичности добавляется фактор национально-культурной специфики.

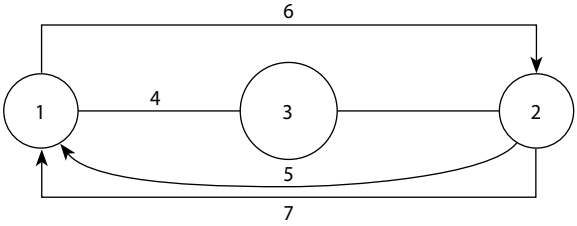


Схема 1. Универсальная коммуникационная модель

Для исследования идеологической модальности массмедийного дискурса огромное значение имеет применение *универсальной коммуникационной модели* (схема 1). Разработанная на основе традиций моделирования коммуникационно-информационного пространства данная модель представляет коммуникативный акт, в том числе в сфере массмедиа и политических коммуникаций, в виде

[3] What Vance's Munich Speech Really Means // The American Conservative. URL: https://www.theamericanconservative.com/what-vances-munich-speech-really-means/ (accessed: 17.02.2025).

[4] JD Vance's Munich speech laid bare the collapse of the transatlantic alliance // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/world/2025/feb/15/jd-vance-munich-speech-laid-bare-collapse-transatlantic-alliance-us-europe/ (accessed: 17.02.2025).

структуры составляющих его компонентов: отправитель сообщения (1), его получатель (2), канал (4), обратная связь (5), сообщение (3), кодирование и декодирование сообщения (6, 7) и контекст (8).

Эффективность данной модели для анализа идеологической составляющей массмедийного дискурса заключается в том, что она позволяет проследить влияние политико-идеологических факторов на процесс формирования информационной картины мира с учетом всех задействованных компонентов — от создателя текста и канала сообщения до контекста и особенностей массовой аудитории [Добросклонская, 2020].

Анализ материала. Как было отмечено, категория идеологической модальности наиболее активно реализуется в новостных и информационно-аналитических текстах, насыщенных идеологическими смыслами и интерпретациями. Анализ новостных сообщений на политическую тематику в англоязычном медиадискурсе показывает, что всё чаще наблюдается отход от классических канонов новостной журналистики — принципов объективности, непредвзятости, последовательного разделения фактов и комментария. Подача информации в заданной идеологической интерпретации, в виде готовой «идеологической обертки» становится распространенной практикой, в том числе в так называемой quality press, что предполагает заранее заданные матрицы восприятия, освобождая или, точнее сказать, лишая медиапользователей возможности критического осмысления происходящих событий. Подобное обращение с информацией в современных условиях информационно-когнитивных и ментальных войн не только препятствует критическому восприятию новостной картины мира, но и оказывает деструктивное воздействие на общественное и индивидуальное сознание в целом.

В новостных разделах ведущих англоязычных изданий сообщения, сформированные по типу объективной идеологической модальности «отражение», т.е. по определению максимально нейтральные, всё чаще содержат вербальные единицы с оценочными коннотациями, как, например, в приведенных далее сообщениях о поднятии США торговых тарифов для Китая.

> *1) Donald Trump has threatened China with an additional 10% tariff on its exports to the US, prompting a promise of "countermeasures" from Beijing and setting the stage for another significant escalation in the two governments' trade war.*[5]

[5] China promises 'countermeasures' after Trump threatens additional 10% tariff // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/us-news/2025/feb/27/trump-tariffs-canada-mexico/ (accessed: 27.02.2025).

2) China on Friday expressed firm opposition to the US' using the fentanyl issue as a pretext to threaten additional 10 percent tariffs on imports from China, with the Chinese Ministry of Foreign Affairs (MFA) accusing the US of "pressure and blackmail China," vowing to take "what is necessary" to firmly defend its legitimate interests.[6]

Специфика актуализации категории идеологической модальности в *информационной аналитике* обусловлена изначальной целью текстов данного формата — представить анализ и прокомментировать события, получившие освещение в разделе «новости». В отличие от новостных текстов, которые могут быть как авторскими, так и от лица того или иного информационного агентства (ТАСС, Reuters, AP, Xinhua и т.д.), тексты новостного комментария и аналитики всегда авторские, что определяет их лингвостилистические характеристики, в частности, широкое использование экспрессивно-оценочной лексики. Так, статья политического обозревателя газеты The Guardian Патрика Винтура о выступлении вице-президента США Д.Д. Вэнса на Мюнхенской конференции по безопасности 2025 насыщена лексикой, маркированной в плане идеологической модальности.

The US vice-president, JD Vance, has launched a brutal ideological assault on Europe, accusing its leaders of suppressing free speech, failing to halt illegal migration and running in fear from voters' true beliefs. In a chastising speech on Friday that openly questioned whether current European values warranted defence by the US, he painted a picture of European politics infected by media censorship, cancelled elections and political correctness.[7]

Будучи авторскими, тексты политического комментария и информационной аналитики, в отличие от новостей, всегда отражают субъективную позицию, т.е. отношение автора текста к анализируемым событиям, что естественно расширяет спектр модальных отношений, добавляя к объективной модальности (отношение медиасообщения к описываемому событию) модальность субъективную (отношение субъекта сообщения к его предмету). Поэтому именно в текстах информационной аналитики наиболее наглядно проявляются различия в политико-идеологической ориентации медиаканала или издания в зависимости от того, какие взгляды они транслируют, на какую аудиторию нацелены, с какой партией или

[6] China accuses US of 'blackmail' after Trump's new 10% tariff threat // Global Times. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202502/1329256.shtml (accessed: 27.02.2025).

[7] JD Vance stuns Munich conference with blistering attack on Europe's leaders // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/us-news/2025/feb/14/jd-vance-stuns-munich-conference-with-blistering-attack-on-europes-leaders/ (accessed: 15.02.2025).

движением из широкого политического спектра ассоциируются — консерваторами, либералами, левыми, правыми, социал-демократами, занимающими центристскую позицию и т.д.

Особенно явно поляризация идеологических взглядов внутри англоязычного медиадискурса просматривается на примере изданий, традиционно аффилированных с консервативной и либеральной идеологией, что иллюстрируют приводимые далее фрагменты текстов из британского либерального издания The Guardian (1) и американского The Hill (2), считающегося выразителем правительственных взглядов, о так взбудоражившей Европу в феврале 2025 года речи Д.Д. Вэнса на Мюнхенской конференции.

1) The Guardian view on JD Vance in Munich: Europe must stand up for its values. Europe was slow to wake up to the implications of a newly rivalrous and multipolar world, in which transatlantic ties would no longer bind in the same way. The new reality will be characterised by Trumpian bluff, bluster and brinkmanship. Following Mr Vance's visit to Munich, leaders can hardly say they have not been warned. The task now is to find ways to safeguard the European model from an increasingly sinister US administration that would love to see it fail.[8]

2) Vice President JD Vance set off a firestorm in Munich when he chastised European leaders for their hostility toward free speech, their democratic deficit and their poorly conceived immigration policies. Vance's shocking words — and the prospects of American disengagement — were so traumatic, they prompted French President Emmanuel Macron to cobble together an emergency summit of European leaders, where the participants promptly agreed on nothing.[9]

Важным проявлением идеологической модальности в массмедийном дискурсе является использование номинативной лексики для называния участников политических и военных конфликтов. Война терминов — один из главных приемов современных информационно-когнитивных войн, и то, какое слово применить для обозначения противоборствующих сторон имеет огромное значение не только в контексте массмедийного дискурса, но в первую очередь с точки зрения международных отношений и дипломатических документов, в которых и фиксируется принятая формулировка. Наглядной иллюстрацией таких «номинативных разногласий» являет-

[8] The Guardian view on JD Vance in Munich: Europe must stand up for its values. // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2025/feb/16/the-guardian-view-on-jd-vance-in-munich-europe-must-stand-up-for-its-values/ (accessed: 17.02.2025).

[9] JD Vance's Munich speech makes clear: Europe just doesn't get it // The Hill. URL: https://thehill.com/opinion/international/5154114-vice-president-vance-munich-speech/ (accessed: 20.02.2025).

ся отказ США использовать слово «агрессор» в отношении России в резолюции саммита стран Большой семерки 2025 года.

> *U.S. objects to calling Russia 'aggressor' in G7 Statement on Invasion. The American objections to the statement come after President Trump earlier this week blamed Ukraine for starting the war, which in fact began with Russia's attack on Ukraine.*[10]

В отличие от международных документов, где использование того или иного номинатива для названия участников военно-политических конфликтов согласовывается на дипломатическом уровне, авторы политического комментария в англоязычных СМИ не ограничивают себя в применении лексики с ярко выраженным негативным компонентом, иногда граничащих с прямым оскорблением, как в приводимом далее фрагменте из статьи британской газеты The Guardian, автор которой называет избранного президента США «осуждённым преступником», «серийным лжецом», «расистским демагогом» и в довершение сравнивает с Гитлером.

> *Donald Trump's shocking victory in the 2016 US presidential election was described as a leap into the political unknown. This time in 2024 there is no excuse. America knew that he was a convicted criminal, serial liar and racist demagogue who four years ago attempted to overthrow the government. It also saw Trump's venality and vulgarity, his crass insults and crude populism, his dehumanisation of immigrants that echoed Adolf Hitler.*[11]

Рассмотрение идеологической модальности как неотъемлемой характеристики современного англоязычного медиадискурса предполагает также изучение опорных слов, своего рода «реперных точек» политического медиаландшафта, частота использования которых указывает на их высокую значимость для выделения и описания ключевых идеологических трендов. Так, в рамках противостояния между различными акторами медиаполитических коммуникаций для обесценивания аргументов оппонента часто используются такие слова-ярлыки, как *bias, disinformation, misinformation, fake news, hate speech, propaganda.*

Выводы. Категория идеологической модальности, конструируемая на основе общеязыковой категории модальности, выражает как разные виды отношения медиасообщения к действительности

---

[10] U.S. Objects to Calling Russia 'Aggressor' in G7 Statement on Invasion // The New York Times. URL: https://www.nytimes.com/2025/02/20/world/europe/us-g7-russia-ukraine-war.html (accessed: 23.02.2025).

[11] Fear triumphs over hope as Trump wins the presidency — how did it happen? // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/us-news/2024/nov/06/how-trump-won-us-election-president (accessed: 10.02.2025).

(объективная модальность), так и разные виды отношения коллективного или индивидуального автора медиатекста к предмету сообщения (субъективная модальность). Отражая мировоззренческий характер массмедийного дискурса в целом и новостного дискурса в частности, категория идеологической модальности реализуется с помощью вербальных и медийных средств, направленных на формирование мнения и выражения оценки об освещаемых в медиатексте событиях. На вербальном уровне способы выражения идеологической модальности варьируются от прямых эксплицитных до скрытых, имплицитных, охватывая широкий диапазон языковых средств, включая:

- употребление слов и словосочетаний с оценочным значением, а также с отрицательными или положительными коннотациями;
- манипуляции номинативной лексикой с идеологической компонентой *(aggression, invasion, racist, violation of the freedom of speech)*.

На медийном уровне актуализация категории идеологической модальности основывается на использовании всех возможностей медиаряда, воздействующих на визуальное и слуховое восприятие — от фотографий, иллюстраций и видео до вирусных мемов, карикатур и аудиомузыкальных аллюзий. Для современного англоязычного медиадискурса, отражающего внутреннее противостояние различных политических движений и партий, характерна ярко выраженная поляризация медиатекстов в зависимости от политической направленности и продвигаемых идеологических установок, что выражается в высокой степени маркированности текста в плане категории идеологической модальности. Особое значение основанный на объективном системном анализе языковых фактов подход приобретает в условиях резкого падения доверия к СМИ, тотального распространения фейковых новостей и усиления информационного противостояния участников медиакоммуникации с различными политическими взглядами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. с 3-го фр. изд. Вентцель Е.В., Вентцель Т.В. М., 1955.

2. *Бородавкина Е.А.* Объективная модальность как инструмент манипулятивного воздействия в политическом дискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, 2012. Т. 7, № 1. С. 137–149.

3. *Виноградов В.В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке. Статья в книге «Исследования по русской грамматике: избранные труды». М., 1975. С. 53–87.

4. *Демьянков В.З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. 2002. № 3. С. 32–43.

5. *Добросклонская Т.Г.* Лингвистические способы выражения идеологической модальности в медиатекстах // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. 2009. № 1. С. 85–94.

6. *Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: актуальные направления изучения медиаречи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. 2020. № 4. С. 26–38.

7. *Карамова А.А.* Грамматические средства идеологичности политического дискурса // Политическая лингвистика, 2014. № 2. С. 143–148.

8. *Михайловская К.В.* Категория идеологической модальности и особенности ее реализации в общественно-политическом тексте // Вопросы современной лингвистики, 2010. № 3. С. 26–31.

9. *Филичкина Т.П.* Идеологическая модальность фразеологизмов в англоязычном политическом дискурсе // Вестник Брянского государственного университета 2017. № 2.

10. *Чернявская В.Е.* Дискурс власти, власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2006.

11. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000.

12. *Teun van Dijk.* Ideology: multidisciplinary approach, SAGE, 1998.

MODERN TRENDS IN LINGUISTICS AND TEXTOLOGY

Tatiana G. Dobrosklonskaya

THE CATEGORY OF IDEOLOGICAL MODALITY IN THE ENGLISH PRESS DISCOURSE

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; tatdobro@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of ideological modality in contemporary English press discourse. From a wide spectrum of modal-evaluative relations the category of ideological modality deals with the attitudes that reflect certain political views and ideological values. In press discourse this category is constituted on the basis of textual components, used to transmit ideologically charged meanings and interpretations, thus making it possible to describe objectively the level of ideological intensity of a text on the basis of the analysis of its linguistic and textual characteristics. The author analyzes the category of ideological modality within the theoretical frameworks of media linguistics, proceeding from the key definition of a media text as a consistent combination

of verbal and media components actualized in a certain format and integrated by common message. The study of ideological modality has been conducted on the material of the news and analytical commentary texts from the British and American quality press representing different political orientation (liberal and conservative), which allows us to single out and describe substantial differences in the use of language means for the actualization of the category in question. On the verbal level, ways of expressing ideological modality embrace a wide spectrum of language means, including the use of evaluative words and word-combinations, lexical units with negative and positive connotations and ideologically charged nominations.

Keywords: press discourse, media text, category of ideological modality, world information picture, news texts, analytical commentary texts, English media discourse, media linguistics

For citation: Dobrosklonskaya T.G. (2025). The category of ideological modality in the English press discourse. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal,* no. 2(28), pp. 119–133. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-8 (In Russ.)

About the author: Tatiana G. Dobrosklonskaya — Dr. Habil in Philology, Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; tatdobro@mail.ru

REFERENCES

1. Balli Sh. 1955. *Obshchaya lingvistika i voprosy francuzskogo yazyka* [General linguistics and the issues of the French Language]. Per. s 3-go fr. izd. Ventcel' E.V., Ventcel' T.V. Moscow. (In Russ.)

2. Borodavkina E.A. 2012. Objektivnaya modalnost' kak instrument manipulyativnogo vozdejstviya v politicheskom diskurse [Objective modality as instrument of the manipulative impact in political discourse]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*, tom 7, no. 1, pp. 137–149. (In Russ.)

3. Vinogradov V.V. 1975. O kategorii modal'nosti i modal'nyh slovah v russkom yazyke [On category of modality and modal words in the Russian language]. *Issledovaniya po russkoj grammatike: izbrannye trudy*, Moscow, pp. 53–87. (In Russ.)

4. Dem'yankov V.Z. 2002, Politicheskij diskurs kak predmet politologicheskoj filologii [Political discourse as a subject of political philology]. *Politicheskaya nauka. Politicheskij diskurs: Istoriya i sovremennye issledovaniya*, no. 3, p. 32–43. (In Russ.)

5. Dobrosklonskaya T.G. 2009. Lingvisticheskie sposoby vyrazheniya ideologicheskoj modal'nosti v mediatekstah [Linguistic means of expressing ideological modality im media texts]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication,* no. 1, pp. 85–94. (In Russ.)

6. Dobrosklonskaya T.G. 2020. Medialingvistika: aktual'nye napravleniya izucheniya mediarechi [Medialinguistics: contemporary trends in the study of media speech]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication,* no. 4, pp. 26–38. (In Russ.)

7. Karamova A.A. 2014. Grammaticheskie sredstva ideologichnosti politicheskogo diskursa [Grammatical means of ideologisity of political discourse]. *Politicheskaya lingvistika,* no. 2, pp. 143–148. (In Russ.)

8. Mihajlovskaya K.V. 2010. Kategoriya ideologicheskoj modal'nosti i osobennosti eyo realizacii v obshchestvenno-politicheskom tekste [The Category of ideological modality and its actualization in public political texts]. *Voprosy sovremennoj lingvistiki*, no. 3, pp. 26–31. (In Russ.)

9. Filichkina T.P. 2017 Ideologicheskaya modal'nost' frazeologizmov v angloyazychnom politicheskom diskurse [Ideological modality of phrasal units in the English political discourse]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2. (In Russ.)

10. Chernyavskaya V.E. 2006. *Diskurs vlasti, vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdejstviya* [A discourse of power, the power of discourse. Aspects of language impact]. M.: Flinta. (In Russ.)

11. Shejgal E.I. 2000. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russ.)

12. Teun van Dijk. 1998. *Ideology: multidisciplinary approach*. London, SAGE.

Статья поступила в редакцию 02.03.2025;
одобрена после рецензирования 20.03.2025;
принята к публикации 22.03.2025.

The article was submitted 02.03.2025;
approved after reviewing 20.03.2025;
accepted for publication 22.03.2025.

Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 134–144
Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal, 2025, vol. 28, no. 2, pp. 134–144

Ю.О. Соловьева

КОММУНИКАТИВНАЯ ПОЛИТОНАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПОПУЛЯРНО-ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; solovieva-julia2009@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты прагмалингвистического анализа текстов популярно-юридического дискурса с целью определения их коммуникативной тональности, детерминируемой ситуацией общения и индивидуальными чертами языковой личности адресанта. Было доказано, что модельной тональностью рассматриваемого гибридного дискурса выступает информативная коммуникативная тональность, что обусловлено самой сутью дискурса, ориентированного на передачу правовых знаний и формирование алгоритма поведения адресата-неспециалиста в конкретных юридических ситуациях. Однако в отличие от дискурса-основы (юридического дискурса), тональность которого жестко регламентирована, доминантная тональность популярно-юридического дискурса зачастую подвергается переакцентуации. В частности, информативная тональность, являющаяся инвариантом, может сочетаться с шутливой, идеологической, фасцинативной и другими типами тональности, выступающими в качестве «обертонов» доминантной тональности. Было выявлено, что наиболее частотным случаем переакцентуации в текстах изучаемого дискурса выступает ирония, основанная на контрасте эксплицитного и имплицитного смыслов высказывания. Смена тональности, задействующая эмоциональную память, облегчает восприятие адресатом-неспециалистом сложной специальной информации при ее линейном развертывании в тексте. Автором также отмечена непосредственная связь идеологической тональности популярно-юридического дискурса с аксиологическими установками русской национальной культуры.

Ключевые слова: популярно-юридический дискурс, коммуникативная политональность, модельная тональность, переакцентуация

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-9

Соловьева Юлия Олеговна — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; solovieva-julia2009@yandex.ru

© Соловьева Ю.О., 2025

Для цитирования: Соловьева Ю.О. Коммуникативная политональность современного российского популярно-юридического дискурса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 134–144. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-9

Тональность является важной дискурсивной категорией и неоднократно становилась объектом исследований отечественных и зарубежных лингвистов [Багдасарян, 2000, 2002; Белошицкая, 2023; Дементьев, 2010, 2016; Карасик, 2007, 2008; Селезнева, 2018; Тупикова, 2012; Halliday, 1978 и др.]. По мнению ученых, не только любой дискурс, но и любой речевой жанр в рамках дискурса обладает определенной коммуникативной тональностью. По наблюдению Н.Н. Белошицкой, между типом дискурса и преобладающим видом тональности существует непосредственная корреляция [Белошицкая, 2023: 77]. В.И. Карасик приходит к выводу о том, что коммуникативная тональность детерминирована культурой и типом дискурса [Карасик, 2008а: 20].

Будучи важной характеристикой установки общения, коммуникативная тональность предполагает готовность адресата понимать информацию в заданном адресантом формате. Например, А. Вежбицкая полагает, что каждый речевой жанр обладает собственным «эмоционально-когнитивным фреймом» [Вежбицкая, 1997: 104], который позволяет вызывать у адресата прогнозируемую эмоциональную реакцию. Готовность адресата к восприятию передаваемого сообщения в соответствии с коммуникативной целью адресанта определяется как его пресуппозициями в соответствующей сфере общения, так и эмпатическим настроем на адресанта, а следовательно, на содержание продуцируемого им сообщения. Предполагается, что для обеспечения эффективной коммуникации, тональность продуцируемого адресантом текста должна коррелировать с ожиданиями адресата, в особенности, если дело касается институционального общения с его жестко заданными рамками речевого поведения.

Необходимо отметить, что вариативность тональности институционального дискурса весьма ограничена. В большинстве случаев данная тональность предсказуема и ожидаема реципиентом. Особый интерес в данной связи представляет определение тональности гибридных дискурсивных образований, которая ранее не становилась объектом изучения. В частности, необходимо ответить на главный вопрос о том, сохраняется ли модельная (термин Т.О. Багдасарян) тональность основного дискурса или дискурса-основы в образованных от него гибридных поддискурсах.

Цель настоящего исследования — выявить модельную тональность и варианты ее переакцентуации в текстах ***популярно-юридического дискурса*** как гибридного подвида юридического дискурса, основной целью которого является правовое просвещение неспециалистов. Для решения поставленных задач был проведен прагмалингвистический анализ текстов современного российского популярно-юридического дискурса разных жанров. В качестве эмпирической базы исследования послужили: 1) научно-популярные книги «Правоведение для всех» А. Русаковича (2017), «Занимательное правоведение» В. Кизяковского (2019), «Основы права: теория, практика и как с этим жить» В. Оробинского (2022); 2) книга юридических советов Ю. Дубининой «Адвокат для дилетантов: гид по праву» (2019) общим объемом 1 756 страниц.

Прежде всего рассмотрим некоторые подходы к определению тональности, разработанные отечественными и зарубежными лингвистами. В частности, В.И. Карасик определяет коммуникативную тональность как «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [Карасик, 2008а: 20]. М. Халлидей придает большое значение тональности дискурса и считает ее «ключом» общения: “The tenor of discourse, since it refers to the participants in the speech situation, and how they relate to each other both permanently and temporarily, influences the speaker’s selection of mood (his choice of speech role: making statements, asking questions and so on) and of modality (his assessment of the validity of what he is saying); it also helps to determine the key in which he pitches his assertions (forceful, hesitant, gnomic, qualified and so on) and the attitudes and feelings he expresses” [Halliday, 1978: 223]. («Характер дискурса, поскольку он касается участников речевой ситуации и того, как они относятся друг к другу постоянно или временно, влияет на выбор говорящим наклонения (своей речевой роли: высказывания утверждений, постановки вопросов и т.д.) и модальности (оценки говорящим достоверности своего высказывания); он также помогает определить тональность, в которой говорящий преподносит свои утверждения (настоятельная, нерешительная, афористичная, квалифицированная и т.д.), а также отношения и чувства, которые он выражает». *Перевод наш — Ю.С.*). Развивая данную мысль, можно предположить, что под «ключом» (*key*) ученым понимается общий эмоциональный настрой общения, задаваемый говорящим, определяющий его отношение как к содержанию, так и к адресату высказывания. В данной связи мы солидаризируемся с Т.О. Багдасарян,

которая приходит к выводу о том, что тональность — есть «способ представления текста автором, при котором он выражает свое отношение к тексту, реципиенту, действительности и к себе самому в дополнительных характеристиках, окрашивающих пропозицию в соответствующие тона с учетом сферы общения и личностных качеств коммуникантов» [Багдасарян, 2002: 240].

В соответствии с приведенными определениями полагаем, что основными функциями коммуникативной тональности выступают: 1) передача адресантом своего субъективного отношения к высказыванию и 2) оказание воздействия на адресата. Выбор тональности детерминируется коммуникативной ситуацией и индивидуальными чертами языковой личности адресанта.

Типология коммуникативной тональности может основываться на разных критериях в зависимости от заданности либо открытости смыслов, конкретности либо отвлеченности тематики, а также серьезности либо несерьезности общения. Например, А.Г. Баранов полагает, что субъективная модальность в тексте, представленная тональностью, характеризует отношения коммуникантов как формальные, шутливые, иронические, враждебные и т.д. [Баранов, 1994: 22]. В.В. Дементьев, в свою очередь, выделяет нейтральную и шутливую тональности общения [Дементьев, 2010: 118]. Т.О. Багдасарян дифференцирует 36 «чистых» видов тональности, отмечая, что помимо них в тексте одного речевого жанра могут присутствовать «тональные оттенки», столь же многочисленные, как и сами коммуникативные ситуации [Багдасарян, 2000: 6]. Мы в своем исследовании будем придерживаться типологии тональности, разработанной В.И. Карасиком, которую сам ученый считает по-прежнему открытой. Основываясь на указанных ранее критериях, ученым выделяются следующие типы коммуникативной тональности: *информативная*, *фатическая*, *статусная*, *шутливая*, *торжественная*, *идеологическая*, *фасцинативная*, *гипотетическая*, *агрессивная*, *эзотерическая*, *манипулятивная и менторская* [Карасик, 2008а: 21].

Каждый речевой жанр обладает индивидуальной тональностью, соответствующей принятым в социуме нормам поведения, которую Т.О. Багдасарян предлагает называть *модельной* тональностью [Багдасарян, 2002: 243]. Модельная тональность является своего рода инвариантом и всегда доминирует в тексте определенного речевого жанра. Однако, по наблюдениям исследователей, доминантная тональность текста может подвергаться переакцентуации, о чем, в частности, упоминает М.М. Бахтин: «например,

жанровую форму приветствия из официальной сферы можно перенести в сферу фамильярного общения, то есть употребить с пародийно-иронической переакцентуацией, с аналогичной целью можно нарочито смешать жанры разных сфер» [Бахтин, 1979: 259]. С ученым солидаризируется В.В. Дементьев, который отмечает: «На речевые жанры накладываются эмоциональные обертоны общения, порождающие различные новые смыслы у одной и той же пропозиции в разных коммуникативных условиях: выражение отношения адресанта к тексту, реципиенту, действительности и к себе самому» [Дементьев, 2016: 17]. Тем не менее, согласно выводам Т.О. Багдасарян, несмотря на переакцентуацию, текст не выходит за пределы предметно-тематической области жанра, сохраняя доминирование модельной тональности [Багдасарян, 2002: 245].

Естественно предположить, что в случае изучаемого нами популярно-юридического дискурса, в силу его гибридного характера, в его коммуникативное пространство будут «втягиваться» тексты других дискурсов соответствующих речевых жанров, делая данное пространство стилистически гетерогенным. Кроме того, данные тексты обязательным образом подвергаются адаптации как в семантическом, так и стилистическом отношении, в связи с чем в них достаточно часто наблюдаются случаи переакцентуации доминантной тональности. На наш взгляд, подобное «переключение» тональности служит облегчению восприятия адресантом сложной специальной информации. Рассмотрим некоторые примеры смены тональности или регистра общения в текстах популярно-юридического дискурса.

В своей книге «Адвокат для дилетантов: гид по праву» Ю. Дубинина начинает раздел, посвященный нормам семейного права, следующим шутливо-ироничным вступлением:

«Первые поцелуи, предложение руки и сердца. Свадьба, дети… Кто перед замужеством задумывается о брачном договоре?

До сих пор считается, что, если перед походом в ЗАГС завести разговор о брачном договоре, значит, мысли корыстны и душа нечиста. И какой договор, когда любовь-морковь и платье, как пирожное с кремом.

Впереди — жизнь в богатстве и бедности, но лучше в богатстве, а договор — как лакмусовая бумажка, показывает, кто в семье хочет прибрать к своим грязным ручкам все нажитое в любви и согласии. Есть такое? А ведь в Европе брачный договор — норма, а не плевок в душу любимого <…>

Тогда скучно, но по делу:

Брачный договор — это соглашение лиц, лиц, которые планируют вступить в брак, или соглашение между супругами, направленное на

определение имущественных прав и обязанностей каждого из них, как в браке, так и после его расторжения.

Он может быть заключен как ДО брака, так и в браке в любой момент.

Ключевое слово — имущественных прав и обязанностей! <…>

В брачный договор могут быть включены любые условия, касающиеся имущественных отношений супругов, в том числе:

— порядок и способы несения семейных расходов;

— порядок предоставления денежного содержания друг другу (как в браке, так и после его расторжения);

— определение имущества, передаваемого каждому из супругов при расторжении брака».[1]

Из анализа данного примера становится очевидным, что доминантная для юридического дискурса информативная тональность, настраивающая адресата на серьезное общение, подвергается переакцентуации, а сам текст в итоге становится политональным по «звучанию». Комический эффект в данном фрагменте достигается как посредством сочетания разностилевых элементов (от официально-делового до разговорного стиля), так и посредством ценностного понижения такого важного события в жизни индивида как заключение брака (*И какой договор, когда любовь-морковь и платье, как пирожное с кремом* и др.). В тексте взаимодействуют следующие типы тональности: 1) *информативная*, служащая передаче юристом специальных знаний для дальнейшего применения их адресатом-неспециалистом в соответствующих юридических ситуациях (содержится в юридическом определении брачного договора и его дальнейшем пояснении адресантом); 2) *шутливая*, служащая сокращению дистанции между коммуникантами и настраивающая адресата на эмпатическое восприятие адресанта (*любовь-морковь; жизнь в богатстве и бедности, но лучше в богатстве; плевок в душу любимого* и др.); 3) *менторская*, предполагающая демонстрацию адресантом своего превосходства над адресатом в силу отсутствия у последнего достаточных фоновых знаний в правовой сфере (*Тогда скучно, но по делу; Ключевое слово — имущественных прав и обязанностей!*); 4) *идеологическая*, связанная с актуализацией в тексте национально-специфических ценностей русской культуры (*мысли корыстны и душа нечиста; кто в семье хочет прибрать к своим грязным ручкам все нажитое в любви и согласии*).

Карнавализация культуры и мышления в эпоху постмодернизма привела к тому, что смеховому переосмыслению стали под-

[1] *Дубинина Ю.* Адвокат для дилетантов: гид по праву. М.: Издательство АСТ, 2019. С. 47–48.

вергаться ранее табуированные темы, такие как святыни веры, смерть, неизлечимые болезни и т.д. Эту тенденцию мы наблюдаем и в текстах популярно-юридического дискурса, в которых серьезная юридическая информация может неожиданно сочетаться с черным юмором, что подтверждается примером ниже.

> *«Если ненароком отправите нападавшего в … "края вечной охоты", будет вам ст. 108 УК, п. 1:*
>
> *"Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, — наказывается исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок".*
>
> *Сроки, в принципе, не большие. И дают по таким делам, как правило, условно. Поэтому опять выходим на "лучше пусть трое судят, чем четверо несут". Но все равно — судимость, пятно на всю жизнь и т.д. Все всё понимают, но "закон есть закон"».*[2]

В данном фрагменте из книги В. Оробинского «Основы права: теория, практика и как с этим жить» представлены следующие типы коммуникативной тональности: 1) *информативная*, с помощью которой адресант передает адресату сведения о правовых последствиях убийства в целях самообороны со ссылкой на соответствующую статью закона (*Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, — наказывается исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок; будет вам ст. 108 УК, п. 1*); 2) *идеологическая,* отражающая аксиологические установки этноса (*судимость, пятно на всю жизнь; но «закон есть закон»*); 3) *шутливая*, представленная ироническим обыгрыванием темы смерти (*Если ненароком отправите нападавшего в … «края вечной охоты»; лучше пусть трое судят, чем четверо несут*). Согласно выводам Т.О. Багдасарян, ирония является наиболее частым случаем переакцентуации тональности [Багдасарян, 2002: 245], что также подтверждается нашим исследованием текстов популярно-юридического дискурса.

По нашим наблюдениям, идеологическая тональность, основанная на интенции адресанта объяснить что-либо, используя заранее заготовленные выводы, также достаточно часто представлена в текстах современного популярно-юридического дискурса.

---

[2] *Оробинский В.* Основы права: теория практика и как с этим жить. Ростов н/Д: Феникс, 2022. С. 54.

«Право — искусство добра и справедливости. Сегодня в России это кажется насмешкой, но именно так считали древнеримские юристы и так переводится с латыни их пословица двухтысячелетней давности ius est ars boni et aequi».[3]

В данном определении ключевого юридического понятия информативная тональность (*так считали древнеримские юристы; так переводится с латыни их пословица двухтысячелетней давности ius est ars boni et aequi*) сочетается с идеологической (*Право — искусство добра и справедливости*). Авторская дефиниция дополняется саркастической шуткой (*Сегодня в России это кажется насмешкой*) для выражения критической оценки современного состояния правовой системы государства.

Интересным случаем проявления политональности текстов популярно-юридического дискурса представляется использование в них фасцинативной тональности, направленной на эстетическое общение. Так, В. Кизяковский в своей книге «Занимательное правоведение» следующим образом разъясняет неспециалистам понятие «экологические права личности»:

«<…> права на благоприятную окружающую среду, на достоверную информацию о состоянии окружающей среды, на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Обнаруживаются иные, личностно-философские, художественные оценки этого предмета (например, пушкинское "Из Пиндемонти", написано незадолго до смерти):

<…> По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусства вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
— Вот счастье! Вот права… <…>».[4]

По наблюдению В.И. Карасика, фасцинативное восприятие сообщения представляет собой эстетическое переживание содержания и формы текста либо способа его презентации, для чего адресантом используются пословицы, прецедентные тексты, аллюзии, цитаты и т.д. [Карасик, 2008а: 22]. В данном примере сочетание информативной и фасцинативной тональностей способствует успеху авторской аргументации, облегчая восприятие специального текста.

Таким образом, коммуникативное пространство современного российского популярно-юридического дискурса характеризует-

---

[3] *Русакович А.* Правоведение для всех. М.: Издатель Русакович А.А., 2017. С. 6.

[4] *Кизяковский В.* Занимательное правоведение. М.: ООО «Центр полиграфических услуг «Радуга», 2019. С. 73.

ся смысловой динамичностью, находящей отражение в его ***политональном*** характере. Информативная тональность, являющаяся модельной для текстов собственно юридического дискурса, остается доминантной и в текстах образованного от него гибридного дискурса. Тем не менее, в текстах изучаемого дискурса она часто подвергается переакцентуации, служащей стратегическому выстраиванию общения и решению коммуникативных задач адресанта, связанных с необходимостью адаптировать сложную специальную информацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Багдасарян Т.О.* Тональность как компонент модели речевого жанра (на материале речевого жанра «угроза») // Жанры речи. 2002. № 3. С. 240–245.
2. *Багдасарян Т.О.* Тональный компонент модальности в коммуникации (на материале английского и русского языков): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Краснодар, 2000.
3. *Баранов А.Г.* Динамическая стилистика (контекстуализм VS актуализм) // Разновидности текста в функциональном аспекте. 1994. С. 19–29.
4. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
5. *Белошицкая Н.Н.* Специфика драматургической тональности дискурса (на примере новостного корпоративного дискурса) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23. № 5. С. 76–84.
6. *Вежбицка А.* Речевые жанры // Жанры речи. 1997. С. 99–111.
7. *Дементьев В.В.* Теория речевых жанров. 2010. М.: Знак. С. 118–126.
8. *Дементьев В.В.* Аксиологическая генристика: аспекты проблемы «оценка и жанр» // Жанры речи. 2016. № 2. С. 9–24.
9. *Карасик В.И.* Коммуникативная тональность // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2008. № 4. С. 20–29.
10. *Карасик В.И.* Коммуникативная тональность // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2008. № 10. С. 99–109.
11. *Селезнева Л.В.* Параметрическая модель PR-дискурса: прагматика, семантика, аксиология: дис. … д-ра филол. наук. Тверь, 2018.
12. *Соловьева Ю.О.* Право и популярная культура: аспекты и тенденции взаимодействия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 149–157.
13. *Соловьева Ю.О.* Адресант как детерминирующий фактор выбора коммуникативных стратегий в современном научно-популярном юридическом дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 147–158.
14. *Тупикова С.Е.* О когнитивных механизмах формирования коммуникативной тональности // Вопр. когнит. лингвистики. 2012. № 3(32). С. 84–90.
15. *Halliday M.A.K.* Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. London: Edward Arnold, 1978.

Yulia O. Solovyeva

COMMUNICATIVE POLITONALITY OF CONTEMPORARY RUSSIAN POPULAR LEGAL DISCOURSE

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; solovieva-julia2009@yandex.ru

Abstract. The research focuses on a pragmalinguistic analysis of popular legal discourse texts and identifying their communicative tonality determined by the communication situation and individual features of the speaker's linguistic personality. It is revealed that the model tonality of the hybrid discourse under consideration is the informative communicative tonality, aimed at providing the non-expert addressee with patterns of behavior in specific legal situations. However, unlike the pre-programmed tonality of the basic legal discourse, the dominant tonality of popular legal discourse is often subject to re-accentuation. Thus, the invariant informative tonality can be combined with humorous, ideological, fascinative and other types of tonality as "overtones" of the dominant tonality. It is shown that irony based on the contrast between the explicit and implicit meanings of the author's statement is the most frequent mode of re-accentuation in the texts of the discourse under analysis. A change in tonality, which engages the emotional memory, facilitates the perception by the non-expert addressee of complex specialized information during its linear unfolding in the text. The author also establishes a direct connection between the ideological tonality of popular legal discourse and Russian cultural values.

Keywords: popular legal discourse, communicative polytonality, model tonality, re-accentuation

For citation: Solovyeva Yu.O. (2025). Communicative politonality of contemporary Russian popular legal discourse. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal,* no. 2(28), pp. 134–144. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-9 (In Russ.)

About the author: Yuliya O. Solovyeva — PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; solovieva-julia2009@yandex.ru

REFERENCES

1. Bagdasaryan T.O. 2002. Tonal'nost' kak komponent modeli rechevogo zhanra (na materiale rechevogo zhanra «ugroza») [Tonality as a Component of the Speech Genre Model (Based on the Speech Genre "Threat")]. *Zhanry rechi,* no. 3, pp. 240–245. (In Russ.)

2. Bagdasaryan T.O. 2000. Tonal'nyi komponent modal'nosti v kommunikatsii (na materiale angliiskogo i russkogo yazykov: Diss.) [The Tonal Component of Modality in Communication (Based on English and Russian Languages)]. Krasnodar. (In Russ.)

3. Baranov A.G. 1994. Dinamicheskaya stilistika (kontekstualizm VS aktualizm) [Dynamic Stylistics (Contextualism vs. Actualism)]. *Raznovidnosti teksta v funktsional'nom aspekte*, pp. 19–29. (In Russ.)

4. Bakhtin M.M. 1979. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow. (In Russ.)

5. Beloshitskaya N.N. 2023. Spetsifika dramaturgicheskoi tonal'nosti diskursa (na primere novostnogo korporativnogo diskursa) [The Specificity of the Dramatic Tone of Discourse (Based on corporate news discourse)]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki,* vol. 23, no. 5, pp. 76–84. (In Russ.)

6. Vezhbitska A. 1997. Rechevye zhanry [Speech Genres]. *Zhanry rechi,* pp. 99–111. (In Russ.)

7. Dement'ev V.V. 2010. Teoriya rechevykh zhanrov [Theory of Speech Genres]. Moscow, Znak, pp. 118–126. (In Russ.)

8. Dement'ev V.V. 2016. Aksiologicheskaya genristika: aspekty problemy «otsenka i zhanr» [Axiological Genristics: Aspects of the Problem of "Assessment and Genre"]. *Zhanry rechi,* no. 2, pp. 9–24. (In Russ.)

9. Karasik V.I. 2008. Kommunikativnaya tonal'nost' [Communicative Tonality]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova,* no. 4, pp. 20–29. (In Russ.)

10. Karasik V.I. 2008. Kommunikativnaya tonal'nost' [Communicative Tonality]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki,* no. 10, pp. 99–109. (In Russ.)

11. Selezneva L.V. 2018. Parametricheskaya model' PR-diskursa: pragmatika, semantika, aksiologiya [Parametric Model of PR Discourse: Pragmatics, Semantics, Axiology: Diss.]. Tver. (In Russ.)

12. Solovyeva, Yu.O. 2019. Pravo i populyarnaya kul'tura: aspekty i tendentsii vzaimodeistviya [Law and Popular Culture: Aspects and Tendencies of Interaction]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 149–157. (In Russ.)

13. Solovyeva, Yu.O. 2023. Adresant kak determiniruyushchii faktor vybora kommunikativnykh strategii v sovremennom nauchno-populyarnom yuridicheskom diskurse [Addresser as a Factor Determining the Choice of Communication Strategies in Contemporary Popular Science Legal Discourse]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 147–158. (In Russ.)

14. Tupikova S.E. 2012. O kognitivnykh mekhanizmakh formirovaniya kommunikativnoy tonal'nosti [Cognitive Mechanisms of Communicative Tonality Formation]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, no. 3 (32), pp. 84–90. (In Russ.)

15. Halliday M.A.K. 1978. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. London.

Статья поступила в редакцию 06.02.2025;
одобрена после рецензирования 20.03.2025;
принята к публикации 22.03.2025.

The article was submitted 06.02.2025;
approved after reviewing 20.03.2025;
accepted for publication 22.03.2025.

Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 145–155
Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal, 2025, vol. 28, no. 2, pp. 145–155

ИСТОРИЯ, ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРЫ

В.Н. Калуцков

ПОЛИМАСШТАБНЫЙ ОБРАЗ РОССИИ В СТИХОТВОРЕНИИ ЛЕРМОНТОВА «ДЕРЕВНЯ»: ОТ ОБРАЗА-КАРТИНЫ К ОБРАЗУ-КАРТЕ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; v.kalutskov@yandex.ru

Аннотация. В стихотворении М.Ю. Лермонтова «Деревня», опубликованном в 1841 году, представлено два концептуально различных географических образа — образ малой Родины (образ-картина) и образ большой России (образ-карта). Однако ряд исследователей творчества поэта «не заметили» этого, считая, что второй образ является обобщением первого.

В статье обсуждается проблема образной дихотомии, ее истоки и принципиальное различие двух типов географических образов страны, придуманных литератором.

Образ-картина, или литературный пейзаж, предполагает вертикальный тип восприятия художником окружающего мира (восприятие стоящего на земле человека). Литературный пейзаж в отличие от пейзажа живописного не является отдельным жанром, хотя отдельные произведения так называемой «лирики природы» и могут иметь самостоятельное значение. Важная пространственная характеристика литературного пейзажа — его ярко выраженная локальность: как правило, он охватывает ареал в несколько километров от точки обзора.

Образ-карта предполагает другой тип восприятия окружающего мира. Это образ мир сверху, с высоты птичьего полета. Поэтому этот географический образ ограничен не взглядом, а мыслью автора.

Если пейзажный образ — это образ ближнего мира, образ малой Родины, то пространственный образ, или образ-карта, — это образ большой России.

Ключевые слова: литературная география, пейзаж, географический образ, литературный пейзаж

Калуцков Владимир Николаевич — доктор географических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; v.kalutskov@yandex.ru

© Калуцков В.Н., 2025

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-10

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» и гранта Русского географического общества «Литературные ландшафты и их роль в формировании привлекательных образов регионов России».

Для цитирования: Калуцков В.Н. Полимасштабный образ России в стихотворении Лермонтова «Деревня»: от образа-картины к образу-карте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 145–155. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-10

Источниками географических образов человека являются жизненный опыт, образование, принадлежность к определенной профессиональной и этнической культуре, мировоззренческие и общественно-политические установки. Очевидно, что СМИ, Интернет вносят свой вклад в наше восприятие окружающего мира. Однако интернет-образы, как правило, эфемерны, обладают коротким жизненным циклом.

Напротив, литература, живопись, кинематограф и опирающаяся на них система образования «работают» в направлении создания устойчивых географических образов. Ведущая роль принадлежит литературе. Сравните близость фольклорного («Москва у России под горой, туда все катится») и литературного образов Москвы («Москва — какой огромный странноприимный дом»). Особой лаконичностью и выразительностью обладают поэтические образы мест, например, «Урал — опорный край державы…» или «… юный град — полночных стран краса и диво» (о Петербурге).

Географический образ — одно из важнейших понятий современной литературной географии [Калуцков, 2024].

Под географическим образом понимается «совокупность ярких, характерных сосредоточенных знаков, символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо реальные пространства (территории, местности, регионы, страны, ландшафты и т.д.)» [Замятин, 2006: 93]. Автором разработано несколько классификаций географических образов в культуре — генетическая, содержательная, масштабная и позиционная [Замятин, 2006].

Литературный пейзаж без преувеличения можно считать самым распространенным типом географических образов в литературе: почти у каждого писателя и поэта можно найти подобные описания. Культур-географ Ю.Г. Тютюнник метко и лаконично назвал

литературные пейзажи образами-картинами, вероятно, имея в виду не столько влияние живописных образов на образы литературные, сколько принципы их построения, включая действие закона обратной перспективы [Тютюнник, 2021].

1. Образ-картина малой Родины поэта

Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных ***деревень****;*
Люблю дымок спаленной ***жнивы****,*
В ***степи*** *ночующий обоз*
И на холме средь желтой ***нивы***
Чету *белеющих* ***берез****.*
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное ***гумно****,*
Избу*, покрытую соломой,*
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков[1]*.*

Первый образ России представляет собой образ-картину, или пейзажный образ малой родины поэта, образ окрестностей Тархан. Поэт живописует поволжский вариант русского пейзажа: лермонтовские Тарханы раскинулись в пределах лесостепной зоны, о чем он сам и напоминает: «В степи ночующий обоз…». Автор показывает нам яркий волнующий осенний пейзаж. Композиционно описание начинается с изображения природы и заканчивается наблюдением за весельем крестьян.

Поэт показывает типичные элементы русского пейзажа, среди которых осенние поля — нивы и жнивы (жнива, или жнивье — это убранное поле), покрытую соломой избу, окна с резными ставнями (для Поволжья эта традиция характерна), гумно и очень важный элемент русского национального пейзажа — березы.

Пейзажный подход связан с экранным восприятием мира (в наше время это более чем актуально). При этом пейзаж в отличие

[1] *Лермонтов М.Ю.* Родина // Избранные произведения: в 2 т. Л.: Советский писатель, 1964. Т. 2. С. 70–72. Основные элементы пейзажа выделены полужирным шрифтом.

от карты содержит три измерения, что обеспечивает для зрителя и для исследователя важный эффект присутствия.

Важной отличительной чертой пейзажного подхода является его предметность, поскольку предметная визуализация, иначе изображение полей, рек, деревьев, домов, людей, позволяет лучше понять рассматриваемый ландшафт в целом и его отдельные элементы.

Отметим важные культурно-географические особенности литературного пейзажа.

Во-первых, в отличие от науки в литературе и живописи пейзаж всегда персонифицирован, обладая авторством. Кроме того, для многих литературных пейзажей важную роль играет центр восприятия, или обзорная точка, которая нередко связана с домом «гения места».

И, наконец, следует учитывать, что пейзажное видение мира всегда охватывает относительно небольшую территорию — всего несколько километров от центра восприятия.

Поэтому и в науке, и в искусстве *пейзаж — это визуальный образ ближнего мира*. Для представителей русской литературы XIX — начала XX веков — это, как правило, образ ближнего усадебного мира.

Литературный пейзаж — это образ малой Родины гения места, иначе эмоционально окрашенный образ ближнего мира, ограниченный взглядом и воображением автора.

Всем этим условиям соответствует лермонтовский пейзаж окрестностей Тархан. В этом же ключе решены в произведениях литераторов пейзажи-образы окрестностей таких литературных усадеб, как Болдино, Михайловское, Спасское-Лутовиново, Аксаково и многих других.

2. Другой образ — образ-карта России и его интерпретация

В этом же стихотворении поэт предлагает второй образ России, существенно отличающийся от первого.

… люблю — за что не знаю сам —
*Ее **степей** холодное молчание,*
*Ее **лесов** безбрежных колыхание,*
*Разливы **рек** ее, подобные морям…*

Что это за образ? Можно ли считать его пейзажным? По мнению одного исследователя, он представляет собой «обобщенный пейзаж» [Эпштейн, 1990: 163]. Но как «обобщить» лес со степью? Кроме того, пейзажные образы, как мы указывали, это локальные

образы ближнего мира, которые предполагают взгляд на мир стоящего человека, что в условиях равнинной России относительно центра восприятия составляет всего несколько километров.

И, главное, этот мощный образ России потому не имеет отношения к пейзажу, что *его нельзя художественно визуализировать*. Хотя такие попытки были.

Так, великий пейзажист И.И. Шишкин попытался изобразить одну фразу рассматриваемого стихотворения («Разливы рек подобные морям»). Именно так он и назвал офорт «Разливы рек подобные морям», который позже превратился в картину, но уже с другим названием «Кама близ Елабуги» (1895). Однако это визуализация всего лишь одной строки стихотворения, а не образа в целом. Так что попытка пейзажной визуализации лермонтовского образа большой России даже у такого гения, как И.И. Шишкин, оказалась неудачной.

Менее категоричен К.В. Пигарев, называя лермонтовский образ «обобщенным образом Родины» и «обобщенным изображением русской природы», заключающим «большой мир России» [Пигарев, 1972: 27]. В отношении масштаба рассмотрения с исследователем можно согласиться: поэт действительно переходит с локального на страновой масштаб рассмотрения окружающего мира. Однако вопрос не только в масштабе.

Для понимания лермонтовского образа требуется другой — пространственный — подход, который порождает другой тип географических образов — *пространственные, или «картографические», образы.*

Пространственные, или «картографические» образы, представляют собой взгляд на мир сверху, *с высоты птичьего полета*. Поэтому их пространственный охват ограничен не взглядом, но *мыслью автора*. Напомним, что пейзажные образы связаны с вертикальным, или экранным, восприятием художником окружающего мира.

При таком — пространственном — подходе при создании поэтических образов многие литераторы используют *метафору летящей птицы*, демонстрируя механизм порождения подобных образов. Так, А.С. Хомяков во многих своих стихотворениях обозревает мир глазами орла. К примеру, в стихотворении «Беззвездная полночь дышала прохладой…» автор «летит»: «*Мне снилось — лечу я: орел сизокрылый*» и «*И с неба картину я зрел величаву*»[2]. Поэтому неудивительно, что при таком характере мировосприятия поэт охватывает своей мыслью огромные пространства: Чехию с Бал-

[2] *Хомяков А.С.* Беззвездная полночь дышала прохладой… // Стихотворения и драмы. Л.: Советский писатель, 1969. С. 126.

канами, Альпы, Карпаты и Дунай в стихотворении с характерным названием «Орел», всю Сибирь с Алтаем в стихотворении «Милькееву» и почти всю Россию от Белого до Черного моря и от Невы до Енисея в стихотворении «Киев».

Пример творчества А.С. Хомякова убедительно показывает, что *пространственные образы нельзя изобразить на картине, их можно только помыслить, вообразить.* В таком контексте литература действительно обладает действительно большими возможностями, чем живопись! Это утверждение особенно наглядно на примере неудачной попытки И.И. Шишкина визуализировать лермонтовский образ большой России.

Адекватным способом репрезентации пространственных образов литературного происхождения является карта (или, точнее, картоид). Как было показано выше, такие образы могут охватывать огромные пространства.

Пространственный образ, или образ-карта, — это придуманный автором образ большого мира (образ большой Родины).

Представленный лермонтовский текст можно интерпретировать в качестве собирательного географического образа России — страны лесов и степей, страны полноводных рек. К тому же содержащий важную национальную идею — идею беспредельности России [Эпштейн, 1990].

Примечательно, что к тем же заключениям, что и молодой поэт, пришел умудренный опытом, известный ученый-историк В.О. Ключевский: «Лес, степь и река — это, можно сказать, основные стихии русской природы по своему историческому значению. Каждая из них и в отдельности сама по себе приняла живое и своеобразное участие в строении жизни и понятий русского человека» [Ключевский, 1993: 52]. Как видим, мысли Лермонтова и Ключевского совпадают, что означает, что к одной мысли можно прийти двумя путями — и в результате научного творчества, и посредством поэтического озарения.

Действительно, «лес», «степь» и «реку» можно рассматривать как *важнейшие концепты русской истории и культуры.* Так, по мнению замечательного историка Г.В. Вернадского, «… географической основой русской истории является соотношение лесной и степной полосы, борьба леса и степи» [Вернадский, 2000: 24]. Вековое взаимодействие лесных и степных народов привело к важному геокультурному результату — к освоению степи русской культурой: «Овладевая степью, Русь начинает ее любить; она находит здесь новую родину» [Федотов, 1991: 59].

В таком контексте уместно вспомнить концепцию географической зональности В.В. Докучаева, который под географической зоной понимал природно-культурную систему, в которой природа и человек с его деятельностью «настроены» друг на друга [Докучаев, 1948]. Иначе, концепты леса и степи нужно рассматривать не столько, как природные феномены, а как природно-культурные ареалы, или географические зоны Докучаева.

3. Образы-карты России в творчестве других литераторов

Концепты леса, тайги, тундры, степи и других географических зон активно используются в творчестве других поэтов и писателей для создания ярких пространственных образов России.

Так, Е.А. Баратынский в стихотворении «Дядьке-итальянцу» репрезентирует Россию в качестве северной страны, связанной с тремя географическими зонами — тундрой, степью и тайгой:

Мир сердцу твоему дал пасмурный навес
Метелью полгода скрываемых небес,
Отчизна тощих мхов, степей и древ иглистых!
О, спи! безгрезно спи в пределах наших льдистых![3]

Другой автор, А.С. Хомяков, в стихотворении «России» так представляет ее пространственный образ:

«…Пределов нет твоим владеньям,
И, прихотей твоих раба,
Внимает гордым повеленьям
Тебе покорная судьба.
Красны степей твоих уборы,
И горы в небо уперлись,
И как моря твои озёры…»
Не верь, не слушай, не гордись!
Пусть рек твоих глубоки волны,
Как волны синие морей,
И недра гор алмазов полны,
И хлебом пышен тук степей;
Пусть пред твоим державным блеском
Народы робко клонят взор
И семь морей немолчным плеском
Тебе поют хвалебный хор…[4]

---

[3] *Баратынский Е.А.* Дядьке-итальянцу // Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1989. С. 205.

[4] *Хомяков А.С.* России // Стихотворения и драмы. Л.: Советский писатель, 1969. С. 110–111.

Это стихотворение написано раньше лермонтовской «Родины», в 1839 году, и возможно оно повлияло на лермонтовский образ [Эпштейн, 1990]. Как видим, для характеристики России используются концепты реки, озера, степи. В этом тексте важны идеи богатства и беспредельности страны; последняя реализуется через упоминание семи морей России.

Нередко пространственные образы России используются литераторами для того, чтобы показать место своего края в общероссийском контексте: «*Но в Российском государстве есть и сибирские тундры, и бесплодные пески Закаспия, и леса, и унылые северные болота... Наш край на них не похож. Наш край, — пшеничное царство...*»[5]. В данном случае автор демонстрирует своеобразие Кубани.

В этом ряду литераторов и текстов выделяется пространственный образ России Велимира Хлебникова, который в стихотворении «Вам» сравнил географическое разнообразие России со… стихом:

Я думал о природе, что дика
И страшной прелестью мила.
Я думал о России, которая сменой тундр, тайги, степей
Похожа на один божественно-звучащий стих…[6]

Заключение

Итак, Лермонтов в одном стихотворении представил два образа Родины — пейзажный образ (образ-картина) и пространственный образ (образ-карта).

Под литературным пейзажем понимается эмоционально окрашенный образ малой Родины гения места, ограниченный взглядом и воображением автора. Пейзажный образ у Лермонтова реализуется через описание лесостепного ландшафта своей малой Родины — пензенских Тархан с точными природными и этнокультурными характеристиками.

Пространственный образ, или образ-карта, представляет собой придуманный автором образ большого мира, в данном случае образ большой России. Механизм порождения пространственного образа наглядно демонстрирует метафора летящей птицы.

---

[5] *Кузьмина-Караваева Е.Ю.* Клим Семенович Барынькин // Равнина русская: Стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Художественная и автобиографическая проза. Письма. СПб.: «Искусство — СПБ», 2001. С. 493.

[6] *Хлебников Велимир* Вам // Творения (1906–1916). Ленинград: Изд-во писателей в Ленинграде. С. 78.

Собирательный пространственный образ России — это образ страны лесов и степей, страны полноводных рек. При этом интуитивно поэт попал в самую точку: взаимодействие леса и степи, лесных и степных культур отражает сущность России, своеобразие ее природы и культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000.
2. *Докучаев В.В.* Учение о зонах природы. М.: Географгиз, 1948.
3. *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.
4. *Калуцков В.Н.* Литературная география: Учебное пособие. М.: Изд-во Московского университета, 2024.
5. *Ключевский В.О.* О русской истории. М.: Просвещение, 1993.
6. *Пигарев К.В.* Русская литература и изобразительное искусство: очерки о русском национальном пейзаже середины XIX в. М.: Наука. 1972.
7. *Тютюнник Ю.Г.* Художественное ландшафтоведение в географическом описании // Географический вестник. 2021. № 3 (58). С. 6–20.
8. *Федотов Г.П.* Три столицы // Судьба и грехи России. Т. 1. СПб.: София, 1991.
9. *Эпштейн М.Н.* Природа, мир, тайник вселенной: система пейзажных образов в русской литературе. М.: Высшая школа, 1990.

HISTORY, TRADITIONS AND MODERN TRENDS IN CULTURE

Vladimir N. Kalutskov

A MULTI-SCALE IMAGE OF RUSSIA IN LERMONTOV'S POEM "THE VILLAGE": FROM PICTURE-IMAGE TO MAP-IMAGE

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; v.kalutskov@yandex.ru

Abstract. M.Y. Lermontov's poem "The Village", published in 1841, presents two conceptually different geographical images — the image of a small Homeland (a picture-image) and the image of greater Russia (a map-image). However, a number of researchers of the poet's work overlooked this distinction, assuming that the second image is merely a generalization of the first.

The article discusses the problem of figurative dichotomy, its origins and the fundamental difference between the two types of geographical images of the country conceived by the writer.

A picture-image, or a literary landscape, presupposes a vertical type of perception by the artist of the surrounding world (perception of a person standing

on the ground). A literary landscape, unlike a painted landscape, is not a separate genre, although individual works of the so-called "nature lyrics" may have independent significance. An important spatial characteristic of the literary landscape is its pronounced locality: as a rule, it encompasses a range of several kilometers from the observer's vantage point.

The map-image suggests a different type of perception of the surrounding world. This is an image of the world from above, from a bird's-eye view. Therefore, this geographical image is bounded not by the limits of sight, but by the author's thought.

While the landscape image represents the nearby world, the small homeland, the spatial image — or map-image — represents the vast expanse of greater Russia.

Keywords: literary geography, landscape, geographical image, literary landscape

Funding. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of the world cultural and historical heritage" and a grant from the Russian Geographical Society "Literary Landscapes and their role in shaping attractive images of Russian regions".

For citation: Vladimir N. Kalutskov (2025) A multi-scale image of Russia in Lermontov's poem "The Village": from picture-image to map-image. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal,* no. 2(28), pp. 145–155. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-10 (In Russ.)

About the authors: Vladimir N. Kalutskov — Doctor of Geographical Sciences, Professor of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; v.kalutskov@yandex.ru

REFERENCES

1. Vernadsky G.V. 2000. *Nachertaniye russkoy istorii* [The Outline of Russian History]. St. Petersburg: Lan. (In Russ.)

2. Dokuchaev V.V. 1948. *Ucheniye o zonakh prirody* [The doctrine of the zones of nature]. Moscow: Geografgiz. (In Russ.)

3. Zamyatin D.N. 2006. *Kul'tura i prostranstvo: Modelirovanie geograficheskih obrazov* [Culture and space: Modeling of geographical images]. Moscow: Znak. (In Russ.)

4. Kalutskov V.N. 2024. *Literaturnaya geografiya: Uchebnoe posobie* [Literary geography: Textbook]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)

5. Klyuchevsky V.O. 1993. *O russkoy istorii* [About Russian history]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)

6. Pigarev K.V. 1972. *Russkaya literatura i izobrazitel'noe iskusstvo: ocherki o russkom nacional'nom pejzazhe serediny XIX v.* [Russian literature and fine arts: essays on the Russian national landscape of the middle of the XIX century]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

7. Tyutyunnik Yu.G. 2021. Khudozhestvennoe landshaftovedenie v geograficheskom opisanii [Artistic landscape studies in geographical description]. *Geograficheskij vestnik*, Perm, no. 3(58), pp. 6–20. (In Russ.)

8. Fedotov G.P. 1991. Tri stolitsy [Three capitals]. *Sudba i grekhi Rossii* [Fate and sins of Russia]. Vol.1. St. Petersburg: Sofia. (In Russ.)

9. Epstein M.N. 1990. *Priroda, mir, tajnik vselennoj: sistema pejzazhnyh obrazov v russkoj literature* [Nature, the world, the secret place of the universe: a system of landscape images in Russian literature]. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.02.2025;
одобрена после рецензирования 20.03.2025;
принята к публикации 22.03.2025.

The article was submitted 14.02.2025;
approved after reviewing 20.03.2025;
accepted for publication 22.03.2025.

И.Л. Анастасьева

КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; anastasyevairina@gmail.com

Аннотация. Роман Бернхарда Шлинка «Чтец» принадлежит к тому виду художественных произведений, о которых говорят, как о литературе «воспоминания и напоминания», таким образом, данный нарратив вписывается в коммеморативный дискурс, и прежде всего той гранью, которую исследовал французский социолог Морис Хальбвакс. Речь идет о конгруэнтности таких понятий, как индивидуальная память и память коллективная, иначе — автобиографическая и историческая. Впоследствии к теории М. Хальбвакса присоединится немецкий египтолог Я. Ассман, классифицируя память «живую», рождающуюся в процессе непосредственной коммуникации, и символически-культурную, существующую в рамках общественных представлений.

Идея наложения друг на друга двух видов памяти и возможности ее «ратификации» носителем воспоминаний была сформулирована французским ученым в книге «Социальные рамки памяти» сто лет назад, в 1925 году. Однако очевидна востребованность данной книги в сегодняшние дни, причем более, чем в годы ее издания. Роман Б. Шлинка становится яркой иллюстрацией проблемы отказа молодого поколения Германии первого послевоенного десятилетия от коллективной памяти в пользу памяти индивидуальной, а также попыткой осмыслить этот социально-исторический дискурс. Целью работы является исследование отображенного в романе процесса преодоления коммеморативного индифферентизма, формирования коллективной памяти в послевоенной Германии, преломленного сквозь призму личного восприятия культурологического нарратива.

Ключевые слова: историческая память, коллективная память, индивидуальная память, коммеморативные практики, Бернхард Шлинк, безграмотность, текст в тексте

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-11

Анастасьева Ирина Леонидовна — кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур МГУ имени М.В. Ломоносова; anastasyevairina@gmail.com

© Анастасьева И.Л., 2025

Для цитирования: Анастасьева И.Л. Культурно-символическая и коллективная память в художественном тексте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 156–170. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-11

Актуальной проблемой сегодняшнего дня, возникающей при изучении коммеморативных практик, вопросов коллективной ответственности и культурной памяти, является противоборство двух феноменов, коррелирующих друг с другом, — феномена «пассивного забывания» исторического события (деструктивная практика) с феноменом активного возрождения, мемориализации того же события в контексте выстраиваемой новой или воссозданной исторической парадигмы, с тем чтобы дать более полное представление о характере коммеморации. Коммеморативные практики — это широкое понятие, определяемое как «визуализация, объективизация культурной памяти»; коммеморацию следует интерпретировать как «совокупность публичных коллективных практик, направленных на формирование ценностей и моделей поведения через ритуально оформленное удержание и воспроизведение (повторение) в актуальной культуре значимых для группы, символически выраженных представлений о прошлом» [Шуб, 2018: 162]. Согласно исследованию, проведенному немецким культурологом, историком Алейдой Ассман, политический и культурный контекст, присущий нации или небольшой этнической группе, определяет ее восприятие истории и мира в целом, преломляясь в различного рода мемориальных практиках. Иначе говоря, воспоминание и забвение — конгруэнтные процессы в коммеморативном дискурсе, регулируемые актуальным политическим или социальным нарративом, их совокупность обеспечивает когерентность коммеморации. По мнению А. Ассман, забвение, активное разрушение тех или иных воспоминаний («непассивное забывание») само по себе также должно быть частью изучения практик мемориализации, ибо это «спланированная стратегия», вид «предписанного забвения». Коммеморативные практики, таким образом, не только способствуют созданию (восстановлению, изъятию из небытия) прежних или новых традиций, но и попранию тех, которые не созвучны эпохе [Ассман, 2014: 34–61]. В книге «Память, история, забвение» французский философ Поль Рикёр пишет, что взаимная связь между воспоминанием и отказом от памятования влияет и на восприятие исторического опыта, и на создание исторического нарратива [Рикёр, 2004: 693–700].

Коммеморативный дискурс вмещает в себя опыт многих научных направлений, решающих мемориальные задачи по вос-

становлению исторического дискурса: культурологии, истории, филологии, социологии и др. Поэтому неслучайно американский культуролог Хейден Уайт был убежден в том, «что у историков нет никаких очевидных преимуществ перед авторами художественных произведений, поскольку они также мыслят при помощи риторических тропов и "осюжетивают" материал источников в виде трагедии, комедии, сатиры или романа» [Уайт, 2014: 7]. Говоря другими словами, Уайт подчеркивал мысль о том, что литературно-художественные произведения в не меньшей степени, по сравнению с историко-социологическими исследованиями, способны анализировать процесс формирования социальных представлений нации о прошлом, отвечать на вопрос, что стоит за человеческим желанием помнить и предавать забвению, благодаря чему индивидуальное воспоминание есть не только непосредственное свидетельство о прошлом, но и симптом, порожденный культурным этническим контекстом, проблемами культурной коллективной и индивидуальной памяти.

Тема коллективной ответственности немецкого народа за совершенные во время Второй мировой войны злодеяния, проблема формирования новой историографии являются основными в романе немецкого писателя Б. Шлинка «Чтец»[1]. В основе сюжета лежит история отношений юноши, Михаэля Берга, и молодой женщины Ханны Шмиц, которая была старше него на двадцать лет. Во время каждой встречи с Ханной Михаэль был обязан читать ей книги, выбор которых она оставляла за ним, и молодой человек с не меньшим увлечением погружался в мир литературных произведений. Герои почти не обсуждали прочитанное, но книги становятся как маркером, так и триггером их нынешних и будущих отношений. Функция «чтения» приобретает в тексте амбивалентное значение. С одной стороны, это тривиальная фабула, которая призвана на какое-то время отвлечь внимание читателя от военной темы, имеющей принципиальное значение в тексте Шлинка; с этим нарративом читателю придется знакомиться постепенно. С другой — выбор книг становится средством создания художественных образов: Михаэля он характеризует как романтическую личность, чей инфантилизм долго будет мешать его проникновению в природу исторических традиций: в тексте ему отведена роль повествователя, а как говорил американский историк Хейден Уайт, «истории могут выходить из-под контроля своих авторов и рассказывать о них больше, чем бы

[1] Шлинк Б. Чтец. М.: Азбука-Аттикус, 1995. (Все сноски даются по этому изданию с указанием страницы).

они сами хотели» [Уайт, 2014: 89]. Ханна, напротив, не была сентиментальна, поэтому поступки героинь вызывали у нее резкие оценки и суждения: «Она была очень внимательной слушательницей. По ее смеху, презрительному фырканью, гневным восклицаниям или просто отдельным репликам было ясно, с каким вниманием следит она за развитием сюжета, как было понятно и то, что Эмилию с Луизой она считает просто дурочками. Нетерпение, с которым она заставляла меня читать дальше, объяснялось отчасти ее надеждой, что их глупостям рано или поздно придет конец»[2]. Ханна не глупа, достаточно проницательна, остается погруженной в историю героев в течение нескольких часов и может неожиданно задать вопрос о прочитанной (точнее, прослушанной) книге; таким образом она пытается научиться чувствовать внутреннюю жизнь персонажей. Впоследствии на Ханну, которая познакомится уже с антифашистскими произведениями, книги окажут сильное отрезвляющее влияние и сделают ее сопричастной делу формирования коллективной памяти. Таким образом, «идеологизация памяти становится возможной благодаря средствам варьирования, предоставляемым работой нарративной конфигурации» [Рикер, 2004: 619].

Постепенно в роман проникает еще одна важная для исследователя коллективной памяти тема — безграмотности: Ханна игнорирует письма Михаэля, не читает меню в ресторанах, не выбирает маршруты поездок за город, уничтожает записку, оставленную юношей в гостинице, когда он отлучается из номера, чтобы купить продукты к завтраку. Если поначалу герой объясняет ее поведение стремлением подчеркнуть над ним власть (оно напоминает сумасбродные поступки взбалмошной, эгоистичной женщины), то впоследствии он выяснит, что Ханна не умеет читать. Безграмотность тщательно скрывается героиней, маскируется под нежелание чем-либо себя нагружать. Именно эта тема актуализирует теоретическую дискуссию о механизмах исследования мнемонических и коммеморативных практик, зазвучит в унисон с идеями Патрика Хаттона о том, что «время темы памяти приходит, когда ученые <начинают> понимать ее связь с историей коллективной ментальности» [Хаттон, 2004: 7].

Не зная истинных причин, по которым героиня осталась невежественной, «функционально безграмотной», читатель может лишь догадываться, что они кроются в бедности или семейном неблагополучии. Впрочем, причины, по которым люди в совершеннолетнем

[2] Там же. С. 23.

возрасте не умеют читать, озвученные Л.В. Щербой, по-прежнему актуальны, хотя и не исчерпывают собой все ситуации (под безграмотностью известный лингвист понимает не только неумение писать/читать, но и незнание законов грамматики): это отсутствие дисциплины, новые неконструктивные методы образования и нежелание читать классические произведения [Щерба, 1957]. Даже в сегодняшней Германии (мы берем статистику этой страны лишь постольку, поскольку герои романа жили там), по сообщениям Berliner Zeitung, «четыре миллиона немцев, достигших совершеннолетия, не умеют читать и писать, и лишь немногие осмеливаются в этом признаться»[3]. Психологически модель поведения безграмотного человека совпадает с попыткой преступника скрыть следы преступления. Автор газетной публикации Хенер Йенс сообщает, что «тот, кто не умеет читать и писать, привык идти на любые уловки, лишь бы сохранить свою тайну. "Я даже перевязывал руку, ссылаясь на разрыв сухожилия", — рассказывает 41-летний Тим-Тило Фельмер, механик по профессии. Он долго мучился, пока к нему не пришло осознание того, что надо избавляться от безграмотности»[4].

Отсутствие психической стабильности обнаруживается и в поведении главного героя романа: особенности повествования рассказчика соответствуют монологу пациента на сеансе у психотерапевта. Давно замечено, что человеку проще рефлектировать по поводу происходящего, транслируя его в текст: либо устный (в процессе коммуникации), либо письменный (мемуарно-иллюстративный). Без сомнения, поступки героя романа ориентированы на ассертивность, так как он способен формулировать и анализировать собственные эмоции и переживания. И все же ему не хватает психологического здоровья, чтобы преодолеть фрустрационное состояние. Если его модель поведения ближе к пассивности, то ее — к подавлению. Героиня способна ударить любовника, причем настолько жестоко, что у него из носа идет кровь.

В этих отношениях Михаэлю отведена роль «заместительной жертвы» — понятие, введенное в научную терминологию французским философом Рене Жираром в книге «Насилие и священное». Речь идет о невинности, ничем не заслуживающей ударов насильника, кроме как своей уязвимостью и досягаемостью, но принимающей на себя ярость, вызванную другим существом [Жирар, 2010].

---

[3] Хенер Й. Лгать всю жизнь. О функциональной безграмотности в Германии // Berliner Zeitung, 14.10.2009. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2009/0395/gazeta031.php (дата обращения 30.09.2024).

[4] Там же.

Факт, что Ханна не умеет читать, говорит о том, что «другим существом», которое возбуждает враждебность в ее душе, является она сама, она злится на себя; в то время как «заместительная жертва» — Михаэль. Молодая женщина настолько горда и независима, что не может смириться с чувством слабости и несамостоятельности, порожденным безграмотностью. Так или иначе, тема чтения дергает сюжет за все нити.

Молодой герой «предпочитает» видеть рядом с собой женумать, на роль которой могла бы подойти Ханна (вспомним, что она постоянно называет Михаэля «малыш»). И, хотя связь с ней — в его глазах — носила характер литературности, именно Ханна, а не мать, об отношениях с которой речи практически не ведется, становится для Михаэля «значимым взрослым», по определению исследователей эмоционального интеллекта (EQ). Неслучайно юноша отстаивает возможность любви между людьми с большой возрастной разницей, он как бы транслирует чужие романные чувства на собственные: «меня больше увлекали взаимоотношения Жюльена Сореля с мадам де Реналь, чем с Матильдой де ла Моль. Да и Феликс Круль смотрелся, по-моему, в объятиях матери лучше, чем в объятиях дочери. Моя сестра, которая изучала германистику, как-то заговорила за обедом о спорах вокруг того, существовала ли любовная связь между Гёте и Шарлоттой фон Штайн, — все подивились моей горячности, с которой я отстаивал существование этой связи»[5]. Личная жизнь героя не сложится. Когда у него появится семья, он не будет счастлив с женщиной, не готовой его понимать и принимать так, как это делала Ханна. Книги, авторы, персонажи, всплывавшие в сознании Михаэля в дни встречи с ней, очень романтизировали атмосферу; поэтому трагедия, пережитая им во второй части произведения, потрясет неожиданностью и непредсказуемостью.

Читатель узнает, что во время Второй мировой войны Ханна Шмиц была надзирательницей в одном из концентрационных лагерей и вместе с другими надзирательницами — вольно или невольно — оказалась повинной в гибели трехсот еврейских женщин. С этой минуты роман превращается если не в историческое повествование о Холокосте, то в повествование о «практическом прошлом» (Х. Уайт), устраняющем границы между историческим и художественным нарративами. Вторая часть произведения повествует о судебном процессе над надзирательницами, трансфор-

[5] Шлинк Б. С. 22.

мируясь внутри культурологического дискурса в попытку решить проблему индивидуальной и коллективной памяти, личной ответственности и эскапистского отстранения от истории. «От того, где мы помещаем память — в человеческом мозге или психике, зависит выбор дисциплины, к которой следует обращаться с вопросом, что такое память», — пишет современная исследовательница феномена коллективной памяти Ю.А. Сафронова [Сафронова, 2020: 13]. Амбивалентность поступков героини говорит об отсутствии как индивидуальной памяти в ее сознании, так и коллективной памяти в ее психике, ибо «коммуникативная (индивидуальная — И.А.) память мало формализована, это, скорее, устная традиция, возникающая в интерактивном контексте человеческих отношений в повседневной жизни, — своего рода "живое воспоминание", существующее на протяжении жизни трех поколений: дети — отцы — деды. Ее недолговечность (всего 80–100 лет) и отсутствие общепризнанных "пунктов фиксации", связывающих ее с глубоким прошлым, в первую очередь, отличают коммуникативную память от культурной», — поясняет профессор философии Е.В. Романовская [Романовская, 2010: 40]. Ханна Шмиц, осужденная на пожизненный срок, сумела осознать свою трагическую роль в произошедшем лишь тогда, когда, отбывая тюремное заключение, научилась читать самостоятельно. По-прежнему Михаэль надиктовывал ей тексты на магнитофон и отсылал в тюрьму. Теперь это более серьезные, с точки зрения актуальности и современности проблематики, художественные произведения. Здесь важно не столько их содержание, сколько рецепция героини, ее непосредственная реакция. Грубые, резкие слова в адрес писателей, прозвучавшие из уст Ханны («Шницлер лается, а Стефан Цвейг — и вовсе дохлая собака»[6]), могут показаться тождественными авторским. Именно так расценила их писательница, д.ф.н. Грета Ионкис: «Оба писателя — евреи, Цвейг, вынужденный после вторжения нацистов бежать из родной Вены, покончил с собой в изгнании. Хотя бы потому, уже не говоря о его таланте рассказчика, он не заслуживал столь оскорбительного отзыва» [Ионкис, 2016]. Удивительно, что реакция Ханны остается без комментариев Михаэля.

Тональность второй части книги, повествующей о судебном процессе, может показаться удивительно сдержанной. Судебное разбирательство — в рецепции главного героя — сводится не к попытке дать объективную оценку случившемуся в фашистской Германии, а к расследованию частного, пусть и ужасного, эпизода в военной

[6] Шлинк Б. С. 81.

истории. Вина надсмотрщиц видится судьям не столько в том, что они согласились работать в концентрационном лагере (однако Михаэль описывает оцепенение, испытанное участниками процесса, когда они узнают, что в лагерь из Освенцима присылали по шестьдесят женщин, способных на физический труд, а из лагеря отсылали в Освенцим ослабевших шестьдесят женщин — как отработанный материал — на уничтожение), сколько в том, что они не открыли ворота церкви, в которую на ночь были помещены триста еврейских женщин. Церковь сгорела во время бомбежек вместе с запертыми в ней узницами — и об их страданиях, об ужасе, пережитом людьми, уничтоженными в пламени пожара, об их криках и стонах речи в записях Михаэля не идет. Он вообще с трудом соединяет образ Ханны с той, которая работала надсмотрщицей. Желая лучше представить себе лагерную действительность, Михаэль едет в Штрутхоф. Однако поездка не помогает ему ни понять, ни осудить Ханну, видимо, слишком «музейно», кукольно, театрально выглядел лагерь, как «расхожее клише»: «Здесь можно было бы устроить горку для катания на санках, дети могли бы размещаться во время зимних каникул в этих веселеньких бараках с решетчатыми окошками, куда их звали бы после катания на пироги и горячий шоколад»[7]. Такое же представление было у Михаэля о мемориальных комплексах Аушвица, Биркенау и Берген-Бельзена. Таким образом, сохранение концентрационных лагерей в качестве исторического символа-послания, напоминания о страшных преступлениях и пережитых людских страданиях не играло своей эмпатической роли в первые послевоенные годы. Искажение, нивелирование мемориальной функции памятников актуально и для сегодняшнего дня, они теряют свою «смысловую нагрузку», уходят с арены истории, наделенной «травматическими и триумфальными моментами»: так, Бранденбургские ворота, по замечанию А. Ассман, все чаще напоминают «площадку для световой проекции» [Ассман, 2014: 9]. Как видим, Бернхард Шлинк ставит важный для немецкого общества вопрос о неспособности молодого поколения Германии испытывать чувство вины за грехи родителей, ощущать себя сопричастным убийствам, пыткам, казням. У молодежи не было ощущения коллективной ответственности, т.к. для нее не существовало понятия исторической памяти. Еще не наступило время для коллективного осмысления происходящего, поэтому так важен *личный* опыт переживания, чего-то интимно-разрушительного, чтобы изменить представление о независимости от истории.

[7] Шлинк Б. С. 67.

Для Михаэля этим опытом становятся прошлые отношения с Ханной. Он помнит, как хорошо ему было с ней, поэтому и задумывается, существует ли его вина в том, что случилось, коль скоро он любил такую женщину. К своему ужасу он узнает, что Ханна отбирала в лагере слабых девушек, для которых было предначертано скорое возвращение в Освенцим, приводила их к себе и заставляла читать ей книги. Когда же наступало время отсылать их в лагерь смерти, фактически на убой, она не пыталась спасти их, сохранить жизнь хоть кому-то из чтецов (вновь звучит тема «заместительной жертвы»; но теперь она приобретает новое звучание: на сей раз жертвы настоящие, в то время как палач не хочет видеть себя преступником). Таким же чтецом был для нее и Михаэль: «Маленький чтец, который ее развлекал, маленький любовник, который ее забавлял? Может, она и меня отправила бы в газовую камеру, если бы захотела от меня избавиться, но не знала другого способа?»[8].

Герой желал бы что-нибудь изменить в Ханне, как-то повлиять на нее, ведь казалось, что она не вполне осознает свою вину, а точнее — вообще не понимает, в чем ее обвиняют, — она просто выполняла приказы. Ее нежелание вспоминать об этом времени не вполне укладывается в концепцию «проработки прошлого», о которой писал немецкий философ Теодор Адорно: «<...> под проработкой прошлого вовсе не имеется в виду, что прошедшее перерабатывается всерьез и его чары рассеиваются под воздействием ясного сознания. Напротив, под прошлым хотят подвести черту и по возможности стереть его из памяти. Жест необходимости все забыть и все простить, приличествующий лишь тому, кто испытал несправедливость, практикуется сторонниками тех, кто виновен в совершении этой несправедливости» [Адорно, 2005]. Ханна не испытывает желания вычеркнуть прошлое, так как у нее нет прошлого, нет «комплекса вины», она «всего лишь» следовала букве закона. Парадокс в том, что в этих буквах она и не разбиралась, поэтому самоутверждалась, взяв в руки хлыст (расхаживающей по территории концлагеря с хлыстом в руках представляет ее Михаэль).

Герой также ощущает свою оторванность от истории, его личная жизнь не является частью коллективной, поэтому-то он и предпринял попытку съездить в концлагерь. Но она оказалась неудачной. «Чтобы прикоснуться к исторической реальности, стоящей за этой картинкой, (человеку — И.А.) необходимо выйти за пределы своего “я”, усвоить точку зрения группы, увидеть, как тот или иной

[8] Шлинк Б. С. 69.

факт стал памятной датой потому, что проник в круг национальных забот, интересов и пристрастий» [Хальбвакс, 2005]. Этого не может произойти до тех пор, пока событие не станет частью коллективной памяти, не превратится в «опорный пункт воспоминания» [Крюкова, 2020: 111]; что касается немецкого общества, то в первое десятилетие после войны оно проявляло к миру лишь враждебность, подпитывая культуру ресентимента.

Приговор суда опирался на документ — равнодушно составленный отчет о гибели трехсот узниц, в написании которого обвиняли Ханну Шмиц. Хотя женщина и пыталась доказать, что не она являлась автором отчета, от графологической экспертизы отказалась, иначе для всех стала бы очевидной ее безграмотность. Но автору важно подчеркнуть ее *духовную* близорукость, ее патологическую неспособность испытывать эмпатию к погибшим женщинам. Лишь гордость, ощущение усталости и отчаяния сквозили во всей ее фигуре. Понимая серьезность наказания (вплоть до пожизненного заключения), остальные надзирательницы перекладывали ответственность друг на друга, превращая судебный процесс в уличный балаган. Но вскоре, почувствовав слабость защиты Ханны, ведущей себя нелогично, непоследовательно и даже с вызовом (в день вынесения приговора она надела черный костюм, напоминавший эсэсовскую форму), а также догадавшись о неопытности ее адвоката, подсудимые во всем обвинят Ханну.

Читать она научится в тюрьме — и начнет самостоятельно выбирать книги: «Леви, Визель, Боровский, Амери — книги жертв нацизма, а рядом автобиографические записки Рудольфа Хёсса, отчет Ханны Арендт о процессе над Эйхманом в Иерусалиме, документальная литература о концлагерях»[9]. Можно предположить, что именно прозрение героини подтолкнет ее к самоубийству.

Слегка приподнять завесу над амбивалентностью поступков героини призвана психология. В знаменитом исследовании «Игры, в которые играют люди», своеобразном учебнике по трансакционному анализу, американский психолог Эрик Берн говорит о смене ролей, которые человек играет в жизни в процессе общения с другими людьми. Трансакция — это и есть действие, направленное на других людей. Берн называет три основных сценария человеческого поведения, то есть три основных эго-состояния: Дитя, Взрослый и Родитель. Иначе говоря, в его психологической конструкции «человек представлен в виде различных “эго-состояний”, он в каждый

[9] Шлинк Б. С. 89.

момент либо Ребенок, либо Родитель, либо Взрослый» [Папуш, 2001: 338]. На смену ролей (понятие «роль» использовано условно, т.к. является обозначением психологического состояния), выбираемых людьми, влияют различные внешние и внутренние факторы: раздражение, недомогание, радость, грусть и т.д. Берн пишет: «Наблюдения за спонтанной социальной деятельностью <...> обнаруживают, что время от времени разные аспекты поведения людей (позы, голос, точки зрения, разговорный словарь и т.п.) заметно меняются. Поведенческие изменения обычно сопровождаются эмоциональными. У каждого человека некий набор поведенческих схем соотносится с определенным состоянием его сознания. А с другим психическим состоянием, часто несовместимым с первым, бывает связан уже другой набор схем. Эти различия и изменения приводят нас к мысли о существовании различных состояний *Я*[10]» [Берн, 2015: 6].

Эти сценарии поведения являются моделью самопрезентации того или иного человека, численность эго-состояний варьируется от одного пациента к другому (ведь каждый человек одновременно и пациент). Отсутствие единства личности, ее «множественность», если говорить о Ханне, принимает черты патологические. С одной стороны, она стремится стать частью окружающего мира, но не знает как; с другой — пытается отделиться от него, обособиться. Ее эскапизм не является стратегией адаптации, а скорее — стратегией защиты, так как она боится быть поверженной в случае разоблачения ее безграмотности. Ханна воспринимает реальность как враждебную, дурную; вероятно, этим и объясняется ее самоубийство за день до освобождения из тюрьмы. И все же автор оставляет читателя без ответа на, казалось бы, самый важный вопрос: переживает ли Ханна муки совести, пробуждается ли в ее душе осознание вины, понимание сопричастности к преступлениям немецкой нации, или она так и не признала своего злодеяния. Ее самоубийство — следствие нравственных страданий? (В книге «История телесных наказаний в русском праве», впервые опубликованной в 1904 году, А.Г. Тимофеев, помимо классификации наказаний, одним из первых среди криминалистов поднимал вопрос о нравственных муках, испытываемых человеком, и они часто несоразмерны физическим страданиям [Тимофеев, 1904: 6–7]). Или жест, спровоцированный чувством одиночества, обиды на жизнь, нежеланием стать частью процесса конструирования коллективной памяти, коллективной ответственности?

[10] В данном переводе термин «эго-состояние» заменен термином «состояние Я» согласно традиции.

Проблемы истории в связи со свойственными человеческой индивидуальности явлениями памяти и забвения актуализируются в современной гуманитарной культурологической мысли остро как никогда. Роман немецкого писателя превращается в точную иллюстрацию поисков места, отведенного каждому человеку, отдельной личности в общей национальной культуре, а также в попытку осмыслить свою роль в процессе коммеморации исторического опыта. Б. Шлинк расширяет вопрос о границах соприкосновения коллективной и индивидуальной памяти до его философского звучания: не давая исчерпывающих ответов, писатель ограничивается постановкой проблемы о том, существует ли понятие коллективной ответственности, является ли коллективная память совокупностью «общепубличных» мемориальных практик или коллективная память является условно сформулированной дефиницией, размытой в сознании разных носителей-реципиентов и существующей как абстрактное фольклорно-национальное понятие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Адорно Т.* Что значит «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/chto-znachit-prorabotka-proshlogo.html (дата обращения 10.12.2024).

2. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: НЛО, 2014.

3. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Эксмо, 2015.

4. *Жирар Р.* Насилие и священное / пер. с франц. Г. Дашевского. Изд. 2-е, испр. М.: НЛО, 2010.

5. *Ионкис Г.* Явление Бернхарда Шлинка // Литературный европеец. Monatliche Zeitschrift des Verbandes russischer Schriftsteller in Deutschland (Ежемесячный журнал Союза русских писателей в Германии). 2016. № 49. URL: https://le-online.org/mosty/mosty-articles/364-n49-mosty-ionkis (дата обращения 30.09.2024).

6. *Крюкова О.А.* Культурная память сквозь призму документального фильма (на материале языка «прямого кино» Квебека) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 111–117.

7. *Папуш М.П.* Что делать с Эриком Берном // Берн Э. Секс в человеческой любви / пер. с англ. М.П. Папуша. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 329–380.

8. *Рикёр, П.* Память, история, забвение / пер. с франц. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.

9. *Романовская Е.В.* Морис Хальбвакс: культурные контексты памяти // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Вып. 3. С. 39–44.

10. *Сафронова Ю.А.* Историческая память: Введение: учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022.

11. *Тимофеев А.Г.* История телесных наказаний в русском праве. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1904.

12. *Уайт Х.* Практическое прошлое / предисловие А. Олейникова. М.: НЛО, 2014.

13. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html (дата обращения 10.12.2024).

14. *Хаттон П.* История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2004.

15. *Щерба Л.В.* Безграмотность и ее причины // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 56–62. URL: https://ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba20.htm (дата обращения 10.09.2024).

16. *Шуб М.Л.* Феномен коммеморации: опыт культурологического анализа практик публичного поминовения (на примере наименования улиц Челябинска) // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15. № 2. С. 161–169.

Irina L Anastasyeva

CULTURAL, SYMBOLIC AND COLLECTIVE MEMORY IN A LITERARY TEXT

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
anastastevairina@gmail.com

Abstract. Bernhard Schlink's novel "The Reader" belongs to the kind of works of fiction that are referred to as "remembrance and reminders" literature, thus this narrative fits into the commemorative discourse, particularly in the dimension explored by the French sociologist Maurice Halbwachs. This pertains to the congruence of such concepts as individual memory and collective memory, or in other words, autobiographical and historical memory. Later, Halbwachs's theory would be further developed by German Egyptologist Jan Assmann, who distinguished between "living" memory, which is born in the process of direct communication, and symbolically cultural, existing within the framework of societal representations. The idea of overlapping two memory types and the possibility of their "ratification" by the memory bearer was formulated by the French researcher in the book "Les Cadres Sociaux de la Memoire" a hundred years ago, in 1925. However, the relevance of this book is obvious today and more than at the time of its publication. B. Schlink's novel becomes a vivid illustration of the problem of the rejection of the young generation of Germany in the first decade after World War II of collective memory in favor of individual memory, as well as an attempt to comprehend this socio-historical discourse. The aim of the work is to study the process of collective memory formation in post-war Germany depicted in the novel, refracted through the prism of personal perception of the cultural narrative.

Keywords: historical memory, collective memory, individual memory, commemorative practices, Bernhard Schlink, illiteracy, text within text

For citation: Anastasyeva I.L. (2025) Cultural, symbolic and collective memory in a literary text. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal,* no. 2(28), pp. 156–170. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-11 (In Russ.)

About the author: Irina L Anastasyeva — PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Department of Comparative Literature and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; anastastevairina@gmail.com.

REFERENCES

1. Adorno T.W. 2005. *Chto znachit «prorabotka proshlogo»* [The Meaning of Working Through the Past]. *Neprikosnovennyi zapas,* no. 2. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/chto-znachit-prorabotka-proshlogo.html (accessed 10.12.2024). (In Russ.)

2. Assmann Al. 2014. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Der Lange Schatten Der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik]. Moscow, NLO. (In Russ.)

3. Bern E. 2015. *Igry, v kotorye igrayut lyudi. Lyudi, kotorye igrayut v igry* [Games People Play. The Psychology of Human Ralationships]. Moscow, Ehksmo. (In Russ.)

4. Girard R. 2010. *Nasilie i svyashchennoe* [Violence and the Sacred]. Moscow, NLO. (In Russ.)

5. Ionkis G. *Yavlenie Bernkharda Shlinka* [The Bernhard Schlink Phenomenon]. *Monatliche Zeitschrift des Verbandes russischer Schriftsteller in Deutschland,* no. 49. URL: https://le-online.org/mosty/mosty-articles/364-n49-mosty-ionkis (accessed 30.09.2024). (In Russ.)

6. Kryukova O.A. 2020. *Kul'turnaya pamyat' skvoz' prizmu dokumental'nogo fil'ma (na materiale yazyka «pryamogo kino» Kvebeka)* [Cultural Memory Trough Documentary Films (Based on the Language of Quebec's Direct Cinema)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 111–117. (In Russ.)

7. Papush M.P. 2001. *Chto delat' s Ehrikom Bernom* [What to do with Eric Bern]. Bern, Eric. *Seks v chelovecheskoj lyubvi* [Sex in Human Love]. Moscow, EHKSMO-Press. (In Russ.)

8. Ricœur P. 2004. *Pamyat`, istoriya, zabvenie* [La Memoire, L' Histoire, L'Oubli]. Moscow, Izdatel`stvo gumanitarnoj literatury. (In Russ.)

9. Romanovskaya E.V. 2010. *Moris Khal'bvaks: kul'turnye konteksty pamyati* [Maurice Halbwachs: Cultural contexts of memory]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta,* vol. 10, no. 3, pp. 39–44. (In Russ.)

10. Safronova YU.A. 2022. *Istoricheskaya pamyat': Vvedenie: uchebnoe posobie* [Historical memory: Introduction: textbook]. Vol. 2. SPb, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

11. Timofeev A.G. 1904. *Istoriya telesnykh nakazanii v russkom prave* [The History of Corporal Punishment in Russian Law]. SPb., Tip. V. Bezobrazova i K°. (In Russ.)

12. White H. 2014. *Prakticheskoe proshloe / predislovie A. Oleinikova* [The Practical Past]. Moscow, NLO. (In Russ.)

13. Halbwachs M. 2005. *Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'* [The Collective Memory]. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 2. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html (accessed 10.12.2024). (in Russ.)

14. Hutton P. 2004. *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as an Art Memory]. SPb., Vladimir Dal`. (In Russ.)

15. Shcherba L.V. 1957. *Bezgramotnost' i ee prichiny* [Illiteracy' and its causes]. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz, pp. 56–62. URL: https://ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba20.htm (accessed 10.09.2024). (In Russ.)

16. Shub M.L. 2018. *Fenomen kommemoracii: opyt kul'turologicheskogo analiza praktik publichnogo pominoveniya (na primere naimenovaniya ulic Chelyabinska)* [The Phenomenon of Commemoration: the Experience of Cultural Analysis of Public Commemoration Practices (using the example of street names in Chelyabinsk)]. *Observatoriya kul'tury*, v. 15, no. 2, pp.161–169. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.12.2024;
одобрена после рецензирования11.03.2025;
принята к публикации 22.03.2025.

The article was submitted 15.12.2024;
approved after reviewing 21.03.2025;
accepted for publication 22.03.2025.

Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 171–183
Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal, 2025, vol. 28, no. 2, pp. 171–183

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ И РКИ

А.А. Коренев, О.Л. Давыдова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОРМАТА И КОНСТРУКТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИТОГОВОЙ АТТЕСТАЦИИ СТУДЕНТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; studywithkorenev@gmail.com; o_l_davydova@yahoo.com

Аннотация. В статье рассматриваются изменения программы государственной итоговой аттестации студентов направления подготовки «Лингвистика», профиля «Межкультурная коммуникация», произошедшие в 2023/2024 учебном году. В условиях глобализации и увеличения значимости межкультурной коммуникации подчеркивается актуальность использования портфолио как инструмента оценивания, который позволяет расширить тестовый конструкт и более глубоко отразить уровень знаний и навыков студентов. Приводится подробное описание новой структуры государственного итогового экзамена, которая включает в себя все коммуникативные виды деятельности: рецепция, медиация, интеракция, а также продукция, представляющая собой устную и письменную речь. Эти изменения направлены на формирование у студентов умений и стратегий, необходимых для успешного взаимодействия в многоязычной среде.

Также рассматриваются изменения в процедуре и критериях оценивания, что позволяет более объективно оценивать достижения студентов. Подробно анализируются ключевые этапы курса подготовки к экзамену, указываются потенциальные трудности организационного, методического и психологического характера, с которыми могут столкнуться как студенты,

Коренев Алексей Александрович — кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; studywithkorenev@gmail.com

Давыдова Ольга Леонидовна — преподаватель кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; o_l_davydova@yahoo.com

© Коренев А.А., Давыдова О.Л., 2025

так и преподаватели. Обобщается опыт проведенного экзамена, приводятся результаты обратной связи со стороны предметно-экзаменационной комиссии и студентов, а также обсуждается влияние изменения формата на обучение и подготовку к экзаменам, что подчеркивает важность адаптации образовательного процесса к современным требованиям.

Ключевые слова: оценивание, тестирование, государственная итоговая аттестация, суммирующее оценивание, оценивание портфолио, коммуникативная компетенция, коммуникативные виды деятельности, эффект обратной связи

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-12

Для цитирования: Коренев А.А., Давыдова О.Л. Трансформация формата и конструкта государственной итоговой аттестации студентов лингвистических направлений подготовки // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 171–183. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-12

С начала 21 века все больше внимания в профессионально-ориентированной литературе уделяется формирующему оцениванию, то есть оцениванию, ориентированному в большей мере на развитие знаний, навыков и умений, образующих тестовый конструкт, а не исключительно констатацию их уровня. В качестве одного из распространенных инструментов такого оценивания можно выделить создание языкового портфолио. В общеевропейских документах 1990-х годов, касающихся использования портфолио в обучении иностранным языкам, отмечается, что его использование связано с принципом обучения на протяжении всей жизни. В ситуации профессионально-ориентированного оценивания коммуникативной компетенции можно было бы также добавить, что опыт создания и презентации портфолио может быть также полезен обучающимся в контексте будущей профессиональной деятельности, в частности, элементы портфолио либо все портфолио целиком может быть ими использовано при прохождении интервью для приема на работу. Сам опыт создания и презентации подобного документа способствует развитию не только коммуникативной, но и экзистенциальной компетенции обучающихся, так как повышает уровень осознанности в их отношении к обучению и к жизни в целом.

Что касается опыта использования портфолио как инструмента оценивания, то зарубежные ученые причисляют оценивание портфолио, наряду с проектной деятельностью, к одной из основных форм «альтернативного» или формирующего оценивания [Сафоно-

ва, 2024]. Основное различие между этими типами оценки и стандартизированными традиционными тестами заключается в том, что при использовании альтернативных инструментов оценивания можно получить более широкий диапазон, который дает доказательства достижения целей учебных программ. Эти доказательства представляются в виде результатов работы, проекта или портфолио и могут быть заархивированы и использованы позже вместе с другими доказательствами обучения в качестве компиляции доказательств для демонстрации достижений. В работах отечественных ученых портфолио как инструмент оценивания привлек внимание в начале 21 века и уже получил отражение в большом количестве опубликованных работ по педагогике и методике обучения иностранным языкам [Луферов, 2023; Новикова, 2005].

В рамках произошедшей в 2023–2024 гг. на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова трансформации программы государственной итоговой аттестации языковое портфолио было рассмотрено как инструмент не только формирующего, но и суммирующего оценивания. Признавая важность опыта создания портфолио для развития коммуникативных умений, основное внимание было уделено потенциалу использования данного инструмента для суммирующего оценивания по итогам обучения на уровне бакалавриата по интегрированной программе направления подготовки «Лингвистика», профилю «Межкультурная коммуникация».

В предыдущем поколении программ итоговой аттестации, использовавшихся более 10 лет, экзамен состоял из трех частей: устного реферирования научного текста, презентации на иностранном языке собственного проекта ВКР и беседы по ее научной проблематике. Последние две части экзамена остались прежними, однако в 2023/2024 учебном году структура экзамена изменилась и включила в себя следующие основные элементы:

1. Письменное реферирование и сравнение письменного (объемом до 1100 слов) и устного (видео)текста (продолжительностью до 10 минут). В рамках данного задания выпускникам предлагается прослушать аудиотекст или отрывок аудиотекста или видео продолжительностью до 10 минут и сделать заметки. Жанры текста: публичная лекция, мастер-класс, научный доклад, интервью с экспертом. Далее выпускникам раздается письменный текст длинной до 1100 слов по схожей тематике. Жанром итогового текста стал реферативный обзор, а формулировка задания звучала следующим образом: «Кратко обобщив содержание устного и письменного

текста, проведите их сравнение по содержанию и высказываемым аргументам и, опираясь на полученные в ходе обучения знания, выскажите и обоснуйте собственное мнение по предложенной тематике в академическом тексте объемом 300–350 слов». В качестве рамочного стимула студентам был также предложен примерный план обзора. Использование данного формата вернуло в экзамен письменную часть и позволило оценить письменно-речевые умения медиации текстов. Обзоры оценивались по следующим критериям: содержание (выполнение поставленной коммуникативной задачи), структура и организация, грамотность, лексическая точность и соответствие академическому стилю изложения.

2. Подготовка и представление академического портфолио выпускника. Данная часть стала главной инновацией экзамена и потребовала подготовки как студентов, так и преподавателей и членов комиссии к ее оцениванию. Основными оцениваемыми коммуникативными видами деятельности в рамках данного задания стали устная и письменная продукция, но также оценивались и умения рефлексии (именно оценивание данного элемента конструкта вызвало наибольшие споры среди членов комиссии с точки зрения целесообразности и инструментария оценивания). В рамках подготовки к государственной итоговой аттестации выпускники готовят академическое портфолио, состоящее из следующих элементов:

- Общий рефлексивный обзор (overall learning report) длиной 250–300 слов — обобщает основные приобретенные в ходе обучения знания, навыки и умения и личностный и профессиональный рост студента в ходе обучения по программе бакалавриата.
- Языковой портфель (5 работ) — включает краткую характеристику 5 значимых для выпускника работ на иностранном языке и их краткую характеристику на английском языке (до 150 слов по каждой работе)
- Исследовательская часть — включает краткое описание проекта ВКР (до 200 слов), а также может включать дополнительно информацию о посещенных научных мероприятиях и опубликованных научных работах с их описанием и характеристикой их значимости на английском языке (до 150 слов по каждой работе).

Во время экзамена выпускник представляет свое портфолио комиссии в распечатанном или электронном виде и проводит презентацию портфолио (до 5 минут), описывая свой личностный и про-

фессиональный рост во время обучения и раскрывая значимость включенных в портфолио работ с точки зрения развития его (ее) компетенций. Портфолио должно было быть сдано на кафедру, принимающую экзамен не позднее, чем за 7 дней до экзамена в печатном или электронном виде. Оценивание самого портфолио по содержанию проводилось членами комиссии заранее и приносило до 10% итоговой оценки. Презентации портфолио оценивались по следующим критериям: сформированность умений рефлексии, структура и организация устной презентации, беглость, лексическая точность и вариативность, грамотность, соответствие академическому стилю речи в устной форме. Данная часть экзамена приносила до 30% итоговой оценки.

3. Третья часть экзамена (беседа), оценивающая неподготовленную устную речь, была расширена, дополнена критериями оценивания интеракции и в современной редакции программы называется «Беседа по академическому портфолио выпускника». Члены государственной экзаменационной комиссии задают выпускнику 4–7 вопросов по содержанию портфолио, и выпускник дает ответы на вопросы членов комиссии, при необходимости уточняя их суть. Критериями оценивания являются точность ответов на поставленные вопросы, взаимодействие с собеседником, беглость, лексическая точность, грамотность, соответствие академическому стилю речи в устной форме, а удельный вес данной части в итоговой оценке составляет 20%.

Таким образом, современный формат ГИА подразумевает как устную, так и письменную части и оценивает все коммуникативные виды деятельности: рецепцию (восприятие устного и письменного текста), медиацию (их сопоставление), письменную (портфолио) и устную (презентация) продукцию и интеракцию (беседу с членами комиссии). Удельные веса оценивания распределены таким образом, чтобы уравновесить письменную и устную речь (40% обзор + 10% портфолио vs. 30% презентация + 20% беседа).

В учебном плане 4 годов обучения по программам бакалавриата предусмотрены курсы, направленные на развитие у студентов целевых умений для успешной сдачи экзамена. Подготовка к сдаче ГИА проходила в течение двух семестров и включала в себя два курса «Письменное реферирование» (осенний семестр, 72 часа) и «Практика речевой коммуникации» (весенний семестр, 20 часов). Для успешной подготовки студентов к сдаче ГИА в новом формате в первом семестре было необходимо проведение сдвоенных занятий каждую неделю. Практика показала, что студенты 4-го курса отделе-

ния МКК хорошо подготовлены к выполнению предлагаемых задач в целом (составление заметок при просмотре видео и их анализ, чтение и анализ предложенного текста, планирование, написание и редактирование реферативного обзора). Однако необходимость выполнять данные задачи в сжатые сроки без возможности воспользоваться справочной литературой или интернет-ресурсами, по словам самих студентов, представляло существенную трудность. Таким образом, проведение двух занятий подряд было крайне важным, так как помогало им подготовиться к выполнению целевых задач в схожих с экзаменационными условиях.

Содержание текстовых и видеоматериалов для курса было подобрано с учетом специальности студентов, в связи с чем видео и тексты на темы, связанные с межкультурной коммуникацией, составили 70%. Другие темы включали роль английского языка в мире, вопросы преподавания и изучения языков и т.д. При отборе материала также использовался общедидактический принцип «от простого к сложному»: от выступлений с четко заданной схожей структурой (TED Talks, интервью) к более вариативным (отрывки лекций, ток-шоу). Тот же принцип применялся и в отношении возможных сложностей при аудировании (скорость речи, акцент, качество записи). Так как написание обзора подразумевало не только сжатие текстов, но и выражение собственной позиции по их проблематике, потребовалось в рамках подготовки актуализировать знания студентов по рассматриваемым темам. В начале каждого занятия студентам предлагались к изучению справочные материалы, содержащие дефиниции наиболее сложной лексики из видео, а также комментарии к упоминаемым реалиям. Данный прием существенно облегчил понимание содержания, а также способствовал лучшему формированию лексических навыков (в материалы входили и разработанные преподавателем упражнения на тренировку употребления новых лексических единиц). После просмотра группа обсуждала содержание видео, фокусируясь на определении темы, анализе структуры выступления, определении аргументов, риторических приемов и оценке их убедительности, роли примеров и т.д. Для развития рецептивных умений на первом и втором занятиях курса студентам были продемонстрированы основные принципы переводческой скорописи при последовательном устном переводе с целью развития навыка делать записи с минимальными временными затратами. В частности, акцент делался на выработку эффективных сокращений для часто встречающихся терминов, способов обозначения множественного числа, выражений модальности, а также на

ведение записей вертикально в столбик (для экономии времени на перенос руки по странице). Студентам предлагались упражнения на тренировку данного навыка, позволяющие оценить его возможные преимущества. Преподаватель, однако, неоднократно подчеркивал вспомогательный характер предложенной системы фиксации информации и не настаивал на ее дальнейшем использовании, расширяя, а не сужая инструментарий студентов.

Временные ограничения на выполнение экзаменационного задания (120 минут на чтение и написание реферативного обзора) диктовали необходимость быстро определить тему, целевую аудиторию, структуру, основные смысловые блоки и ключевые понятия текста. В связи с этим в начале семестра (недели 1–5) студентам предлагались тексты экзаменационного формата (1000 знаков) для изучающего чтения с последующим обсуждением. На этом этапе более важным представлялось выяснение связей между видео и текстом, а также последующая работа над реферативным обзором. На следующем этапе предлагались более объемные тексты (5000–7000 знаков) для улучшения стратегий просмотрового чтения и повышения скорости работы с текстом. Наконец, на финальных неделях семестра студентам снова предлагались тексты объемом 1000 знаков для закрепления сформированных умений и стратегий в соответствии с экзаменационными требованиями. Тем не менее, вне зависимости от количества слов рекомендуемые техники при работе с текстом оставались неизменными: составление схем, подчеркивание ключевых фраз, определений, фактов и т.д. с их последующим анализом.

При написании первых работ в рамках курса перед студентами не ставилась цель точно соответствовать количеству слов (300–350) и стилистическим требованиям, так как на начальном этапе развитие умений планирования и формирования образа целевого текста, соответствующего структурным и содержательными требованиям, представлялась более приоритетной задачей. На данном этапе написанию текста предшествовало подробное групповое обсуждение, по итогам которого определялось его оптимальное содержание. Таким образом, использовался процессный подход к обучению письменной речи. На втором этапе (недели 6–10), упор делался уже на необходимость все более строгого соответствия требованиям к объему и стилистическим особенностям жанра. В связи с этим на данном этапе студенты дополнительно выполняли задания, включающие редактирование собственных и предлагаемых преподавателем реферативных обзоров. В частности, эффективным с точки

зрения студентов и преподавателя показался формат работы, при котором студенты предлагали свои варианты исправлений текста, выведенного на экран в аудитории, и выбирали наиболее подходящие формулировки из предложенных с точки зрения соответствия стилистическим требованиям жанра. В процессе редактирования поощрялось использование словарей и интернет-ресурсов. Продолжительность обсуждения содержания постепенно уменьшалась. На последнем этапе предварительное обсуждение содержания реферативного обзора сводилось к минимуму, использование словарей и интернет-ресурсов не допускалось.

Работа над составлением академического портфолио выпускника оказалась новой профессиональной задачей для ведущего курс подготовки преподавателя и потребовала его методического сопровождения и регулярных консультаций со стороны разработчиков новой программы ГИА. Кроме того, один из разработчиков программы провел специальное занятие для студентов по подготовке портфолио и принял участие в консультации перед экзаменом, которая (с разрешения принимавших участие студентов) была записана на видео и представлена членам экзаменационной комиссии как тренировочный материал, позволивший составить представление о новом формате экзамена. Написание общего рефлексивного обзора в целом базировалось на групповом обсуждении, проведенном в ходе занятий. Для подготовки такого обсуждения были использованы как вопросы, предложенные в рекомендациях по подготовке языкового портфолио, так и более общего характера (например, “What are the best and worst things about studying?”, “What would you study on a ‘How to study’ course?”). Важно отметить, что при наличии доверительной атмосферы на занятии, в ходе обсуждения студенческого опыта неминуемо возникают негативно окрашенные воспоминания — недовольство конкретным учебным курсом или учебной программой в целом (частой жалобой, в частности, является наличие «лишних», по мнению студентов, общеобразовательных дисциплин в учебном плане или недостаток практических занятий по языку), сложности в общении с преподавателем и т.д. Преподаватель, модерирующий обсуждение, должен быть открыт к получению подобной обратной связи, однако оставаться в рамках профессиональной этики и направлять студентов от обратной связи на рефлексию собственного опыта. По результатам опроса студентов, проведенного после сдачи ГИА, была отмечена сравнительно невысокая сложность написания данной части портфолио. Для анализа использовалась 4-балльная шкала Ликерта со следующими града-

циями: «очень легко» — 1 человек, «довольно легко» — 13 человек, «довольно сложно» — 1 человек, «очень сложно» — 0 человек, наряду с оценкой эмоциональной составляющей данного опыта: «очень увлекательно» — 6 человек, «довольно увлекательно» — 9 человек», «довольно скучно» и «очень скучно» — 0 человек.

По результатам опроса, работа над второй частью портфолио (анализ пяти письменных работ) представляла существенные трудности по сравнению с другими элементами. В частности, в комментариях ряд студентов указывали на проблемы с поиском своих работ прошлых лет. В связи с этим, представляется целесообразным регулярно напоминать студентам младших курсов о необходимости сохранять свои письменные работы для последующего их использования при составлении портфолио для прохождения ГИА и в целом уделять больше внимания рефлексии их собственного образовательного опыта. Другим негативным фактором стала трудоемкость этапа планирования данной части портфолио. По нашему мнению, ключевым условием здесь является проведение всестороннего анализа работ и избежание повторного обращения к одним и тем же аспектам (например, упоминание грамматических ошибок в связи с двумя или более работами). В рамках подготовки студентам был предложен список различных аспектов для рефлексии, включавший в себя как лингвистические особенности письменной работы (лексические, грамматические, стилистические и синтаксические), так и психологические аспекты ее выполнения (уровень тревожности при написании работы и его причины, сложность завершения работы в установленные сроки, степень удовлетворенности результатом в целом, психологические особенности работы в группе при выполнении совместных проектных заданий и т.д.), а также аспекты, касающиеся содержания работы (степень соответствия заданной теме, глубина исследования вопроса и т.д.). Необходимо отметить, что анализ отобранных для включения в портфолио работ с учетом всех перечисленных выше особенностей занял существенное время.

Студенты оценили задачу краткого описания ВКР как среднюю по сложности по сравнению с двумя другими частями портфолио. Основной проблемой стала необходимость соответствовать требованию к количеству слов. В частности, в комментариях к опросу высказывались пожелания увеличить требуемый максимум слов. По нашему опыту, целесообразно сконцентрироваться на данной задаче за две-три недели до экзамена, так как в начале семестра студенты часто указывали, что, находясь в процессе написания ВКР, они за-

трудняются четко сформулировать цели, задачи, актуальность исследования и т.д.

На финальных занятиях студенты составляли текст устного выступления и практиковались в его презентации, обращая особое внимание на длительность (максимально 7 минут). Важной частью подготовки к устной части ГИА стало повышение психологической устойчивости в процессе ответов на вопросы экзаменационной комиссии. Для этих целей студентам предлагалось придумать максимально сложные и неожиданные вопросы для одногруппников и задать их в недружелюбной манере по завершении устной презентации. Выступающие были заранее предупреждены об игровом характере задания и дали свое согласие. По итогам занятия студенты охарактеризовали данный вид работы как сложный, увлекательный и крайне полезный как с содержательной, так и с психологической точки зрения.

Особый интерес представляет также реакция членов комиссии на новый формат ГИА. При изначальной единогласной поддержке нового формата, ближе к экзамену ряд членов комиссии высказал несогласие с целесообразностью оценивания умений рефлексии, так как не относил их к целевому конструкту по предмету «Иностранный язык». Кроме того, была отмечена высокая трудоемкость нового формата, требующая как проверки письменных работ, так и необходимости заранее ознакомиться с содержанием портфолио выпускников. Важным замечанием членов экзаменационной комиссии стало то, что в новом формате экзамена был слишком велик удельный вес подготовленной устной речи, что, по их мнению, привело к тому, что не было возможности в полной мере оценить уровень владения иностранным языком и приводило к завышенным результатам экзамена. Данное замечание следует учесть при доработке формата экзамена, перераспределив веса критериев.

Таким образом, трансформация ГИА вызвала в целом положительный отклик у студентов, позволила всесторонне оценить их коммуникативные умения с точки зрения разных коммуникативных видов деятельности и повысить валидность ГИА, связав его задания с реальными ситуациями общения. С другой стороны, существенно вырос удельный вес подготовленной речи и трудозатраты со стороны членов комиссии на проведение экзамена в данном формате. В качестве основного вывода следует сформулировать, что любое существенное изменение экзаменационного формата должно опираться на методическое сопровождение его внедрения не только при работе со студентами, но и в рамках методической работы с профес-

сорско-преподавательским составом. По итогам анализа эффекта обратной связи оценивания на процесс обучения (washback effect) можно отметить, что введение нового формата способствовало реализации принципов моделирования проблемно-ориентированной образовательной среды в университетском языковом образовании [Сафонова, 2024] и существенно лучшего осознания самими студентами его ценности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Луферов Д.Н.* Языковое портфолио как технология организации самостоятельной работы студентов, изучающих дисциплину «Иностранный язык» // Вестник МГОУ. Серия: Педагогика. 2017. № 4. С. 152–163. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoe-portfolio-kak-tehnologiya-organizatsii-samostoyatelnoy-raboty-studentov-izuchayuschih-distsiplinu-inostrannyy-yazyk (дата обращения: 04.02.2023).

2. *Новикова Т.Г., Пинская М.А., Прутченков А.С.* Построение различных моделей портфолио // Методист. 2005. № 3. С. 39–43.

3. European Language Portfolio. Goal Setting and learning how to learn [Электронный ресурс]. URL: https://rm.coe.int/16804932c3 (дата обращения: 08.12.2022).

4. *Сафонова В.В.* Лингводидактические основы моделирования проблемно-ориентированной образовательной среды в университетском языковом образовании // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 1. С. 9–25.

THEORY AND PRACTICE OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING AND RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Alexey A. Korenev, Olga L. Davydova

TRANSFORMATION OF THE FORMAT AND CONSTRUCT OF THE STATE FINAL ASSESSMENT FOR STUDENTS MAJORING IN LINGUISTICS

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; studywithkorenev@gmail.com; o_l_davydova@yahoo.com

Abstract. The article discusses the changes in the state final certification program for students in the field of "Linguistics," profile "Intercultural Communication," that occurred in the 2023-2024 academic year. In the context of globalization and the increasing significance of intercultural communication, the relevance of using portfolios as an assessment tool is emphasized, as it allows for an expanded

testing construct and a deeper reflection of students' knowledge and skills. A detailed description of the new structure of the state final exam is provided, which includes all communicative activities: reception, mediation, interaction, as well as production, representing both oral and written speech. These changes are aimed at developing comprehensive skills in students that are necessary for successful interaction in a multilingual environment.

The article also addresses changes in the procedures and assessment criteria, which allow for a more objective evaluation of students' achievements. Key stages of the exam preparation course are analyzed in detail, highlighting potential organizational, methodological, and psychological challenges that both students and instructors may encounter. The experience of conducting the exam is summarized, including feedback from the subject-examining commission and students, as well as a discussion of the impact of format changes on learning and exam preparation, underscoring the importance of adapting the educational process to contemporary requirements.

Keywords: assessment, testing, final state examination, summative assessment, portfolio assessment, communicative competence, modes of communication, washback effect

For citation: Bubnova G.I. (2025) Prosody in the Oral and Written Language Forms Interaction. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal,* no. 2(28), pp. 171–183. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-12 (In Russ.)

About the author: Alexey A. Korenev — Ph.D. in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Theory of Foreign Language Teaching, Faculty of Foreign Language and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; studywithkorenev@gmail.com; *Olga L. Davydova* —Lecturer, Department of Theory of Foreign Language Teaching, Faculty of Foreign Language and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; o_l_davydova@yahoo.com.

REFERENCES

1. Lupherov D.N. 2017. Yazikovoe portfolio kak tekhnologiya organizacii samostoyatel'noj raboty studentov, izuchayushchih disciplinu "Inostrannyj yazik" [Language portfolio as a technology of organizing independent work of students learning the discipline "Foreign language"]. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Pedagogics,* no. 4, pp. 152–163. (In Russ.) URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoe-portfolio-kak-tehnologiya-organizatsii-samostoyatelnoy-raboty-studentov-izuchayuschih-distsiplinu-inostrannyy-yazyk (accessed: 04.02.2023).

2. Novikova T.G., Pinskaya M.A., Prutchenkov A.C. 2005. Postroenie razlichny`x modelej portfolio [Compiling various models of portfolio]. *Metodist*, no. 3, pp. 39–43. (In Russ.)

3. European Language Portfolio. Goal Setting and learning how to learn. URL: https://rm.coe.int/16804932c3 (accessed: 08.12.2022).

4. Safonova V.V. 2024. Lingvodidakticheskie osnovy` modelirovaniya problemno-orientirovannoj obrazovatel`noj sredy` v universitetskom yazy`kovom obrazovanii [Linguodidactic fundamentals of modeling a problem-oriented educational environment in university language education]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1. pp. 9–25. (In Russ)

Статья поступила в редакцию 13.06.2024;
одобрена после рецензирования 10.03.2025;
принята к публикации 22.03.2025.

The article was submitted 13.06.2024;
approved after reviewing 10.03.2025;
accepted for publication 22.03.2025.

Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 184–194
Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal, 2025, vol. 28, no. 2, pp. 184–194

Е.Л. Сахнина

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ИДИОМАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ МАГИСТРАТУРЫ ЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; sakhninael@my.msu.ru

Аннотация. В настоящее время очевидна необходимость обучения иностранному языку в контексте диалога культур и цивилизаций, что предполагает глубокое лингводидактическое исследование национально-культурной специфики изучаемого языка с точки зрения лингводидактики. Идиомы, как хранители культурной памяти народа и средство усиления эмоционально-экспрессивной стороны высказывания, являются важной частью лексического репертуара студентов с уровнем коммуникативного владения иностранным языком C1-C1+, что, как правило, соответствует уровню студентов магистратуры, обучающихся по специальности 45.04.02 «Лингвистика».

В данной статье раскрывается необходимость развития идиоматической компетенции у студентов-лингвистов магистратуры в различных сферах профессиональной межкультурной деятельности, а также предлагается методическая трактовка термина «идиоматическая компетенция» для вузовского сегмента образования. При анализе существующего методического инструментария и средств идиоматического обогащения коммуникативной речи студентов магистратуры на английском языке, обнаружено, что в настоящее время отсутствует методически целесообразный инструментарий и средства обогащения английской речи студентов именно в профессионально значимых сферах. На основе анализа, проведенного автором, предлагается типология заданий для формирования и развития идиоматической компетенции у студентов магистратуры (специальность 45.04.02 «Лингвистика»), а также обосновывается необходимость осуществления коммуникативно-когнитивного тренинга обучающихся для адекватного использования идиоматических выражений английского языка в профессиональной иноязычной устной и письменной речи.

Сахнина Елизавета Леонидовна — преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; sakhninael@my.msu.ru

© Сахнина Е.Л., 2025

Ключевые слова: идиомы, фразеологические единицы, идиоматическая компетенция, университетское образование, проблемное обучение, проблемно-ориентированная образовательная среда, английский язык

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-13

Для цитирования: Сахнина Е.Л. Лингводидактические основы развития идиоматической компетенции у студентов магистратуры языковых специальностей // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19 Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025 Т. 28. № 2. С. 184–194. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-13

Эффективность научно-исследовательской и международной деятельности выпускников высших учебных заведений напрямую зависит от уровня их профессиональной вербальной подготовки. Высокий уровень коммуникативного владения иностранным языком и способность качественно выполнять поставленные профессиональные коммуникативные задачи в научно-исследовательской, научно-просветительской, консультационной, экспертной и педагогической деятельности становится принципиально важной, в первую очередь, для магистров, обучающихся по специальности 45.04.02 «Лингвистика». На уровне магистратуры предполагается способность не просто «*свободно выражать свои мысли на первом и втором иностранном языке*», но и «*создавать и понимать речевые произведения на изучаемом иностранном языке в устной и письменной формах применительно к официальному, нейтральному и неофициальному регистрам общения*»[1]. При этом межкультурная компетентностная парадигма современного языкового образования диктует необходимость развития коммуникативной компетенции в единстве всех ее компонентов: лингвистической, коммуникативно-прагматической, социокультурной, компенсаторной, самообразовательной и информационно-коммуникационной компетенций [Сафонова, 2016].

Особый лингводидактический интерес на уровне магистратуры представляет идиоматический компонент лексической иноязычной компетенции. На данном уровне языкового образования предполагается коммуникативное владение иностранным языком на уровне не ниже С1, о чем свидетельствуют Общеевропейские рамочные рекомендации по уровням коммуникативного владения иностранным языком: «*At C1 level one should have a good command of common idiomatic expressions and colloquialisms; can play with words/signs fairly*

[1] ОС МГУ по направлению 45.04.02. ЛИНГВИСТИКА, М.: МГУ, 2021. С. 15.

well… At C1 level one should have a good command of a very broad lexical repertoire including idiomatic expressions and colloquialisms; shows awareness of connotative levels of meaning» [2].

Важной составляющей идиоматического компонента лексической компетенции являются фразеологические единицы (ФЕ), определяемые О.С. Ахмановой в *Словаре лингвистических терминов* как «словосочетание, в котором семантическая монолитность (цельность номинации) довлеет над структурной раздельностью составляющих ее элементов, вследствие чего оно функционирует в составе предложения как эквивалент отдельного слова» [Ахманова, 1966: 503]. В данной статье рассматривается такой подвид ФЕ, как «идиома». Стоит отметить, что трактовка понятия «идиома»/*idiom* в отечественной и зарубежной лингвистике отличается.

Так, в отечественной лингвистике существует довольно много трактовок термина «идиома», которые, однако, объединяет наличие схожих свойств, а именно: устойчивость, воспроизводимость, целостность значения, раздельнооформленность, семантическая эквивалентность слову, непроницаемость [Амосова, 1963; Ахманова, 2009; Виноградов, 1977; Смирницкий, 1998 и др.]. В данной статье, вслед за А.И. Смирницким, «идиома» определяется как «единица языка, чье значение идиоматично, то есть напрямую не связано с составляющими ее компонентами» [Смирницкий, 1998: 205] и чье значение основывается на «метафоре, ясно осознающейся говорящим» [там же: 206].

Зарубежные исследователи, в частности, англоязычные [см., например, Howarth, 1996; Liontas, 1999], разделяют идиомы в широком значении, включающие в себя фразовые глаголы, формулы вежливости, пословицы, поговорки и прочие лексические единицы, лишенные метафоричности, и собственно идиомы (*pure idiom*s и *figurative idioms*), чье определение схоже с данным А.И. Смирницким. Подобное расхождение в интерпретации основополагающего термина может привести к определенным лингводидактическим трудностям в процессе создания модели идиоматического обогащения речи студентов.

Стоит также отметить, что в настоящее время в лингводидактике существует два термина, обозначающие уровень сформированности навыков и умений коммуникативного владения идиоматическим репертуаром: «фразеологическая компетенция»

[2] CEFR. Companion Volume. Council of Europe. CEFR Companion Volume with New Descriptors — Strasbourg: Language Policy Programme, Education Policy Division, Education Department, 2021. C. 131.

[Добрыднева, 2000; Чепокова, 2023 и др.] и «идиоматическая компетенция» [Осипова, 2017]. С лингводидактической точки зрения наиболее приемлемым видится отталкиваться от понятийного содержания термина «идиоматическая компетенция», предлагаемого Е.С. Осиповой [см. подробнее: Осипова, 2015]. Однако поскольку ее трактовка термина сопряжена со школьным сегментом языкового образования, представляется целесообразным его уточнить, ориентируясь на специфику вузовского лингвокультурного образования. Таким образом, в условиях обсуждения вопросов идиоматического обогащения речи студентов-лингвистов в высшей школе «идиоматическую компетенцию» предлагаем определять как совокупность знаний и умений, составляющих способность обучающегося распознавать и корректно декодировать идиоматические выражения в иноязычной устной и письменной речи, а также коммуникативно-приемлемо использовать их в своей иноязычной речи, учитывая сферу профессионального межкультурного взаимодействия (научно-просветительская, публичная, педагогическая и т.д.).

Соответственно, для формирования идиоматической компетенции у студентов магистратуры, обучающихся по направлению 45.04.02 «Лингвистика», в условиях организации аудиторной и самостоятельной работы представляется целесообразным:

- расширить теоретические знания об идиомах (происхождение ФЕ, процессы деформации при использовании ФЕ в речи, функции ФЕ в речи, стилистические особенности и частотность употребления ФЕ, культурологический код, скрытый в идиомах, и способы его декодирования);
- лингводидактически определить диапазон использования идиом (включенных в коммуникативный минимум) с учетом стиля письменной и/или устной англоязычной речи и частотности употребления их в осваиваемых видах профессиональной деятельности;
- обеспечить коммуникативно-когнитивный тренинг[3] использования идиом в сферах профессиональной межкультурной коммуникации на английском языке.

[3] В данной статье коммуникативно-когнитивный тренинг определяется как система коммуникативно-когнитивных заданий (включая лингвокультурные), направленный на отработку коммуникативно-приемлемого использования изученного языкового материала в условиях, приближенных к условиям реального профессионального межкультурного иноязычного общения.

В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом по направлению 45.04.02 «Лингвистика»[4], формирование идиоматической компетенции при подготовке лингвистов как экспертов профессионального межкультурного взаимодействия должно происходить в условиях проблемно-ориентированной образовательной среды. Одним из главных инструментов создания подобной среды являются учебно-методические комплексы, построенные на принципах проблемного подхода [Махмутов, 2016; Сафонова, 2024].

В ходе проведенного исследования средств обучения идиоматической стороне английской речи было обнаружено, что российское языковое образование не в достаточной степени обеспечено адекватными учебными пособиями, направленными на изучение идиом (см., например, Ю.С. Гурикова «Идиомы», 2018; Н.Ю. Голицына «Английский язык. Идиомы», 2019), что побудило исследовать не только отечественные, но и зарубежные УМК. Однако лингводидактический анализ 10 зарубежных пособий[5], направленных на развитие идиоматической компетенции не-носителей языка, показал, что в данных учебниках используют только языковые и условно-речевые задания и упражнения; задания, направленные на рассмотрение социокультурного аспекта изучения идиом, крайне малочисленны и имеют малый лингводидактический потенциал, а задания проблемного характера не встречаются ни в одном из рассмотренных пособий. Таким образом, можно заключить, что проанализированные пособия построены на традиционном знаниевом подходе и с их помощью невозможно в полной мере развить умение коммуникативно-приемлемо использовать идиомы в речи.

Формирование идиоматической компетенции у не-носителей языка всегда представляет трудности при ее развитии [подробнее

---

[4] ФГОС ВО — Магистратура по направлению подготовки 45.04.02 Лингвистика, М.: Минобрнауки России, 2020.

[5] *Wright J.* Idioms Organiser — Org. by Metaphor, Topic, Key Word. Thomson, 2002; *O'Dell F., McCarthy M.* English Idioms in Use Advanced. Cambridge University Press, Cambridge, 2010; *O'Dell F., McCarthy M.* English Idioms in Use Intermediate. Cambridge University Press, Cambridge, 2010; *Gairns R., Redman S.* Oxford Word Skills: Intermediate: Idioms and Phrasal Verbs Student Book with Key; Learn and Practise English Vocabulary. Oxford University Press, Oxford, 2011; *Gairns R., Redman S.* Oxford Word Skills: Advanced: Idioms and Phrasal Verbs Student Book with Key; Oxford University Press, Oxford, 2011; *Workman G.* Oxford Phrasal Verbs and Idioms Advanced. Oxford University Press, Oxford, 2011; *Wyatt R.* Check Your English Vocabulary/Phrasal Verbs and Idioms. A&C Black, 2007; Kirkpatrick B. English for Social Interaction — Everyday Idioms — Learner's publishing Pte Ltd, Singapore, 2004; *Booth T., Wilson J.* English for Everyone — English Idioms. DK, Dorling Kindersley, London, 2019; *Seidl J.* English idioms. Exercises on idioms. Oxford University Press, Oxford, 1989.

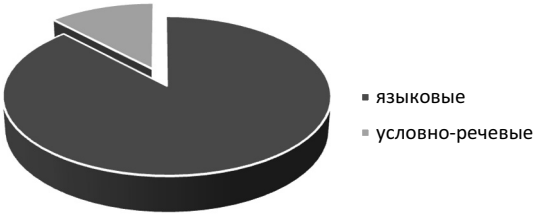


График 1. Соотношение видов заданий в зарубежных УМК по идиоматике

см. Сахнина, 2023]. Примером, с одной стороны, является не всегда адекватное речевое поведение независимого американского журналиста Майкла Бома, активно принимающего участие в российских общественно-политических шоу («Место встречи», «Политика», «Специальный корреспондент», «Время покажет» и др.): анализ его речевого поведения как эксперта в области международных отношений показывает достаточно высокий уровень коммуникативного владения русским языком, включая лингвистическую, коммуникативно-прагматическую, дискурсивную и коммуникативно-функциональную компетенции. Однако наблюдение за его выступлениями во время телепередач позволяет выявить целый ряд коммуникативных сбоев во взаимодействии М. Бома с другими экспертами в силу перенасыщенности его речи идиомами, а иногда неразличения стилистического диапазона, определяющего, какая идиома может использоваться в бытовой сфере, а какая в условиях профессиональной коммуникации («С какого бодуна они ввели войска?», «Трамп и Ким встретятся, как миленькие после того, как обзывали друг друга», «Трамп хочет уйти из Сирии. Пусть Россия расхлебывает эту кровавую баню» и др.). В связи с чем при обсуждении важных социально-заостренных вопросов, аудитория отвлекается, улыбается, то есть, по сути, происходит коммуникативный сбой.

С другой стороны, методическое наблюдение за степенью идиоматичности английской речи студентов магистратуры показало, что обучающиеся либо избегают использования идиом, либо перенасыщают ими свою англоязычную речь, либо коммуникативно-неприемлемо их используют. В условиях профессиональной межкультурной иноязычной коммуникации наиболее негативное влияние на успешность коммуникативного акта оказывают последние два пункта.

Таким образом, крайне важно разработать комплекс заданий, которые могли бы способствовать коммуникативно-приемлемому

вербальному поведению перед аудиторией, при этом создавая проблемно-ориентированную образовательную среду. Необходимы не только задания, направленные на отработку речевых навыков на уровне лексических единиц, но и на развитие умений декодирования содержания иноязычного текста с учетом выделения тех оттенков смысла, которые были добавлены с помощью идиом, а также порождения коммуникативно-приемлемых текстов на английском языке.

При этом представляется целесообразным включить в систему проблемных иноязычных заданий для идиоматического обогащения английской речи магистрантов следующие задания:

- коммуникативные задания на декодирование значения английских идиом;
- поисково-сравнительные задания на наличие или отсутствие схожих идиом в родном и изучаемом языках;
- лингвокультурные/лингвокультуроведческие задания на сравнение ситуативно-тематических контекстов использования аналогичных или сходных ФЕ в русском и английском языках;
- коммуникативные социокультурно обусловленные задания на использование идиом в профессионально значимых жанрах публичной речи;
- коммуникативно-когнитивный тренинг в оценивании степени целесообразности использования идиом говорящим/пишущим в профессионально значимых сферах МКК.

Серия проблемных заданий, в рамках которых студенты сами раскрывают смысл идиом с учетом учебного поиска и междисциплинарности позволит:

1) сформировать у студентов лингвокультурные представления о смысловом значении осваиваемых идиом и коммуникативном диапазоне их использования в английской речи;

2) создать основу для дальнейшего коммуникативного вербального тренинга студентов в коммуникативно-целесообразном использовании идиом в разных видах вербальной деятельности на иностранном языке.

Для наиболее эффективного развития идиоматической компетенции у магистрантов-лингвистов в рамках устной и письменной профессиональной коммуникации на английском языке предлагается следовать следующим этапам изучения идиом:

1) кодирование и декодирование ФЕ, представленных в устных и письменных текстах повседневно-бытовой, образовательной и на-

учной тематики с последующим обсуждением/поиском значения ФЕ, лингвистическим комментарием и/или сопоставлением с ФЕ родного языка;

2) стимулирование использования ФЕ в сверхфразовых единствах при решении конкретной коммуникативной задачи;

3) стимулирование использования ФЕ для повышения выразительности подготовленной и неподготовленной речи обучающихся на английском языке.

Таким образом, на уровне магистратуры особенно важным представляется необходимость развития у студентов умения коммуникативно-приемлемо использовать идиоматические ресурсы английского языка в ситуациях межкультурной коммуникации в повседневно-бытовой, деловой, образовательной и публичной сферах, а не обучение слепому заучиванию идиом и механическому включению их в речь. Данная задача вполне достижима в процессе формирования когнитивно-коммуникативных умений, что, в свою очередь, реализуется при создании и дальнейшем использовании иерархии проблемных кросс-культурных заданий с постепенным усложняющимся содержанием и структурой речевого поведения. Подобный комплекс англоязычных коммуникативно-когнитивных заданий, формирующих проблемно-ориентированную образовательную среду на занятиях по практическому курсу английского языка, может составлять основу методического инструментария для формирования развития идиоматической компетенции у студентов-лингвистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963.

2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1966.

3. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. 3-е изд., М.: Стереотип. 2009.

4. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140–161.

5. Добрыднева Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.

6. Махмутов М.И. Избранные труды: В 7 т. Т. 1: Проблемное обучение: Основные вопросы теории / Сост. Д.М. Шакирова. Казань, 2016.

7. Осипова Е.С. Идиоматическая компетенция как необходимая составляющая коммуникативной компетенции учащихся старших классов средней

общеобразовательной школы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. II. С. 155–158.

8. Осипова Е.С. Формирование идиоматической компетенции на основе ресурсов корпусной лингвистики в процессе подготовки переводчиков в сфере профессиональной коммуникации: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2017.

9. Сафонова В.В. Коммуникативное образование средствами соизучаемых языков в современной высшей школе: концептуальные основы, проблемы и перспективы развития // Традиции и инновации в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе: материалы межвузовской научно-практической конференции (Москва, 8 апреля 2016 г.) / отв. ред. М.А. Чигашева, А.М. Ионова, М: МГИМО-Университет, 2016. С. 18–30.

10. Сафонова В.В. Лингводидактические основы моделирования проблемно-ориентированной образовательной среды в университетском языковом образовании. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 1. С. 9–25.

11. Сахнина Е.Л. Перспективы использования заданий проблемного характера в обучении идиоматике студентов-лингвистов в высшей школе // Коммуникативные коды в межкультурном пространстве как средство формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения. Материалы III Междисциплинарной научной конференции 01–02 июня 2023 г.: сборник научных трудов / науч. ред. Г.Г. Молчанова, М.: КДУ, Добросвет, 2023. С. 621–627.

12. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М.: Московский государственный университет. Филологический факультет, 1998.

13. Чепкова Т.П. Адаптивно-модульное обучение иностранных учащихся фразеологии русского языка в системе высшей школы : автореф. дис. … д-ра пед. наук. Москва, 2023.

14. Howarth P.A. Phraseology in English Academic Writing. Some implications for language learning and dictionary making. Tubingen: Niemeyer, 1996.

15. Liontas, J. I. Developing a pragmatic methodology of idiomaticity: The comprehension and interpretation of SL vivid phrasal idioms during reading. Unpublished doctoral dissertation, The University of Arizona, Tucson, AZ, 1999.

Elizaveta L. Sakhnina

LINGUODIDACTIC FUNDAMENTALS OF DEVELOPING IDIOMATIC COMPETENCE OF MASTER'S DEGREE STUDENTS MAJORING IN LINGUISCTICS

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
sakhninael@my.msu.ru

Abstract. Today the need to teach a foreign language in the context of a dialogue of cultures and civilizations is obvious. Therefore, a deep linguodidactic study of culture-specific aspects of a studied language is necessary. Idioms, as a storage of a culture's memory and means of increasing expressiveness of a statement, are an important part of a student's linguistic repertoire on the level

of communicative proficiency C1-C1+. That level generally corresponds to the level of Master's degree students majoring in 'Linguistics'.

This paper gives an insight into developing Master's degree students' idiomatic competence, as well as clarifies the term 'idiomatic competence' for the field of higher education. Linguodidactic analysis of 10 student books on idioms shows a lack of problem-solving tasks. In addition, the necessity of implementing communicative training for contextually acceptable use of idiomatic expressions in professional oral and written foreign language speech is substantiated. In the end, the author presents methodological fundamentals for idiomatic enrichment of Master's degree students' public speech, and describes the principles of organizing a system of interconnected cultural and linguocultural problem-solving tasks and assignments.

Keywords: idioms, phraseological units, idiomatic competence, university education, problem-based learning, problem-oriented educational environment, English language

For citation: Sakhnina E.L. (2025) Linguodidactic fundamentals of developing idiomatic competence of Master's degree students majoring in linguistics. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal,* vol. 28, no. 2, pp. 184–194. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-13 (In Russ.)

About the author: Elizaveta L. Sakhnina — Lecturer, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; sakhninael@my.msu.ru

REFERENCES

1. Amosova N.N. 1963. *Osnovy angliiskoi frazeologii* [Basics of English Phraseology]. L.: Izd-vo Leningr. un-ta. (In Russ.)

2. Akhmanova O.S. 1966. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. M.: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.)

3. Akhmanova O.S. 2009. *Ocherki po obshchei i russkoi leksikologii* [Essays on General and Russian Lexicology]. 3-e izd., M.: Stereotip. (In Russ.)

4. Vinogradov V.V. 1977. *Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinits v russkom yazyke.* [On the Main Types of Phraseological Units in the Russian Language]. In Vinogradov V.V. (ed.) *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works. Lexicology and Lexicography]. Moscow, pp. 140–161. (In Russ.)

5. Makhmutov M.I. 2016. *Izbrannyye trudy: V 7 t. T. 1: Problemnoye obucheniye: Osnovnyye voprosy teorii* [Selected works: In 7 volumes. T. 1: Problem-based Teaching and Learning: Basic Theoretical Issues]. Sost. D.M. Shakirova Kazan': Magarif Vakyt. (In Russ.)

6. Osipova E.S. 2015. Idiomaticheskaya kompetentsiya kak neobkhodimaya sostavlyayushchaya kommunikativnoi kompetentsii uchashchikhsya starshikh klassov srednei obshcheobrazovatel'noi shkoly [Idiomatic competence as a necessary element of communicative competence of the senior pupils of the secondary comprehensive school]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki,* no. 3 (45): v 3-kh ch. Ch. II, pp. 155–158. (In Russ.)

7. Safonova V.V. 2016. *Kommunikativnoe obrazovanie sredstvami so-izuchaemykh yazykov v sovremennoi vysshei shkole: kontseptual'nye osnovy, problemy i perspektivy razvitiya* [Communicative education by means of co-studied languages in modern higher education: conceptual foundations, problems and development prospects]. In M.A. Chigasheva, A.M. Ionova (eds.) *Traditsii i innovatsii v prepodavanii inostrannogo yazyka v neyazykovom vuze: materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 8 aprelya 2016 g.)* [Traditions and innovations in teaching foreign languages in a non-linguistic university: materials of the interuniversity conference]. M.: MGIMO-Universitet, pp. 18–30. (In Russ.)

8. Safonova V.V. 2024. Lingvodidakticheskie osnovy modelirovaniya problemno-orientirovannoi obrazovatel'noi sredy v universitetskom yazykovom obrazovanii. [Linguodidactic Fundamentals of Modeling a Problem-Oriented Educational Environment in University Language Education]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1, pp. 9–25. (In Russ.)

9. Sakhnina E.L. 2023. Perspektivy ispol'zovaniya zadanii problemnogo kharaktera v obuchenii idiomatike studentov-lingvistov v vysshei shkole [Prospects of using problem-oriented tasks in teaching idioms to Linguistics major students in higher education]. In G.G. Molchanova (ed.) *Kommunikativnye kody v mezhkul'turnom prostranstve kak sredstvo formirovaniya obshchegumanitarnykh kompetentsii cheloveka novogo pokoleniya. Materialy III Mezhdistsiplinarnoi nauchnoi konferentsii 01–02 iyunya 2023 g.: sbornik nauchnykh trudov* [Communicative codes in the intercultural space as a means of forming general humanitarian competencies of a new generation of people. Materials of III Interdisciplinary Scientific Conference June 1–2, 2023: collection of scientific papers], M.: KDU, Dobrosvet, pp. 621–627. (In Russ.)

10. Smirnitskii A.I. 1998. *Leksikologiya angliiskogo yazyka* [English lexicology]. Moscow: MGU. Filologicheskii fakul'tet. (In Rus.)

11. Howarth P.A. 1996. *Phraseology in English Academic Writing. Some implications for language learning and dictionary making.* Tubingen: Niemeyer.

12. Liontas, J.I. 1999. *Developing a pragmatic methodology of idiomaticity: The comprehension and interpretation of SL vivid phrasal idioms during reading.* Unpublished doctoral dissertation, The University of Arizona, Tucson, AZ.

13. *CEFR. Companion Volume. Council of Europe. CEFR Companion Volume with New Descriptors*. Strasbourg: Language Policy Programme, Education Policy Division, Education Department, 2021.

Статья поступила в редакцию 09.02.2025;
одобрена после рецензирования 20.03.2025;
принята к публикации 22.03.2025.

The article was submitted 09.02.2025;
approved after reviewing 20.03.2025;
accepted for publication 22.03.2025.